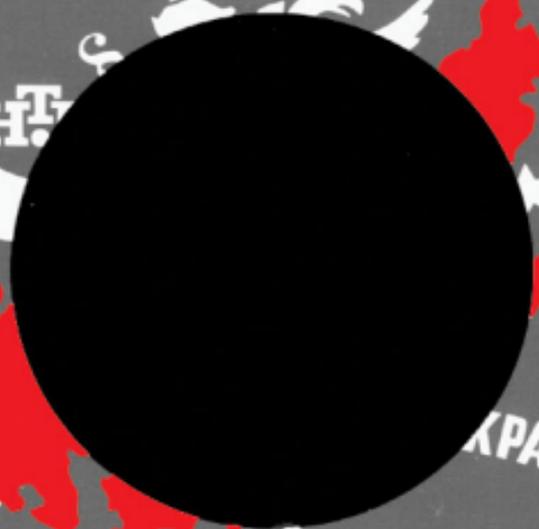

3

2010

РОССИЯ XXI

3. 2010 май-июнь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Контрнаступление Модерна.
Возможности и альтернативы _____ 6

Грани катастрофы

Андрей Ранчин

«Мерзейшая мощь»: о конце эпохи
Университета и о реформе российского
высшего образования _____ 26

Геоглобалистика

Игорь Максимычев

Пост сдан. Последний год ГДР. Из дневниковых
записей советника-посланника посольства
СССР в Берлине _____ 58

Страницы истории

Марк Лапицкий

Россия – США: две страны, два мира _____ 82

Россия в мире

Валентина Марьина

1944–1945 годы: Красная Армия
в Восточной Европе _____ **120**

Пути духовных исканий

Михаил Реутин

Образ человека в творчестве Иоанна
Экхарта. Теория экстаза _____ **146**

Актуальный архив

Виктор Мальков

P.S. К истории жизни президента
США Франклина Д.Рузвельта _ **170**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, профессор, директор Центра кавказских исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, президент Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа—США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургиян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом.

Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Каждый из наших поступков
имеет целью
известное проникновение
нашей воли
в реальность.

Анри Бергсон

**Сначала делается один шаг
в новом направлении, потом
другой, и если мы выбрали
правильное направление,
то эти шаги решают все.**

Эрих Фромм

Сергей Кургинян

КОНТРАСТУПЛЕНИЕ МОДЕРНА. ВОЗМОЖНОСТИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ¹

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК
304.9

The contemporary world has transgressed the line which divides the old world of the Modern (the world of rational secular civilization) from the archaized world which denies valued of humanism and development. Destinies of the Modern depend on politicians who due to various reasons are not ready to counteroffensive of the Modern and incapable to advocate its values. The Modern has many enemies. First of all, it has strategic enemies, i.e. the post-Modern and the counter-Modern. They share the negative attitude towards progress and possibilities of development. For instance, Radical Islam easily finds allies precisely on the basis of fight against the Modern. At the same time any attempt to justify the Modern civilization system by religious motives causes its inner degeneration and accelerates its fall. The negative nature of the post-Modern corresponds to the general trend which is aimed at overcoming of national states' culture and proves that humankind have neither history not possibilities for development. In these conditions the Modern is being destroyed ruthlessly and steadily. Contemporary political leaders should to recognize the danger posed by the current situation and to act not in defense but in offense because for the Modern which embodies the movement forward any stagnation is tantamount to its final and ultimate defeat.

Ключевые слова: модерн; постмодерн; контрмодерн; создание Израиля; радикальный ислам; мир халифата; США и Ближний Восток.

Kew words: the Modern; the post-Modern; the counter-Modern; creation of Israel; Radical Islam; the Khalifat world; the USA and the Near East.

E-mail: ecc@ecc.ru

---

¹ Выступление на канале RTN/WMNB (США). Передача «Особое мнение». Ведущий Александр Грант. 29.04.2010.

А.Грант – Гость нашей передачи Сергей Кургинян. Сергей, добрый вечер.

С.Кургинян – Здравствуйте, Александр.

А.Грант – Итак, человечество, во всяком случае, та цивилизация, о которой я говорю, жила, не тужила, жила по Шпенглеру, жила по Тойнби, жила по Хантингтону, пробовала жить по Фукуяме. В общем-то, мы говорили, что эта цивилизация то процветает, то возрождается, то приходит к концу, то нуждается в каких-то подвигах. Что сейчас происходит, на Ваш взгляд, с этими самыми механизмами управления разумным человечеством?

С.Кургинян – Моя модель несколько отличается от хантингтоновской и от других. Я считаю, что на протяжении последних 500 лет человечество в целом жило в некоем великом мегапроекте, который я называю «проект модерн». Ну, не один я, так очень многие говорят. Этот проект доминировал на протяжении многих веков, ну, скажем, трех, как минимум, и властвовал над умами. Даже те, кто не был включен в этот модерн, пытались в него включиться, впрыгнуть, догнать. Человечество верило, что, в конечном итоге, все будут жить в модерне, и тогда станет как раз и хорошо. Мы видим, что на сегодняшний день есть три проекта: модерн, контрмодерн и постмодерн. Постмодерн – это то, в чем начинает жить большая часть Запада, постепенно и неумолимо это происходит. Это меньше касается Америки и больше касается Европы, и больше всего касается самых таких лениво остановившихся частей Европы, так сказать, почивших на лаврах. Там очень сильно закипает эта вся постмодернистская культура. Постмодернизм – это политическое, а не только культурное явление. Это новая политика, это политика, отрицающая ценности модерна, противостоящая им, считающая модерн авторитарным, слишком гуманистическим. По большому счету, она отрицает проект как таковой, подлинность человечества как таковую, историю как таковую, самого человека называет проектом с не слишком давней историей. Это далеко идущее постмодернистское политическое начинание. Оно набирает обороты. С другой стороны, есть контрмодернистское начинание, которое связано с радикальным исламом и вообще с попыткой части человечества воинственно отказаться от ценностей модерна, прогресса, гуманизма. В целом, от ценностей, которые очень существенно связаны с Великой Французской революцией, хотя, конечно, не сводятся к ней, от ценностей христианства с его линейным временем и движением человечества в пространстве истории, от историч-

ности как таковой, которая в значительной степени связана и с персидским зороастризмом, и с иудаизмом.

А.Грант – Ваше определение категории модерна. Это категория во времени или в пространстве?

С.Кургинян – Это социокультурная категория. Модерн – это явление, начавшееся в значительной степени примерно 500 лет назад. Я здесь не буду давать своих определений, я скажу то, что по этому поводу говорили сначала Вебер, потом Зиммель и Хабермас и что стало некой классикой социальной мысли. Окончательно явление модерна сложилось тогда, когда одни из идеологических соображений, а другие из соображений научных стали критиковать теорию формаций Маркса, противопоставляя этим многочисленным формациям (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и т.д.) две суперформации: премодерн, или традиционное общество, и модерн, то есть переход от традиционного общества в общество современное. Тогда же были охарактеризованы черты этого общества. Это общество, в котором церковь отделена от государства, это общество, где господствует рациональная культура, это общество, где сформировалось новое понятие «нация» (нация есть продукт модерна и его субъект одновременно), где возникла новая форма внерелигиозной идентичности, национальное государство на ее основе, буржуазный рационализм, зрелая рыночная экономика и т.д., и т.п. В этом смысле, конечно, модерн достаточно тесно связан с буржуазностью как таковой или, точнее, с фазами перехода из феодализма в буржуазность, с развертыванием этой буржуазности и с ее закреплением на последнем этапе. Вот это все и есть модерн, модернизи его еще называют.

А.Грант – Помимо Шпенглера еще упомяну Бердяева. Его представления играют роль в Вашей концепции модерна?

С.Кургинян – Концепция модерна, я еще раз подчеркиваю, является не моей. Как говорилось когда-то в известном анекдоте, когда бабушку впихнули в троллейбус и ноги ей отдавливают, а она кричит: «Ахти, господи, интеллигентов, интеллигентов совсем нет». Ей отвечают: «Интеллигентов до фига, автобусов мало». У нас авторов концепций много, у нас мало осмыслений того, что сделало человечество, того, что стало классикой социальной мысли. То, что я сейчас излагаю, является классикой социальной мысли. Я в большей степени излагаю Вебера или Зиммеля, чем себя. И для меня это очень принципиально, потому что возможна моя концепция, потом появится еще какая-нибудь концепция, но модернизация – это общее явление. У него есть отцы-основатели,

один из них ныне жив, хотя отчасти отрекается от своей концепции – это Хабермас. Другие – это тоже крупнейшие ученые. Я повторяю, одни из них атаковали концепцию Маркса из идеологических соображений, ибо она была коммунистична, другие делали это из научных соображений. Например, для Вебера было очень важно, что, как ему казалось, Маркс преувеличивает значение базиса и преуменьшает значение надстройки. А на самом деле, протестантская этика есть подлинный, так сказать, мотор создания капитализма. Этому он посвятил одно из своих фундаментальных исследований о роли протестантизма.

А.Грант – Я, в таком случае, могу предположить, что успех какой-то политической концепции или общей стратегии данного государства прямо пропорционален тому, в какой степени руководство этого государства придерживается темпов модернизации.

С.Кургинян – Да, это так было до второй половины XX века, примерно до 80-х годов. А потом вдруг выяснилось, что сам по себе модерн медленно погибает. И, кроме того, он не всех устраивает. Это началось еще в 60-е годы, когда всем известный Римский клуб начал подвергать сомнению сами ценности модерна и стал задаваться вопросом, что будет, если все общества начнут развиваться по пути модерна? Грубо говоря, ни одно из правительств мира, ни один клуб мудрецов ООН и прочие не ответили на тупой, примитивный и тем не менее жгучий вопрос: если Индия, Китай и другие страны завоюют тяжелым трудом право их граждан иметь тот же образ жизни, который имеют американцы, например, или европейцы, то есть иметь коттеджи, энергию для этих коттеджей, по две машины на семью, бензин для этих машин и т.д., то выдержит ли эту нагрузку мир? Готов ли он принять в современность еще 3 миллиарда людей? Что с ним случится в этом случае?

А.Грант – Понятно. То есть если в цивилизованный мир, который на сегодня называет себя так, вольется еще 1,5–2 миллиарда человек, которые пожелают жить так же цивилизованно, то...

С.Кургинян – ...он может рухнуть. Боливар может не выдержать двоих. Люди знают об этом, но честно эту проблему не обсуждают. Это считается некорректным. Хотя, на самом деле, это единственная, основная, жгучая проблема человечества.

А.Грант – Имеется в виду, в общем-то, что есть люди, которым и не нужно жить хорошо, а может, и вообще не нужно жить?

С.Кургинян – Ну, это второй вопрос, но вот они хотят жить хорошо. Есть несколько стран, которые заявили, что они хотят так жить, и начали побеждать в этой гонке. Второй вопрос: если в гонке, которая задает-

ся правилами модерни, например, – о, ужас! – победит Китай, то признает ли основной мир его победу? Обычно в условиях модерни победу признавали по итогам мировой войны. Например, Германия начала опережать Великобританию в начале века. Война 1914–1918 годов показала, что, на самом деле, эта немецкая гонка, так сказать, неправомерно. Германию отбросили назад, сказали: «Моя дорогая, ты слишком на многое претендуешь». Ее, как говорили бы сегодня у нас в России, «опустили». Таковы правила модерни. «Ты хочешь сказать, что ты выигрываешь, а мы лузеры? Что ты опережаешь? Докажи».

А.Грант – Тогда в модерн придется включить изобретение пули «дум-дум», иприта и люозита...

С.Кургинян – Ну, да, да, это же тоже прогресс в производительных силах. То есть в силах ликвидации человечества. Короче, вопросов много. Римский клуб сформулировал их несколько более корректно. Он начал говорить, что экология не выдержит, что ресурсов не хватит. Короче говоря, модерн шел вперед без помех до 60-х годов, когда Римский клуб начал его проблематизировать и говорить: «А нужно ли это?» Концепция устойчивого развития, которую выдвинул бывший вице-президент США А.Гор, по существу, ведь тоже проблематизирует модерн, потому что развитие, честно скажу вам, устойчивым быть не может. Либо – либо. Либо есть развитие, либо есть устойчивость. Поэтому, когда развитию начинают приписывать устойчивость, это значит, что от него отказываются. Развитие – это существенно нелинейный процесс, оно не может быть устойчивым, оно держится на альтернативе этой устойчивости.

Короче, начались проблематизации. Модерн стал буксовать. И пробуксовка была очень четко уловлена неоконсерваторами, как европейскими, так и американскими. Они вдруг почувствовали, что в модерне нет «утешения». Мы хорошо живем, но мы же смертны! Что же с этим стрессом делать? И постепенно неоконсерваторы начали опускать в модерни, которое для религии не приспособлено, стержень религиозного утешения. А когда его опускаешь в существующий «реактор», там происходит что-то наподобие Чернобыля, он взрывается.

А.Грант – Давайте спроецируем Вашу модель модерна на создание, существование и перспективы государства Израиль, которое было создано, в основном, на мой взгляд...

С.Кургинян – Конечно, модернистская конструкция.

А.Грант – Создание Израиля, с одной стороны, было морально-этическим: после Второй мировой войны дать государство людям, ко-

торые страшно страдали, часть которых была жестоко уничтожена, и, в общем, они имеют на это право. Я имею в виду не сионизм как движущую силу, а согласие государств в только что образованной ООН разрешить это государство. Ну, то есть морально-этическая цель. И, естественно, стратегическая цель. Государство Израиль, с дальнесрочной точки зрения, скажем США, возможно, было создано как некий непотопляемый авианосец наших вооруженных сил на Ближнем Востоке. Вот это модернистская идея или нет?

С.Кургинян – Сионизм – это еврейский модернизм. Государство Израиль – это чисто модернистский проект. Это проект создания еврейской нации, не народа, а нации, секуляризации еврейского населения, перевода его даже в связи с этим на другой язык (скажем, с идиша восточноевропейского на иврит), придания его истории определенной конфигурации. Это один из мощнейших проектов XX века, который преуспел, который показал, что вообще-то государство можно создать, практически, во второй половине XX века (это очень поздняя конструкция). Что его можно создать в глубоко враждебном окружении, миллиардном и т.д. Конечно, это абсолютно модернистская проекция и это некая еврейская мечта о том, что евреи будут как все. Само понятие «сабра» (выросший на своей почве) свидетельствует о том, что евреи говорят: «Дайте нам то же, что и всем! Мы хотим быть таким же государством Средиземноморья, как Балканские государства. Средним государством, с такими же возможностями, как у всех. Нам надоело быть исключительными, нам надоело это чертово мессианство! Мы хотим получить то же, что и все другие, – государство, нацию, парламент, государственную жизнь и все, что из этого проистекает. И мы строим это, в сущности, на законах модерна». Конечно, это абсолютно модернистская конструкция.

А.Грант – Я хочу сегодня понять, не говоря о той роли, которую играет внутренний энтузиазм населения, об отношениях между еврейской диаспорой и населением еврейского государства, о духовной черте, я пытаюсь понять нынешний курс администрации США и в какой-то степени правительств других стран Старого света, включая правительство Вашей страны. Я беру переориентацию отношений, некоторое охлаждение отношения к Израилю, которое очень сильно чувствуется здесь, в Вашингтоне, при администрации Обамы.

С.Кургинян – Это очень интересная проблема, она меня тоже интересует. Но давайте все-таки зафиксируем для начала, что на довольно коротком периоде существовал горячий роман между становящимся

Израилем и Советским Союзом, это общеизвестно. Это Сланский, это поставки оружия через социалистическую Чехословакию, это позиция Громыко в ООН, это было. Но потом довольно быстро Израиль понял то, что понимает каждое небольшое государство, будь то Армения, Словения или Венесуэла: что если государство не очень большое, то оно рано или поздно входит в какую-то макроконструкцию, что без этого вхождения в макроконструкцию невозможно. Израиль ответил на один стратегический вопрос: с кем вы, мастера культуры? Он сказал: «Мы с США. У нас есть стратегическая связь с США». Помимо этого Израиль решил массу вопросов: он создал достаточно сильное государство, создал армию, культуру, науку, у него прекрасный хайтек и т.д. и т.п., он решил сотни тактических вопросов. Но на один стратегический, что будет, если разломается связь с США, он не ответил. Что будет, если завтра США пойдут дальше? Они явно отходят от Израиля. Куда? Они когда-нибудь проголосуют в Совете безопасности ООН против Израиля? Что будет, если Израиль дальше не будет идти путем, который ему указывают США? А это для него путь ликвидации, это надо точно понимать: то, что ему сейчас предлагается, это путь к ликвидации. Если Израиль перестанет идти этим путем, то возможна экономическая блокада Израиля? Да или нет?

А.Грант – Вы знаете, наверное, еще при Сталине, когда было резкое ухудшение отношений с Югославией (или это было в начале хрущевской поры?), я помню журнал «Крокодил», на котором был нарисован Иосип Броз Тито с окровавленным топором в руке, а у ног его такая, тоже с окровавленными зубами, собачонка. И было написано: «Кровавый палач Тито и его цепной пес Ранкович».

С.Кургинян – Да. Это было при Сталине, конечно, при Сталине, 52-й год какой-нибудь.

А.Грант – С определенной позиции в Израиле видели вот этого самого цепного пса США, который держит в страхе и повиновении или покорности соседние государства.

С.Кургинян – Так Израиль им и был! Он им и был. Вопрос не в том, что он им был. Он был отличным цепным псом, качественным, но только сейчас он не нужен хозяину! Вопрос не в том, что пес стал хуже, что у него выпали зубы или что-нибудь еще, – просто изменилась ситуация. Прежде всего, рухнул биполярный мир. В пределах этого мира арабы тяготели к Советскому Союзу, а Израиль был контрбалансом. Нет этого контрбаланса. Арабы говорят США: «Дядечка, а зачем тебе Израиль? Мы готовы с тобой дружить! Ты же не Буш, ты же не воюешь с исла-

мом, давай с нами дружить! Нас миллиард человек, у нас подавляющая мощь, нефть, мы контролируем возбужденное человечество, мало ли, что еще у нас есть. Мы можем тебе понадобиться. На фига тебе баян под названием Израиль? Он тебе зачем? Ну, ты им сдерживал русских, но русских нет. Русские не хотят контролировать полмира и совершать коммунистическую революцию в Нью-Йорке. Зачем теперь тебе он нужен?». Это первое. Ресурсы, значение нефти в XXI веке, гигантское значение взбудораженного, нагретого миллиарда людей, огромная коалиция стран! Но не это главное. Буш попробовал иначе, США попробовали стать «Четвертым Римом». И выяснилось то, что я Вам, по-моему, уже говорил: что за это нужно платить. Платить! Нужно поставить 300 тысяч человек гарнизона в Ирак, 500 тысяч человек – в Иран, быть готовыми воевать в Пакистане, предложить миру Pax Romana, то есть Pax America, некую модель, понять, что ты там создаешь, – и платить за это, платить и платить. Американский народ платить за «новый Рим» не хочет – он показал это, избрав Обаму. Но и уступать он не может! Потому что если Америка уйдет с первого места в мире на второе или вернется к какому-то изоляционизму, то грохнет доллар, грохнет образ жизни – всё. Тогда возникла модель «нового Карфагена». А вот в этой модели «нового Карфагена» нужен источник хаоса – и этим источником хаоса является радикальный ислам. Этот радикальный ислам рассорился с США и обиделся на них. Теперь США ему говорят: «Слушай, ну, там, один дурак совершил не то, но мы же сейчас совершенно новые! Ты видишь, у нас лицо новое, фактура новая, даже цвет новый – мы совсем, совсем другие. Давай дружить?» Он отвечает: «Давай! Но нужен подарок». – «Какой подарок?» – «Ну, ясно же какой – Израиль. Отдай нам Израиль, и будем дружить».

А.Грант – Мы сейчас говорим уже о категории жертвы. Я хочу вернуть Вас к проблеме. Мы с Вами, в общем-то, согласились, что существовала проблема в биполярном мире. В биполярном мире существовал Советский Союз, существовали США, у каждого из них были сателлиты и общие интересы. В существовании Израйля Соединенные Штаты были кровно, стратегически заинтересованы именно как в силе сдерживания.

С.Кургинян – Конечно.

А.Грант – После этого ситуация изменилась. Противник в виде соцлагеря и во главе с Советским Союзом исчез.

С.Кургинян – Нет, нет, подождите, противник исчез ненадолго.

А.Грант – Можно ли предположить, что после этого Израиль сам по себе, в силу собственного существования на земном шаре, стал создавать проблемы, которые США на сегодняшний день показались стратегически невыгодными?

С.Кургинян – Конечно, можно. И Вы совершенно правы. Но я хочу уточнить Вашу модель. Когда Советский Союз перестал существовать и прекратился этот баланс, возник новый баланс при Буше: война цивилизаций, Хантингтон. Есть просвещенный мир и его лидер США – и есть антисистема в лице радикального ислама или исламизма. Буш даже пару раз что-то пискнул про крестовый поход, что он, так сказать, Crusader. Его тут же остановили, конечно, но, в принципе, эта модель нарисовалась. И тогда Израиль опять стал нужен. Он стал нужен в другой модели биполярности, не в модели «СССР–США», а в модели «США и весь просвещенный мир против ислама». Как только пришел Обама, эта модель рухнула. Хантингтон приказал долго жить. Обама хочет вернуться к модели дружбы США с исламом, и с радикальным в том числе. Отменена война с террором. Сказано: «Мы не воюем с террором. Мы боремся с террором». Вам надо объяснять разницу между этими двумя словами? Когда мы воюем, я не знаю, с алкоголем, то мы рубим виноградники и сажаем за выпитую бутылку, а когда мы боремся, мы говорим: «Слушай, Ваня, не надо так много пить». Когда мы воюем с преступностью, мы отстреливаем преступников, как это делал Жуков после войны. Когда мы боремся с ними, то у нас милиция ходит и говорит, что «наша служба и опасна, и трудна», и т.д. Когда мы ведем войны – это войны. Когда мы боремся – то боремся. США уже не воюют с террором, как при Буше, они с ним борются, то есть ничего с ним не делают. Талибов начали находить «умеренных»! Где и кто видел умеренного талиба?

А.Грант – Администрация США изобрела такую модель «недружественного сосуществования»...

С.Кургинян – Но она старая! Ислам как средство. Мало ли каким средством был ислам! Он был средством войны с Российской империей, он был средством войны (ваххабитский ислам) с Османской империей, он был средством войны с СССР. Теперь снова кто-то его хочет поднять! Но это же не простое дело – поднимать. Народ разгорячен, это миллиард людей, с ними надо как-то договариваться. Им же нужно... Когда-то моя мама сдавала кандидатский минимум – это было очень, очень давно, после войны, – и ей страшно мешал патефон, который постоянно заводили в соседней комнате коммуналки. Патефон принад-

лежал офицеру, подселившемуся к жившей там барышне. Когда же офицер решил уйти, разыгралась семейная драма: мать этой барышни кричала: «Патефон ты должен ей оставить за ее поруганную честь». Ну, вот сейчас исламу нужен «патефон за поруганную честь». Патефон называется Израиль. Его надо отдать за поруганную честь, положить на стол так, чтобы можно было снова любить ислам. Бжезинский всегда мечтал любить ислам, он всегда считал, что это очень позитивная сила, которую можно направить на другой мир. Вот он и сейчас говорит, что надо «железной рукой» принуждать Израиль к покорности.

А.Грант – Сергей, вот эта палочка-выручалочка, на которой упорно настаивают три наши последние администрации – и Клинтона, и Буш-младшего, да и Обамы: сосуществование двух государств – палестинского и израильского. И это заведомо зная, что никакого сосуществования не будет и государства Палестина может не получиться.

С.Кургинян – Это фантом. Нет силы в мире (ну, кроме объединенного человечества, высадившего туда двух–трехмиллионную армию), которая может заставить подписать мир. Ну, не будет этого! Пусть об этом знают все умники, которые пытаются эту химеру соорудить. Будет подписано двадцатилетнее перемирие. Там не может быть ничего сооружено. Что они хотят соорудить? Поселения надо вывести из Иудеи, Самарии и Восточного Иерусалима? Это сколько тысяч человек? Триста, четыреста, полмиллиона? Сколько надо вывести? Если вывести сто тысяч, Израиль уже рухнет. Посчитайте деньги, которые надо заплатить, и посчитайте, что это такое – каждый беженец. Вывести десять тысяч из Газы можно. Хотя Израиль будет зализывать эту травму на протяжении десяти – двадцати лет. Но вывести триста тысяч невозможно.

А.Грант – Сергей, спасибо. Нам нужно сейчас прерваться на пару минут рекламной паузы. Дамы и господа, оставайтесь с нами. Сергей Кургинян, оставайтесь с нами на телефонной связи. Впереди у нас еще несколько острых вопросов и ответов и, конечно, открытый эфир. Итак, рекламная пауза.

Рекламная пауза

А.Грант – Итак, друзья, мы продолжаем программу «Особое мнение», и гость сегодняшней программы – российский политолог Сергей Кургинян, который сейчас беседует с нами по телефону из Москвы. Итак, мы обсудили довольно глубокую тему. Если вы внимательно слушали ее, то вы, очевидно, имеете какие-то соображения по этому поводу и у вас возникли вопросы к Сергею Кургиняну или ко мне. Вам

покажут телефон нашей студии, можете звонить и задавать эти вопросы или делать свои выводы. А я хочу спросить у Сергея вот что. Мы возвращаемся к великому ядерному противостоянию двух сверхдержав – Советского Союза и США. Что было, то сплыло. На сегодняшний день, так как правопреемницей ядерного потенциала Советского Союза стала Российская Федерация, делаются какие-то попытки со стороны России заявить о себе точно так же, как заявлял Советский Союз, во всяком случае, как о грозном, сдерживающем резонансе Соединенных Штатов в его якобы ядерных амбициях. Ведутся какие-то переговоры, подписываются какие-то соглашения. В данном случае можно ли говорить о том, что, уж слишком серьезно принимая Россию как будущего возможного противника, Соединенные Штаты ищут нового ядерного врага? И находят его совершенно непонятно в чем. Вот недавно созданный Обамой саммит был на редкость бестолковым, потому что наш президент созвал, по-моему, шестьдесят пять лидеров других государств и предложил им обсудить тему: «Хорошо ли будет, если преступники станут воровать ядерное оружие?». Примерно так же можно было собрать саммит на тему: «Хорошо ли, что вода холодная?». Это была самоочевидная цель, и все дружно проголосовали за то, что очень плохо, если преступники будут воровать ядерное оружие. Это попытка как-то расширить эту проблему и создать врага, такого же неясного, с каким, как мы сейчас с Сергеем договорились, уже не воюют, а борются. Вот что здесь, какая концепция лежит, с Вашей точки зрения, у нашей администрации в этом вопросе?

С.Кургинян – Ну, прежде всего, я хочу сказать, что, с моей точки зрения, президент Обама пытается решать сложнейшие физические уравнения, ну, скажем, например, нелинейное уравнение турбулентности Навье-Стокса, используя таблицу умножения и учебник по арифметике для 5 класса средней школы. Это невозможно. Это все разговоры в пользу бедных, мир сложнее, чем то, что предлагается. Ну поговорили, ну поболтали, ну разошлись – но ведь действительно может навернуть! Вы мне предложили, и я в перерыве обдумал этот термин «цепной пес», Израиль как цепной пес. Так вот, то, что сейчас происходит, напоминает следующее: США хотят иметь не цепного пса – Израиль, не овчарку, а хотят иметь «цепного тигра» под названием «радикальный ислам». Но ведь «цепной тигр», понимаете, у него есть некие другие свойства: он ведь не овчарка, он трудно дрессируем, у него есть свой аппетит. А аппетит приходит во время еды. Мы смотрим на это уже с достаточным напряжением. А второе, мы хотим понять: а тигр-то на кого прыгнет?

Ну, хорошо, если не на нас. Но тогда мы точно хотим понять – на кого? А если на нас? Тут у нас возникает некий общий вопрос с государством Израиль, как вы понимаете. Что будет-то? «Куда ведет эта дорога, хозяйка?» – спрашивал Григорий Отрепьев хозяйку корчмы перед тем, как переправиться в Польшу.

А.Грант – Сергей, у нас есть звонок из Лос-Анджелеса. Феликс, пожалуйста, слушаем Вас.

Феликс – Я хотел сказать следующее. Я абсолютно согласен с многим, что говорите Вы, что говорит Кургинян. Если говорить об Израиле, то Израиль появился в сердце исламского мира как угроза всему исламскому миру в виде демократии. Пример Израиля как демократического государства для ислама, который начисто не принимает демократию, является постоянной угрозой. Победа в войне 67-го года, 73-го года, вспомните Черного Абдуллу, который никогда не примирится со своим поражением. И что бы ни говорили о мире, мир невозможен. Создание палестинского государства невозможно по следующим причинам. Первое: это постоянный резерв для войны с Израилем. Поэтому не упразднены лагеря палестинских беженцев, являющиеся источником и питательной средой для подготовки новых террористов. Второе: если будет создано палестинское государство, ему это не простит арабский мир, потому что он хочет одного – уничтожения Израиля. И последнее: созданное палестинское государство за счет чего будет жить? Если Израиль за эти 60 лет создал инфраструктуру, то эти привыкшие к бедности люди не готовы...

А.Грант – Спасибо. Мы Вас внимательно выслушали, это очень интересное замечание. Я хочу привлечь внимание Сергея Кургиняна к тому, с чего начал Феликс из Лос-Анджелеса: это ислам и западная демократия. Так ли ислам противостоит этой демократии и что эта демократия на сегодня собой представляет?

С.Кургинян – Пока мы будем говорить в терминах «демократия» и «ее враг», мы ничего не поймем. Противостоят друг другу модерн и контрмодерн. Модерн иногда использует демократию, иногда нет. Демократия не может быть высшей ценностью, демократия есть средство. Цели – это прогресс и гуманизм. Эти цели, действительно, очень чужды контрмодернистским силам, которые говорят, что эти цели от лукавого. В сущности, и Гитлер говорил, что они от лукавого. Помните еще Адриан Леверкюн у Томаса Манна, которого Томас Манн маркировал как Ницше (это был герой, условно обозначавший Ницше), говорил: «Я понял. Я уничтожу это». – «Что ты уничтожишь, мой друг?» – «Девя-

тую симфонию». Значит, есть силы прогресса и гуманизма, которые двигаются к прогрессу и гуманизму, используя на определенных этапах развития человечества демократию, а на определенных – диктатуру. Французская революция использовала якобинскую диктатуру, Наполеон не был демократом, но он был модернистом. Очень часто в азиатском регионе модерн осуществляется абсолютно недемократическими средствами, но модерн есть главное. У него есть враг – контрмодерн.

А.Грант – О том, что ислам используется модернистическими силами...

С.Кургинян – Имеется, в принципе, модернистский ислам, но все мои друзья, например, в Таджикистане, которые исповедовали модернистский ислам, убиты. «Братья-мусульмане» – сила, которая рвется прийти на смену нынешней египетской власти и частью которой является «ХАМАС», – это люди, которые говорят прямо, что они уничтожат модерн, что они его ненавидят и что, прежде всего, они будут убивать тех исламских деятелей, которые захотят модернизировать ислам. Светские государства, такие как Ирак, назывались «джахилия» – это «неверие». Радикальный ислам, халифатистский ислам не хочет национальных государств, он хочет халифата. Тогда возникает вопрос, нет ли места сговору, при котором некая часть Запада хочет создать в виде ядра постмодернистский мир, а в виде периферии – контрмодернистский мир, мир этого самого халифата. Не есть ли этот халифат – «зеленое оружие» против модерна, где бы он ни возникал? В Индии, так в Индии, в Китае, так в Китае, где бы то ни было. Это моя смелая гипотеза, но я предлагаю ее к рассмотрению. И если она верна, тогда многое становится на свои места. Как можно было входить в Ирак и разрушать иракское национальное государство, по сути, а теперь выходить из него и кидать Ирак в пасть Ирану, усиливая Иран? Что, это было непонятно? Тут даже Иран упрекать нельзя: ему дают даром нечто съесть. Он съест и скажет спасибо. Что, были люди, которые это не понимали? Конечно, понимали. Почему надо было разрушать основу национального Ирака? Ну, плохой лидер – замени хорошим. Почему надо было менять всю схему?

А.Грант – Но в таком случае, Сергей, мы говорим о том, что настало время великих перемен. И, как Вы написали в одной из Ваших статей, необходима смена парадигмы. То есть Вы сейчас создали перед нами некую таблицу (не Менделеева, скажем, а Кургиняна), в ячейки которой можно вставлять страны, вставлять фамилии политических деятелей, и

тогда станет ясно, что происходит сейчас между государствами, между цивилизациями, между группами, между врагами и друзьями.

Хорошо, Сергей, я согласен с Вами, что демократия – это не цель, а средство. Но как относиться к тому, что западная демократия на сегодняшний день (это опять же я заимствую из Ваших статей и готов подписать такую же статью, как ее соавтор) – совершенно выхолощенный вариант того, какое средство она собой представляла на своей заре и в свой расцвет. Сегодня это торжество меньшинства над большинством. Сегодня это права жертвы, которая, в общем, становится бесправной, а права получают насильники. Государство с его армией (и это очень хорошо видно на примере России), с его органами власти считается заочно негодяем. То есть оно не защищает уже униженного и оскорбленного. У униженного и оскорбленного не остается никаких прав, а права получают совершенно непонятные (то есть очень понятные, конечно) якобы угнетенные вчерашние насильники. То есть насильник становится мерилем добра и, если хотите, добродетели. Как это может быть средством?

С.Кургинян – Так это и есть превращенная форма по Гегелю. Форма, которая отрицает свое содержание. Как только демократия из формы превратилась в содержание, она смутировалась. Иначе просто и не может быть. Это есть типичный постмодернизм. Постмодернизм ненавидит целостность, он ненавидит national state, national values, все это для него глубоко противно, омерзительно. Меньшинства, аморальность, извращения, стирание грани между добром и злом, разрушение этоса и этики – все это и есть черты наступления постмодерна. Тогда ислам начинает говорить: «Посмотрите, что нам несут?! Нам же несут ужас, полный ужас! Вы хотите его? Нет. Мы станем бороться с ним». То, что мир движется к модели «ядро из постмодерна и периферия из контрмодерна», для меня очевидно. Но только, как говорил когда-то Высоцкий: «Пусть впереди большие перемены, я это никогда не полюблю». Эти перемены суть плохие перемены. Что же делать? Отстаивать мир модерна? Или все-таки двигаться в какой-то сверхмодерн, понимая, что разделение мира на постмодерн, с аморальным, извращенным ядром типа Римской империи периода упадка, и контрмодерн из варваров – это, в конечном итоге, есть победа варваров, крах цивилизации, и мы придем вообще неизвестно куда. Что же нам делать? Отстаивать мир модерна как некую консервативную модель или искать что-то другое? Вот это я называю решением нелинейных уравнений, уравнений Навье-Стокса. А то, что пытается делать Обама или другие, это попытка с

помощью таблицы умножения и арифметики для младших классов решать задачи совершенно другого класса сложности. Если западная элита, западная интеллигенция, западные мыслящие люди не начнут решать задачи, соразмерные по классу сложности процессам, происходящим в мире, мы проиграем Запад весь, целиком, мы погубим его. Нужно выходить на передний край мысли. Вместо этого нам все время читают более или менее нудные проповеди, назидания.

А.Грант – У Высоцкого еще есть фраза: «Ой, ребята, все не так, все не так, как надо».

С.Кургинян – Да вот это «не так, как надо», – это и есть вырождение, тупизм, вырождение всего в какие-то проповеди, блеющая элита, которая не может произнести ни нового слова, ни подлинной мысли. Я во всем расхожусь с господином Бжезинским, но в том, что Западу нужно быть лидером, а лидером можно быть только будучи лидером мысли... Теперь смотрите, что они делают. Кондолиза Райс приезжала в Египет, где признала, что попытки США добиться стабильности на Ближнем Востоке в ущерб демократии «ни к чему не привели». «Теперь мы меняем курс, – сказала она – мы поддерживаем демократические устремления всех народов. Настало время отбросить все оправдания, сдерживающие тяжелую работу демократии». Ну, кто это услышал? Это услышали «Братья-мусульмане». Что такое «тяжелая работа демократии»? В Узбекистане – это «Хизб ут-Тахрир», в Египте – это «Братья-мусульмане», в Палестине – это «ХАМАС». Понятно же, о чем идет речь. Демократия сама по себе ничего не значит. Вот если возникнут два племени: одно из них будет говорить, что нужно есть всех подряд, а другое, что только женщин. Это будут два племени людоедов, у них сформируется людоедский консенсус, возникнет двухпартийный парламент и СМИ, которые это обсуждают, – это будет демократией или нет? С точки зрения институтов это будет демократия, но это будет людоедская демократия. Значит, вопрос в культуре, а не в институтах. Что первично? Ценности.

А.Грант – У меня создается впечатление, что не только администрация Соединенных Штатов Америки, но и все другие правящие структуры цивилизованного мира оказались в положении круглого стола Камелота короля Артура, куда необходимо попасть янки с совершенно новыми орудиями управления. Они еще не знают, что есть огнестрельное оружие, а он уже делает кольт шестизарядный, и так далее. То есть он навязывает им, непонимающим, еще не созревшим, совершенно новую

методу, которая должна прийти. Это уже какие-то Стругацкие, понимаете?

С.Кургинян – Я согласен с вами, но только я не хочу, чтобы этот янки был из числа неонацистов.

А.Грант – Сергей, давайте послушаем Гену из Нью-Джерси. Геннадий, пожалуйста, ваш вопрос. Геннадий?

Геннадий – Спасибо за очень интересную передачу. Не кажется ли вам, господин Кургинян, что в условиях такой тотальной ненависти ислама к цивилизованному миру единственное решение – это оградиться от них железным занавесом. Ничего страшного не случится. Потому что зависеть только от их нефти – это не решение вопроса. Каково ваше мнение?

С.Кургинян – Мое мнение такое, что железный занавес в XXI веке безумно трудно соорудить. Вот Израиль очень хотел сделать стену. И начал ее делать, но так и не доделал. Очень трудно соорудить этот ограждающий барьер. Нас все время призывают, так сказать, сооружать такие барьеры против каких-нибудь ваххабитских сел в Дагестане или где-нибудь еще. Мне кажется, что в современном мире, если потеряем наступательность и перейдем к обороне, то это будет примерно то же, что когда-то говорил Ленин, что оборона – это смерть вооруженного восстания. Оборона – это смерть модерна. Модерн может только наступать. Мы должны наступать. Мы должны активно модернизировать противника. Мы должны поддерживать все силы модерна там. Помните, как говорил товарищ Сухов? «Товарищи освобожденные женщины Востока! С вашим мужем-эксплуататором мы покончили».

А.Грант – Спасибо. И последний звонок, из Нью-Йорка от Владимира. Владимир, пожалуйста.

Владимир – Как вы считаете, мир на самом деле сейчас переживает эпоху очень недальновидных лидеров главных стран мира, которые не могут решить вопросы, которые нас так всех волнуют, включая и меня?

С.Кургинян – Я считаю, что мир переживает эпоху, по крайней мере, временного засыпания или смерти политики. Кризис лидерства налицо. То, что сегодня является лидерством, двадцать, тридцать лет назад... Посмотрите на Рузвельта и других. Талантливый человек идет не в политику (и в Америке, и везде), он идет в бизнес, куда-то еще. Я не верю, что нет умных, сильных людей. Они идут не туда. И я призываю этих людей, в Америке и везде, идти в политику ради того, чтобы через двадцать–тридцать лет не оказаться на руинах нашей цивилизации. Потому что кризис лидерства один погубит все, что угодно. Это вырождение

политического класса бросит нас в руки нового варварства. Или в руки каких-то новых господ, которые будут очень близки по своей сути к неонацистам.

А.Грант – Сергей, можно ли предположить, что это не столько недальновидность, потому что недальновидность – это дефект человека, лишенного определенного образования, лишенного определенного мировоззрения, сколько неспособность понять, объективная неспособность понять, что происходит. Муравей – очень трудолюбивое насекомое, но он не все понимает.

С.Кургинян – Да. Вопрос заключается в том, как выстроены так называемые каналы вертикальной мобильности. Налицо негативный социальный отбор. Он отбирает людей болтливых, краснобаев, ярких, но пустых внутренне, прекрасных приспособленцев, карьеристов, людей, умеющих показывать свою физиономию по телевизору. Но он не отбирает людей глубоких и сильных. И если это правило отбора не поменять, – нам конец. Не надо других причин. Одна эта погубит нашу цивилизацию.

А.Грант – Вот мы и приходим к тому с чего мы начали, дамы и господа. Что те механизмы нашей жизни, нашей политической, нашей экономической, нашей социальной жизни, которые были созданы, скажем, за минувшие сто лет, пришли в полную негодность. И необходимо, как совершенно четко, на мой взгляд, заметил наш сегодняшний московский собеседник, перейти от арифметики к алгебре. Человечество переходит из средней школы в высшее учебное заведение, где существуют совершенно другие модели. Другие скорости мысли, другие скорости восприятия, совершенно другая модель жизни. Если мы этого не поймем и если этого не поймут наши лидеры (а лидеры наши – это производное наших симпатий к ним, я говорю с точки зрения демократических обществ, где мы выбираем себе вождей), то, конечно, будет довольно скверно. Но вот эта скверность, она, в общем-то, никогда не выбывала из игры в истории человечества. Сергей, у вас одна минута.

С.Кургинян – Да. Это действительно так. Но только иногда скверность подводила черту под отдельными цивилизациями. Я не хочу, чтобы она подвела черту под цивилизацией, под тем миром «Девятой симфонии», который я люблю и который мои враги ненавидят. Я люблю «Девятую симфонию» и готов ее защищать.

А.Грант – Ну, вот. «Ребята, все не так, как надо» – ясно, парадигма – ясно, неправильные лидеры – понятно. Но вы совершенно справедливо заметили, что сейчас общий кризис недоверия к политике, к политикам

– что в России, что в Соединенных Штатах. Американский народ, судя по последним опросам общественного мнения, которые ведутся уже давно, одинаково не верит ни в законодательную власть, ни в исполнительную власть. Причем исполнительную ругают за то, что она делает, а законодательную за то, что она не делает. Но что делать?

С.Кургинян – Я верю в то, что американский народ найдет в себе силы для того, чтобы породить новое лидерство и поддержать его. Оставаясь народом демократическим.

А.Грант – Спасибо. С нами был Сергей Кургинян, друзья мои. И на этом я заканчиваю сегодняшнюю программу «Особое мнение» и с удовлетворением отмечаю, что оно, это мнение, было действительно «особое». Всего хорошего.

ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

**На какие бы технические
усовершенствования
ни оказалось способно общество,
оно не может стать
подлинным субъектом,
оно всегда будет квазиличностью,
или псевдосубъектом.
Поведение, на которое
оно способно,**

рядом с жизнью
или действиями мудреца
в лучшем случае
подобно электронному мозгу
рядом с мыслящим существом.

Слова устают и изнашиваются,
как устают и изнашиваются люди.

Габриель Марсель

Андрей Ранчин

ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

«МЕРЗЕЙШАЯ МОЩЬ»:

**О КОНЦЕ ЭПОХИ УНИВЕРСИТЕТА
И О РЕФОРМЕ РОССИЙСКОГО
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ¹**

УДК
378

The author discusses the reform of higher education in the present day Russia and, in particular, transformation of educational system in accordance with Bologna Convention. The reform is considered against the historical background of higher education model changeovers that occurred from the Antiquity up to the present day. In the traditional educational system the value of knowledge was not utilitarian. Humanitarian disciplines occupied a high position in the traditional educational system. In the consumption society knowledge and education acquire extremely practical value while moral component of education is reduced to grafting of some simplest skills of socialization. Education needs changes but the ideology of total orientation to demands of market and cuts in expenditures determines current involuntary, often forced transformations and can bring about enormous losses.

Ключевые слова: Университет; системы образования и их философские основы; модели образования; реформы образования в современной России; Болонская конвенция; Интернет в современном образовательном процессе; фигура профессора.

Key words: University; educational systems and their philosophical bases; models of educational systems; reforms of education in modern Russia; Bologna Convention; the Internet in modern educational process; a figure of the professor.

E-mail: aranchin@mai.ru

---

¹ Эта статья – продолжение цикла моих статей «Несвоевременные мысли: о проекте реформ российского образования», опубликованных в 1-м и 3-м номерах журнала «Неприкосновенный запас» за 2009 год.

Примерно тысячу лет назад византийский историк и крупный чиновник Михаил Пселл написал: «Науки смывают грязь с душ и делают их природу чистой и воздушной». А супруга императора Алексея I Комнина василисса Ирина заметила: «Свободные науки улучшают нравы людей»². Для своего времени, да и позднее, по крайней мере до наступления индустриальной эпохи и зарождения общества потребления, это суждение было совершеннейшей банальностью. Указ об учреждении Московского университета гласил: «Всякое добро происходит от просвещенного разума, а, напротив того, зло искореняется», нужно и «учение вышним наукам», и «генеральное обучение»³.

**Памяти доктора Лектора:
Прошлое и настоящее
Университета**

В европейской традиции еще с античных времен структура образования, которое допустимо назвать высшим, превосходящим школьный минимум, была отражением модели мира, представления о его закономерном устройстве и иерархии. Постигание наук в античности мыслилось как приобщение к вечной, математически прекрасной гармонии космоса. На основе античной традиции в V веке н.э. родилась идея *Artes Liberales* из триады (Trivium) и четверицы (Quadrivium), в которые входили «семь свободных искусств» (грамматика, риторика и логика – в составе тривиума и диалектика, арифметика, геометрия и музыка – в пределах квадривиума)⁴. В христианской Европе «семь свободных искусств» приобрели новое символическое осмысление: они уподоблялись семи столпам Соломонова храма, семи добродетелям и семи таинствам⁵. Согласно белорусскому просветителю Франциску Скорине (предисловие к белорусской Библии), библейские книги являются аналогом семи свободных искусств: грамматике учит Псалтирь, логике, или диалектике, – Книга Иова и Послания апостола Павла, риторике – творения Соломона, музыке – библейские

---

² Цит по: Самодурова З.Г. Школы и образование // *Культура Византии: Вторая половина VII – XII в. М., 1989. С.367, 368.*

³ *Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): Сборник / Сост. Ю.Н.Емельянов. М., 1989. С.28.*

⁴ См.: Монро П. *История педагогики. М., 1911. Ч.1. Древние и Средние века. С.249–251.*

⁵ См.: Модзалевский Л.Н. *Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Изд. 3-е. СПб., 1892. С.216.*

песнопения, арифметике – Книга Чисел, геометрии – Книга Иисуса Навина, астрономии – Книга Бытия и другие⁶.

Кристалльно ясная структура учебных дисциплин отражала структуру универсума, а науки служили достижению единой истины. Как сказал Михаил Пселл, «если кто начинает одинаково мыслить о вещах значительных, то скоро и в малом уничтожается различие их мнений. Вместе избрав науку, сделайте ее нерушимым залогом единомыслия»⁷.

И западноевропейские университеты при своем рождении, и высшая школа Византии были взращены и питались концепцией *Artes Liberales*.

Венцом знания была обобщающая дисциплина, посвященная размышлениям о Вечном, – философия. Как писал итальянский гуманист Марсилио Фичино, «<...> Помни, что природа предоставила тебе все, чтобы ты был человеком; гуманитарные науки – все, чтобы ты был красноречивым; философия же, если ты будешь продолжать с увлечением предаваться ее изучению, – чтобы ты сделался богом»⁸.

Традиционная структура университетского образования в Новое время изменилась, приобрела новое содержание. Однако вплоть до конца эпохи Просвещения неизменным оставалось представление, что сама образовательная система, набор дисциплин отражают кардинальные свойства мироздания⁹. Мир рационален, и студиозус, постигая науки, открывает для себя сущность и устройство бытия.

Преимственность сохранялась, потому что продолжало существовать представление, «которое в Средние века и вплоть до конца восемнадцатого века безоговорочно принималось многими философами, большинством людей науки и, более того, большинством образованных людей, – представление о мире как "Великой цепи бытия"; цепи, связывающей необозримое, а вернее (если прибегнуть к менее расплывчатой, но редко строго применяемой логике принципа непрерывности) бесконечное

---

⁶ См.: Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С.95.

⁷ Цит по: Самодурова З.Г. Указ. соч. С.367.

⁸ Фичино М. [О моральных добродетелях] // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения / Сост., общ. ред. вступ. ст., комм. Л.М.Брагиной. М., 1985. С.215 (пер. с итал. С.Ф.Кудряцева).

⁹ Как писал Э.Р.Курциус, «наши университеты – оригинальное порождение Средних веков»; он напоминал, что университетские привилегии и иерархия ученых степеней восходят именно к Средним векам (См.: Curtius E.R. *European Literature and the Latin Middle Ages* / Translated from the German by W.R.Trask. Princeton; New Jersey, 1990. P.54).

число звеньев, расположенных в иерархическом порядке: от ничтожных существ, балансирующих на грани не-существования <...> вплоть до самого высокого из возможных типов сотворенного <...>»¹⁰.

Согласно этому представлению, «мир строго рациональный <...> должен быть в строжайшем смысле слова "цельным миром" <...> все неразрывно связано с необходимо существующим Бытием, а само это Бытие, в свою очередь, настолько строго предполагает существование всего прочего, что целое не допускает никаких не противоречащих разуму добавлений, пропусков или изменений.

В той мере, в какой мир понимался подобным образом, он представлялся постижимым и ясным, миром интеллектуально надежным и прочным, миром, в котором разум человека может надеяться на понимание вещей. И эмпирические науки, поскольку им известны те основополагающие принципы, с которыми должны согласовываться в конечном счете факты, и поскольку эти науки обладают своего рода принципиальной схемой общего строения универсума, могут в общих чертах знать, с чем им предстоит столкнуться, и даже предвидеть отдельные открытия ведущихся теперь исследований»¹¹.

Соответственно, обладание образованием в философских представлениях и в сознании не только университетской корпорации, но и вольных интеллектуалов и власть имущих мыслилось как достоинство, в том числе нравственное, – независимо от того, каким был фактический социальный статус ученого и университетского профессора. Идея нравственной ценности образования была лишь одним из полюсов культуры: в Средневековье ученый мудрец проигрывал святому простецу, а в эпохи Возрождения или Просвещения свободный художник и мыслитель могли саркастически относиться к университетскому профессору как к ученому педанту и схоласту. (А уж упоминать о взгляде рыцаря или, немного позднее, дворянина-офицера на университетскую ученость попросту не приходится.) Обладание знанием не считалось абсолютным и высшим обретением, но ценностью было.

Поскольку ценность знания в этой традиционной образовательной системе не была утилитарной, в ней высокое место занимали гуманитарные дисциплины и царил культ словесности, формирующей язык школяра. Так, в византийских школах основу занятий составляли «лите-

---

¹⁰ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В.Софронова-Антомони. М., 2001. С.62.

¹¹ Там же. С.335–336.

ратурные дисциплины», литературные памятники (и церковные, и светские) были «учебными материалами»¹². Точные знания также не были связаны с практикой. Например, в Византии «среднее образование, предназначенное для подготовки чиновников <...> было чисто умозрительным. С математикой ученик изучал все мистические области и священные числа, геометрию Евклида и арифметику Пифагора, геодезию Псевдо-Герона, но геометр или налоговый чиновник, который мог получить подобное образование, применял к измерению земли эмпирические знания и разнообразные методы счета, например, вычисляя полный периметр земельного участка. Грамматик и ритор обучали учеников мертвому языку, который не понимала большая часть населения»¹³.

Размывание теоцентрической модели бытия, восприятие мира в его динамике и истории, культ индивидуального «я» и промышленная революция, потребовавшая от науки пользы, вызвали первые трещины в фундаменте классической университетской образовательной модели. Сложилась новая реальность, в которой естественным и правильным стало выглядеть такое суждение, высказанное героем Сола Беллоу: «Господи Боже! Ты ничего не смыслишь. <...> И это образованный человек! Слава Богу, моему старику не на что было послать меня в университет! <...> Образование! Смех один. Ты не видишь, что происходит вокруг»¹⁴. В этой реальности, где знание стало фрагментированным, нецелостным и лишилось единой основы, стал возможен диалог между учеником и учителем, в котором позиция школьника выглядит несокрушимой: «– Ну, я понимаю, в мастерской работать или на машинке учиться печатать и всякое такое, мистер Колдуэлл, но если человек, вот как я, и не собирается поступать в колледж, какой ему смысл зубрить названия животных, которые вымерли миллион лет назад?

– Никакого, – сказал отец. – Ты прав на все двести процентов: кому какое дело до вымерших животных»¹⁵.

Новые времена нанесли сокрушительный удар по фигуре Лектора, Профессора, Учителя с ее непререкаемым авторитетом. Вдруг стало

---

¹² Самодурова З.Г. Указ. соч. С.384, 386–387.

¹³ Гийу А. Византийская цивилизация / Пер. с франц. Д.Лоевского. Екатеринбург, 2005. С.326.

¹⁴ Беллоу С. Герцог // Андайк Дж. Кентавр. Беллоу С. Герцог. М., 2003. С.368 (пер. с англ. В.Харитонова).

¹⁵ Андайк Дж. Кентавр // Андайк Дж. Кентавр. Беллоу С. Герцог. С.99 (пер. с англ. В.Хинкиса).

видно, что Наставник и Философ вопреки многим ученым может быть отъявленным мерзавцем и циником. (Ведь и Михаил Пселл, возвеличивший образованность, в нравственном отношении был личностью довольно сомнительной.)

Жан-Жак Руссо провозгласил самодостаточность гения, не требующего для себя учителя: «Никакие учителя не понадобились тем, кому природою было предназначено создать школу. Бэконы, Декарты и Ньютоны – это наставники человеческого рода, сами не имели никаких наставников; – и какие педагоги привели бы их туда, куда вознес этих людей их могучий гений? Заурядные учителя могли бы лишь ограничить их кругозор узкими рамками своих собственных возможностей»¹⁶.

В динамичном социуме вызрели конфликты поколений. Выяснилось: «<...> Адекватное воспитание и образование молодежи (понимаемое как полная передача всей той части жизненного опыта, которую можно облечь в форму прагматического знания) связано со значительными трудностями, поскольку проблемы восприятия мира, актуальные для молодых, сформированы иными конфликтами, чем те, в которых принимали участие их учителя. Следовательно (если отвлечься от области точных наук), отношения между учителем и учеником являются не отношениями между двумя представителями одного и того же "универсального сознания", а отношениями одного возможного центра жизненной ориентации с другим, призванным его сменить. Кажется, что подобную коллизию вовсе нельзя было бы разрешить, если бы не один компенсирующий фактор: не только учитель создает ученика, но и ученик – учителя. Поколения находятся в постоянном взаимодействии»¹⁷.

В обществе потребления, культивирующем успех, стяжание и наслаждение купленными товарами, старое представление о самоценности образования, знаний кажется бредовой фантазией. Знания и образование отныне приобретают сугубо практическую ценность – как средство достижения успеха, инструмент для «карьерного роста», условие для получения «престижной» и высокооплачиваемой работы. Нравственная составляющая образования редуцируется до привития неких элементарных навыков социализации.

---

¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение <...> по вопросу <...>: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты / Пер. с франц. М., 1998. С.48–49 (пер. А.Д.Ханютина).

¹⁷ Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. №30 (2). С.26 (пер. с англ. издания В.Плуняна и А.Урманчиевой).

Эта радикальная перемена на первый взгляд видится неизбежной и естественной. Прежнее распавшееся на множество частных знаний и дисциплин мировоззрение уже не склеить. Мир изменился.

Вопрос в другом: должно ли образование безусловно подстраиваться, а говоря грубее и откровеннее, «подстилаться», под новую реальность, завороченно внимая зову «прогресса», как собака со старой граммофонной пластинки с надписью «His Master's Voice» голосу Хозяина. Во-первых, само общество потребления – это не простая действительность, а конструкт и порождение идеологии, как и идея «прогресса». Во-вторых, не очевидно, что образование должно смиренно преклонять колена перед идолом «прогресса». Такого рода представление ничем не лучше марксистского шаманского заклинания «бытие определяет сознание».

В современном мире Университет как порождение прежних эпох подобен грандиозному остову корабля, выброшенному на морской берег. Любопытствующие аборигены могут увидеть в нем разве что пищу для костра. Как классическая образовательная модель Университет существует благодаря огромной инерции, характерной для феноменов культуры и социальных институций. По существу, он ископаемое чудовище в новой реальности.

Нынешний университет, конечно, не восходит прямо к средневековым ученым корпорациям Италии и Франции или к немецким университетам времен Реформации. «У истоков современного университетского образования лежат две противоположные тенденции: одна – нацеленность на получение и тиражирование знаний; другая – стремление получить практическую высококласную подготовку. Эти две тенденции дали начало двум основным теориям университетского образования: теории либерального и теории утилитарного образования. Сторонники либерального образования считали, что оно должно быть нацелено на потребности отдельной личности, а не общества в целом. Их противники утилитаристы, прежде всего, подчеркивали полезность образования для общества. Согласно их точке зрения система образования должна <...> решать насущные социальные проблемы». В первом случае цель образования – поиск истины, во втором – получение прагматической «прогрессивной» подготовки¹⁸. Первое направление – гумбольдт-

---

¹⁸ Задонская И.А. История развития университетского образования // Философский век. Альманах. Вып.29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. СПб., 2005. Т.2 / Отв. ред. Т.В.Артемяева, М.И.Микешин. С.142.

товское, второе – ньюменовское. В немецкой и британской традициях главным стало получение фундаментальных научных знаний, немецкое образование было предназначено прежде всего готовить ученых, французское – государственных деятелей, американское – специалистов в развивающихся отраслях¹⁹. Именно немецкая университетская (гумбольдтовская) модель, хотя и в существенно трансформированном в интересах подготовки чиновничества виде²⁰, была положена в основу отечественного высшего образования в XIX веке. «Как известно, в Новое время в Европе существовало два типа университетов: университет как автономная ученая корпорация (более архаический, сформированный еще Средневековьем) и университет как государственное образовательное учреждение, ставящее прежде всего утилитарные цели подготовки образованных чиновников, учителей, медиков. <...> Московский университет сформировался как сочетание этих двух принципов»²¹.

На протяжении Нового времени в Европе постепенно образовательный идеал разносторонне развитой личности вытесняется представлением о специалисте в узкой области как о цели обучения. Сужение духовного кругозора неизбежно повлекло за собой деградацию образованности. Хосе Ортега-и-Гассет еще в 1929 году назвал тенденцию эпохи «варварством "специализации"»²². «Специалист» – совершенно новый феномен: «Теперь "специалист" служит нам как яркий, конкретный пример "нового человека" и позволяет нам разглядеть весь радикализм его новизны. Раньше людей можно было разделить на образованных и необразованных, на более или менее образованных и более или менее необразованных. Но "специалиста" нельзя подвести ни под одну из этих категорий. Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки "человек науки" и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его "ученым невеждой", и это очень серьезно, это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущими знатоку и специалисту. <...> Пря-

---

¹⁹ Лаврентьева О.Г. *Европейские университетские модели в современной России // Филологический век. Вып.29. Т.2. С.157–158.*

²⁰ Ср.: Журавлева А.И. *Университетский код в русской литературе (1830–1850-е гг.) // Аста Philologica. Филологические записки. М., 2007. Вып.1. С.109.*

²¹ Там же.

²² Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс // Вопросы философии. 1989. №4. С.118 и след.*

мой результат этой неумеренной специализации – тот парадоксальный факт, что, хотя сегодня "ученых" больше, чем когда-либо, подлинно образованных людей гораздо меньше, чем, например, в 1750 году. И хуже всего то, что вращающие "ворот науки" не в состоянии обеспечить подлинный ее прогресс. Для этого необходимо время от времени регулировать ее развитие, производить реконструкцию, перегруппировку, унификацию; но эта работа требует синтетических способностей, а синтез становится все труднее, так как поле действия расширяется, включая новые и новые области. Ньютон мог построить свою теорию физики без особых познаний в философии, Эйнштейн уже должен был хорошо знать Канта и Маха, чтобы прийти к своим выводам. Кант и Мах (я беру эти имена лишь как символы той огромной работы, какую проделал Эйнштейн) *освободили* ум Эйнштейна, расчистили ему дорогу к открытиям. Но одного Эйнштейна мало. Физика вступает в едва ли не тягчайший из кризисов своей истории; ее может спасти только новая "Энциклопедия", более систематическая, чем первая.

Итак, специализация, которая в течение столетия обеспечивала прогресс экспериментальных наук, приближается к состоянию, когда она не сможет больше продолжать это дело, если новое поколение не снабдит ее более подходящей организацией и новыми людьми»²³.

Современный постиндустриальный и постполитический мир пестует новый идеал выпускника высшей школы, еще более варваризированный, – эффективного менеджера. Соответственно, в метаязыке российского образования и официальных документов угнездились экономические рыночные словечки наподобие «образовательных услуг» и «рынка услуг». Слово товар, эти услуги оказывается возможным экспортировать и импортировать, выстраивать экспортеров и импортеров по рейтингам: «В международных рейтингах последних лет по экспорту образовательных услуг в лидерах Великобритания, Германия, Франция, но с огромным отрывом от них идут США»²⁴. Язык не бывает ценностно нейтральным. Язык рынка превращает Профессора из хранителя и защитника Истины или из Старшего Собеседника для студента в ярмарочного зазывалу, а «услужливый» университет – в подобие прачечной, отмывающей грязное белье, или такси, перевозящего клиента от первой сессии до диплома.

---

²³ Там же. С.120–121, курсив оригинала.

²⁴ Ванчугов В. *Идеологические университеты России* // URL: <http://www.russ.ru/pole/Ideologicheskie-universitety-Rossii>.

«Экономический» взгляд на образование вполне согласуется с игнорированием его личностной основы, характерным для нынешней политики министерства А.Фурсенко в отношении образования – усиления контроля, отчетности, всяческого бумагомарания (тенденция, присущая нередко и университетской администрации). «Образование зачастую рассматривается как обезличенный процесс, но ведь именно учитель или преподаватель и являются тем механизмом, который переводит общесоциальные цели в цели образовательного процесса. И делает он это не механически, а в зависимости от своих знаний, совести, понимания смысла профессии. И никто, повторяю, никто не может проконтролировать меня, когда я закрываю за собой дверь аудитории, кроме меня самой. Всё, что я делаю в аудитории, – это мой личный выбор, мое решение и мой труд»²⁵.

Покупателю, в сущности, безразлично, каким будет продавец, а пассажиру – кто поведет поезд или машину. Эти экономические отношения абстрагированы от отношений личностных. В образовании – иначе.

Неадекватность «экономического» языка заключается не только в навязывании образованию внешней и изначально чужеродной системы ценностей. (Естественно, речь идет о разрушении идеальной модели, а не о практике, в которой всякое случается: в реальности профессор может оказаться и дураком, и взяточником, а изложенные на лекции знания – совершенно неликвидным товаром.) Наиболее влиятельные российские образовательные институты являются по-прежнему бюджетными, или бюджетное образование в них преобладает. Платное образование еще не является господствующим²⁶. Между тем только в от-

---

²⁵ Очкина А. А вуз и ныне там? //URL: <http://www.rabkor.ru/authored/4404.html>.

²⁶ Причем – решаю это утверждать, опираясь не только на собственный опыт, – платные отделения и факультеты уступают бюджетным по уровню и глубине образования принимаемых абитуриентов. Ср.: «Помню, как недоумевала моя племянница, с отличием окончившая Йельский университет, почему я не хочу работать в группах, где учатся "платники". Думаю, подозревала сначала, что я боюсь более сильных студентов. Никогда не могла понять, что именно те люди, которые у нас платят за образование, учатся хуже» (Очкина А. Указ. соч.).

Причина, очевидно, в том, что значительная часть абитуриентов, поступающих на бюджетные места, выросла в среде, в семьях, в которых еще значимо традиционное интеллигентское представление об образованности как о духовном признаке.

ношении платного образования выражение «рынок услуг» приобретает некоторую терминологичность²⁷.

Экономическая эффективность стала главным критерием уровня и глубины образования даже в оценке правительством университетской науки: как показывает, например, речь премьер-министра Владимира Путина в Новосибирском университете 8 апреля 2010 года, наука «по умолчанию» понимается только как естественнонаучные и технические разработки, причем чисто прикладного характера, необходимые бизнесу.

Знаменем крушения традиционной модели университетского образования в России стало и появление «уродцев» наподобие МГУ МВД или Университета сервиса, и расплывающаяся в классических университетах, как раковая опухоль, узкая специализация²⁸.

---

²⁷ *И то лишь некоторую. Внося деньги, студент оплачивает не конкретную «услугу» (прочитанную лекцию или проведенный семинар), а обучение в целом. Выбор института может быть продиктован соображениями, связанными с его «престижем», местоположением, студенческой средой и т.п., а не уровнем подготовки.*

Интересно, что российская власть de facto не признает платное образование в качестве рыночного феномена. Показательно прозвучавшее в разгар кризиса 2009 года настоятельное пожелание президента заморозить цены для платных студентов из-за финансовых проблем, с которыми столкнулись они и /или их родители. Логика предложения, от которого было невозможно отказаться, – дикая. Более естественным было бы заморозить цены на продукцию естественных монополий, в том числе хотя бы частично подконтрольных государству, отказаться от повышения тарифов ЖКХ (а это затрагивает все население страны) государство не решается. Не идет речь и о компенсации государством финансовых потерь институтов при замораживании платы за обучение.

²⁸ *Ограничусь примером МГУ им. М.В.Ломоносова, где за последние лет двадцать появились не только новые структуры, посягающие на специализацию старых факультетов (факультет иностранных языков или Высшая школа перевода, захватывающие образовательное поле старого филфака, Высшая школа телевидения – хотя давно имеется факультет журналистики), но и высypали, как грибы после дождя, узкие-узкие факультеты, как Высшая школа бизнеса, Московская школа экономики, Высшая школа управления и инноваций, Высшая школа инновационного бизнеса или Высшая школа государственного аудита. Я отнюдь не готов ставить под сомнение образовательный уровень этих «инноваторских» факультетов (хотя для меня, как лица постороннего, остается тайной, чем, кроме теории мирового заговора, может заниматься недавно открытый факультет глобальных процессов). Но такая специализация образования и даже само именование университетских структур подрывают саму идею университета как храни-*

Критически оценивая нынешнюю реформу образования в России, профессор МГУ А.И.Журавлева так определяет ее идеологию: «Обсуждаемая ныне реформа образования предполагает актуализацию "государственнической модели" с минимизацией автономии и переориентацией от фундаментального образования в сторону более прагматичного типа подготовки выпускников. Понятно поэтому, что главная национальная особенность отечественной университетской модели с равновесием (пусть и, так сказать, колебательным, динамическим равновесием) между началами автономной ученой корпорации и патриотической просветительской прагматики оставлена без внимания»²⁹. С этой трактовкой я не согласен: конечным продуктом новой модели образования является не Чиновник или Инженер, а Менеджер.

Минобраз и «болонка»

Происходящая ныне в России реформа ориентирована на модель образования, внедряемую в Европе в соответствии с Болонской конвенцией 1999 г., и предполагает переход от обучения по единой системе «специалист» (с пятилетним сроком обучения) к двухступенчатой «бакалавриат – магистратура» (четыре + два года)³⁰, а также сокращение числа занятий до 27 часов в неделю с целью предоставления студентам большего времени для самостоятельной подготовки.

И европейские реформаторы, и их отечественные подражатели, декларируя идею создания единого образовательного пространства³¹, в не

теля и «ретранслятора» универсального, целостного знания. Узкая специализация была бы вполне возможна на основе более общей, например, на экономическом факультете.

²⁹ Журавлева А.И. Указ. соч. С.109.

³⁰ В западной традиции обучение в бакалавриате занимает три года; увеличение срока обучения на один год – уступка реформаторов из Министерства образования и науки противникам «болонофилии».

³¹ См., например, интервью с министром образования Андреем Фурсенко (радиостанция «Эхо Москвы», 13 июня 2005 г.). Ведущий А.Венедиктов // URL: <http://echo.msk.ru/interview/36980>. – Председатель Комитета Государственной Думы по образованию Александр Шишлов в интервью радио «Маяк» заявил: «Это решение важно для нашей страны – это знак интеграции России в Европу. Важно и для высшей школы России, для студентов и преподавателей, для тех, кто хочет, чтобы наше образование было достойным XXI века, чтобы оно продолжало традиции российского фундаменталь-

меньшей степени движимы страстью «с расходом свесть приход» – сэкономить деньги благодаря увеличению числа студентов на лекциях и сокращению количества преподавателей³². Реформаторы рассчитывают также на прибыль от увеличения числа студентов-иностранцев в российских институтах после унификации образования по европейскому стандарту и официального признания отечественных дипломов за границей. Так как в отличие от Европы в России магистратура становится в значительной и даже в преимущественной степени платной, а аспирантуру планируют сделать платной полностью, российский подвид «болонки» выводится, очевидно, едва ли не в первую очередь во имя экономии – страсть, которая для российского правительства стала маниакальной.

Утверждение отечественных адептов Болонской концепции, что реформа сделает образование достойным XXI века и продолжит российские образовательные традиции, абсолютно беспочвенно. Сторонники реформы видят в «интернационализации» образования инструмент для повышения его уровня: «<...> В сфере образования удастся закрывать глаза и убеждать себя, что все не так плохо. Способ с этим справиться – стараться выходить на внешние рынки и с выпускниками, и с образовательными программами.

Поэтому обязательно нужна интернационализация образования, чтобы к нам ехали учиться и чтобы наши выпускники или студенты ехали за границу учиться или работать. Кроме того, нужно нанимать в российские вузы иностранных профессоров и уехавших российских профессоров, а также облегчить доступ иностранных студентов к обучению и жизни в России. Иностранные студенты и сейчас едут учиться в Россию, но множество повседневных проблем не позволяют привлекать действительно хороших студентов» (Сергей Гуриев)³³.

ного высшего образования» (Цит. по: Болонская конвенция в России. Мы станем ближе к Европе, но лишимся талантов // URL: <http://www.point.ru/education/2007/09/04/10447>).

³² Ср.: «Такая система убивает двух зайцев: экономит бюджетные деньги (один и тот же профессор читает лекции большему числу студентов, большинство студентов раньше заканчивает обучение) и повышает профессиональные умения новых специалистов» (Багров А. Игорь Шувалов разрушил монополию Михаила Касьянова // Коммерсантъ. 2003. 22 декабря).

³³ Гуриев С. Качественных вузов в России мало // URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kachestvennyh-vuzov-v-Rossii-malo>.

Но сам по себе переход на Болонскую систему ничего не меняет в положении российского преподавателя и студента. В отдельных случаях преподаватели работали в западноевропейских университетах и прежде; массовым это явление не станет хотя бы потому, что основную часть преподавательского состава в странах Европы будут неизбежно составлять не иностранцы, а местные граждане. Российские студенты и прежде часть обучения (в виде стажировки) проходили за границей, а иностранные – в России. Широкому распространению этого явления препятствовали не столько различия образовательных систем, сколько сложности с оплатой таких визитов и неустроенность российского быта (отчасти реальная, отчасти мифологизированная).

Кроме того, различные сферы образования и дисциплины в принципе в разной степени открыты внешним влияниям и преобразованиям. Сопоставление того, как преподается в России и за рубежом экономическая наука, в которой специализируется Сергей Гуриев, может оказаться показательным и плодотворным. В гуманитарном образовании господствующая на Западе «либеральная» модель, сводящая к минимуму число общих курсов и обязательных дисциплин, отказывающаяся от классических ценностных систем и зависящая в выборе новых подходов и методов от идеологической моды, попросту несопоставима с консервативной моделью, сохраняющейся в российских институтах. Сравнить их по принципу «лучше / хуже» бессмысленно.

Опираясь на традиции российского образования реформа не может, ибо предполагает отказ от старой системы обучения по программе «специалист», жестокое усечение учебных программ и планов и замену набора обязательных дисциплин, дающего серьезные представления в выбранной сфере знаний, немногочисленными разрозненными курсами. Не случайно Германия, где система высшего образования родственна российской, от стрижки своего высшего образования «под болонку» отказалась: в стране стали открываться новые кафедры с обучением по системе «бакалавр – магистр», но тотальное «оболонивание» было отвергнуто – в отличие от России, в которой Министерство образования принудило университеты к замене старой классической модели на новую.

Не приходится говорить и об улучшении качества образования. Ни сокращение срока обучения до четырех лет (а степень бакалавриата предполагается для большинства студентов единственной), ни усечение учебных программ к такому улучшению и профессионализации не приведут.

Остаются аргумент социальной адаптации, подготовки студентов как будущих «субъектов рынка», и финансовый аргумент – сокращение казенных расходов. Один из идеологов, адептов и апологетов реформы ректор ГУ-ВШЭ Ярослав Кузьминов заметил: «Сейчас у нас практически половина молодых людей 18–23 лет получают высшее образование. Спрос же на специалистов, то есть людей с профессией, примерно в два раза ниже. От 50 до 60% выпускников нынешней высшей школы устраиваются не по специальности.

В развитых странах сфера услуг занимает 65–70% рынка труда. В России то же самое – 63%. Это линейные менеджеры, продавцы в дорогих магазинах, коммивояжеры и менеджеры ресторанов, туристических агентств и так далее». В России сейчас «не востребуются ни со стороны работодателей, ни со стороны тех, кто учится, профессиональные навыки, которые предлагает система образования в пятилетних программах. <...> Поэтому речь идет не об адаптации к каким-то зарубежным правилам, а о том, чтобы система образования отвечала реалиям нашей собственной экономики. <...> Для массового работодателя важно, чтобы кандидат на ту или иную должность был в первую очередь человеком культурным и умел разговаривать с людьми, чтобы была гарантия, что он не нахамит им. Работодателю совершенно все равно – законченное или незаконченное высшее образование»³⁴.

Однако эта «рыночная» аргументация сомнительна. Менеджеры, продавцы и коммивояжеры в России имеются, нет лишь одного – экономики. Хозяйство страны существует благодаря экспорту сырья и питается прямо или косвенно от экспортных доходов, питается «откатами», страдает от раздутой до невозможности посреднической сферы и от флюса сверхприбылей в отдельных отраслях – сверхприбылей, невозможных в «нормальной» экономике. Ориентироваться на потребности такого «рынка» можно только оболыщаясь и принимая нынешнюю стагнацию, «застой» за благословенную «стабильность». В действительности рыночное пространство весьма подвижно и изменчиво, и долгосрочное планирование его запросов при подготовке студентов весьма затруднительно. На Западе эта проблема в полной мере тоже не решена и едва ли может быть решена в принципе.

Кроме того, компетенция менеджеров и К^о в большинстве случаев вообще не требует профессионального высшего образования. Логичнее было бы не приветствовать переход на Болонскую систему, а доказы-

---

³⁴ Получить диплом – и... в Париж // Литературная газета. 2006. №20. 24 мая.

вать нецелесообразность высшего образования для значительной части молодежи. Необходимые навыки приобретаются не обучением, а практикой: не случайно многие компании вынуждены переучивать своих сотрудников³⁵, а получить работу, требующую минимальной квалификации, выпускнику института, пришедшему «с улицы» и не имеющему практического опыта, стажа, крайне затруднительно. *Sub specie fori* современное высшее образование действительно затратное и неэффективное. Ведь воспитание элементарной вежливости – задача семьи и школы, но никак не бакалавриата. С точки зрения экономической эффективности российское образование выглядит косным и архаичным: «Не совсем понятно, насколько выпускники российских вузов востребованы экономикой. По различным оценкам, более половины выпускников работают не по специальности – вузы готовят специалистов, которые не находят себя на внутреннем рынке. У нас много инженерных вузов, для выпускников которых нет достаточного числа рабочих мест в России. Также у нас много педагогических и медицинских вузов, производящих множество специалистов, которые не идут работать по специальности, потому что специальность плохо оплачивается»³⁶.

Однако приобретение высшего образования диктуется не только (и, может быть, не столько) желанием получить профессиональные знания³⁷, но и приобретением определенного социального статуса, круга общения, стремлением войти в новую субкультуру³⁸. В студенческой

---

³⁵ См. мнения экспертов – руководителей компаний или кадровых департаментов в: Малахова А., Новикова Е. «...Но бакалавром быть обязан» // *Эксперт Online*. 2007. 9 марта // URL: <http://www.exiert.ru/articles/2007/03/09/bolonski/>. – Сейчас, по данным совместного мониторинга Росстата и Высшей школы экономики, каждого пятого выпускника вуза предприятиям приходится доучивать или переучивать (См.: Россияне снова хотят учиться за границей // URL: <http://www.ctege.org/printpage.php?s=a+page+id=2127>).

³⁶ Гуриев С. Указ. соч.

³⁷ Я согласен с мнением Анны Очкиной, которая утверждает, что сейчас «акцент переносится с собственно образования на сертификат о его наличии, на пресловутые "корочки". Собственно знания ничего тебе-де не прибавят, кроме головной боли, а диплом всегда пригодится... Рынок не вознаграждает знания, он вознаграждает дипломы. Иногда. Точнее, отбраковывает тех, кто без дипломов, а там уже – как кому повезет» (Очкина А. Указ. соч.).

³⁸ Распространенное в публикациях на темы образования и в СМИ представление, что высшее образование автоматически обеспечивает более высокий уровень заработной платы, совершенно не соответствует действительности. Машинист метрополитена,

среде, по крайней мере в гуманитарной, окончание обучения часто рассматривается как завершение учебы: многие выпускники поступают в аспирантуру, хотя вовсе не хотят работать в науке или в образовании и не рассчитывают, что будущая кандидатская степень принесет им дополнительные деньги или откроет новые возможности в продвижении по службе³⁹.

В действительности работа бывших выпускников по специальности может быть критерием только при оценке эффективности узко ориентированных направлений образования – технических и прикладных. Выпускник института с медицинским или инженерным дипломом, не работающий по специальности, – это нехороший симптом. Но какова узкая специальность выпускника филологического, философского или исторического факультета? Эти нелюбимые приемные дети нынешнего российского образования, сироты, потомки дружной семьи *Artes Liberales* чужды рыночным интересам⁴⁰. Традиционное гуманитарное образование не превращает каждого студента в философа, историка или филолога. Оно прежде всего дает ему возможность – если он сам того пожелает – стать человеком культуры. «<...> Наша образовательная Мечта была (и отчасти еще остается) некой Утопией Бесконечного Познавательного

водитель такси, частный «извозчик» или рабочий, строящий и ремонтирующий дачные домики, могут зарабатывать значительно больше не только ученого или преподавателя, но и менеджера и сотрудника фирмы.

³⁹ С таким профессионально не заинтересованным отношением к аспирантуре связано большое число случаев, когда состоящие в ней ее не заканчивают и диссертации не пишут.

⁴⁰ Как раз старая, еще советская «прагматическая» составляющая гуманитарных университетских специализаций, предназначенных некогда прежде всего для подготовки школьных учителей (истории, русского языка и литературы), превратилась в совершенно ненужный довесок, так как работать в школы выпускники вузов сейчас почти не идут (в советское время большинство либо всеми правдами и неправдами покидали школы до окончания обязательного срока работы, либо бежали из них после этой отработки). Соответственно, такие предметы, как методика преподавания русского языка и литературы и иже с нею, было бы естественным исключить из учебных планов. Той же участи заслуживает, на мой взгляд, и «царица наук» философия, угнездившаяся повсеместно в учебных планах также как наследие советского прошлого – на сей раз идеологическое. Не имея ничего против этой дисциплины, нужно признать, что ее преподавание на практике на нефилософских факультетах превращается в чистую профанацию, чего настоящее любомудрие не заслужило.

Эроса. Вся система гуманитарного образования строилась на идее "Хочу всё знать". Планка, которая задавалась в образовании, была недосягаемо высока. Мечта все-таки!» (В.С.Елистратов)⁴¹.

Но ценность гуманитарного образования, вопреки утверждению В.С.Елистратова, заключалась не в обретаемой полноте фактических знаний: как назывался рог Роланда и тому подобное. Большинство студентов никогда не прочитывали и не успевают прочитать весь корпус программных текстов, а половина – забывают детали их содержания через неделю после сессии. Фактографическое знание такого рода свидетельствует только об отличной памяти, а не о подлинной образованности и характеризует скорее участника «Своей игры», восхотевшего стать миллионером и Максимом Галкиным, чем подлинно начитанного человека. И гуманитарное образование не нуждается в прагматической апологии подобного рода: «Я помню, как окончившие вместе со мной филфак специалисты по каким-нибудь "никому не нужным" древнегреческому языку, санскриту или средневековой литературе моментально сориентировались в происходящем и стали очень успешными людьми. После санскрита и досконального штудирования средневековой схоластики все эти пиары и менеджменты оказались детским лепетом»⁴².

В действительности малообразованные, но сметливые и хваткие легко торжествуют над обладателями глубоких знаний: во многом зная, как изрек еще Екклесиаст, много печали. Серьезный специалист по древнегреческому языку или средневековой литературе, нашедший себя в бизнесе, – фигура совершенно фантастическая. И не только потому, что у него «иначе мозги устроены». Но еще и потому, что этот уход для него может быть только предательством, смертным грехом.

Не разделяю я и уверенности В.С.Елистратова, что культурный и социальный ориентир для человека XXI века – «Яркая Разносторонняя Личность». Во-первых, перефразируя Иосифа Бродского, век нескорю кончится, но раньше кончимся мы, и судить о только начавшейся эпохе рано и не должно; во-вторых, современные вызовы, интенции власти в доминирующих странах и социальные реалии отчетливо дисгармонируют с таким ренессансным идеалом. В конце концов, продвижение тестовой образовательной модели в мире и идеология прагматического образования во имя рынка с таким идеалом никак не согласуются.

---

⁴¹ Елистратов В. О пользе идеализма в образовании // Знамя. 2006. №12. Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/12/eli8.html>.

⁴² Там же.

Еще Козьма Прутков глубокомысленно заметил, что «нельзя объять необъятное», и был прав. Ценность университетской модели не столько в самих знаниях, сколько в их систематизации. Она дает шифр, а не разгадку, не сокровище, а ключ. Ценность гуманитарного образования – в приобщении к иерархически организованным, структурированным смыслам, в расширении границ своего «я», в способности к пониманию Другого – эпохи, сознания, культуры. В обучении и формировании человека, который способен стать хранителем культурной традиции, без которой существование становится плоскостным и серым. Пусть очень опосредованно, эта традиция способна влиять и на политику, и на экономику, и на социум. Образованный человек, конечно, отнюдь не обязательно нравственнее малосведущего или невежественного – не будем тешить себя великой просветительской иллюзией. И все же: «Главная беда нашего века состоит в том, что у нас закрыты глаза и уши. И значительная часть вашего образования состоит в том, чтобы открыть глаза и уши и увидеть, как говорил Гоголь, чего не зрят равнодушные очи...

Жизнь каждого человека проходит в неких изолированных кругах. <...> Когда больно от чужой боли – это и есть самый большой круг, круг культурного человека». И на вопрос «Чему же учатся люди?» можно ответить: «Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе <...>»⁴³.

Если власть действительно хотела бы видеть Россию страной высокой культуры, она могла бы позволить себе такую не очень дорогую роскошь, как сохранение старой университетской модели гуманитарного образования, а не перекраивать ее по болонским лекалам.

В апреле 2010 года появилась неофициальная информация, что университеты, получившие особый статус (Московский и Санкт-Петербургский университеты) обрели право сохранить у себя обучение по программе «специалист», причем с большим количеством учебных часов (шестилетний срок обучения вместо пятилетнего). Казалось бы, это хорошо, но не очень: право на сохранение старой системы даруется как исключительная привилегия. И это решение свидетельствует о сомнительности реформы «под болонку» вообще: зачем менять имеющиеся принципы, если в лучших (или, по крайней мере, одних из лучших и самых известных) университетах страны Министерство образования и

---

⁴³ Лотман Ю.М. Чему же учатся люди? // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С.461, 462.

правительство позволяют оставить всё как оно есть? Но главное – существование двух систем на одном факультете, в пределах одной и той же специализации (а складывается именно такая ситуация) способно лишь дезориентировать первокурсника в его выборе программы обучения, а преподавателей обременяет дополнительной нагрузкой, которая может возрасти в разы. А ведь бедный российский «препод» и так (по крайней мере, по Минобразовским разнарядкам, а часто и в действительности) должен отработать количество часов, несоизмеримое с нагрузкой своего европейского или американского коллеги. (При этом о пропорциональном росте заработной платы – и так копеечной – ничего не слышно, и пример тех институтов, в которых уже произошел симбиоз «болонки» и «специалитета», убеждает в самых мрачных ожиданиях.)

**Блеск и нищета Интернета,
или Концерт дешевых
профессоров**

Не произнесенный вслух, но, несомненно, определяющий образовательную политику российского правительства лозунг – «Вкладывать не в преподавателей, а в технику!», или «Компьютеры решают все!» Увязшие в паутине Интернета реформаторы уже давно поставили своей целью компьютеризацию всех школ на бескрайних просторах Отечества и усиление технической оснащенности институтов. Об успехах в опутывании образовательного пространства сетями Интернета постоянно рапортуют СМИ и могучий зверь Минобраз. Неоднократно говорил об этом и президент. Однако неочевидно, что эти сети принесут не «мертвеца», а щедрый улов знаний. Роль компьютера и Интернета в образовании неоднозначна. Бесспорный негативный пример – появившаяся у школьников и студентов возможность скачивать чужие тексты, выдавая их за собственные сочинения, рефераты и курсовые. Прежнее незатейливое, «тупое» списывание друг у друга или из книг отличалось все-таки большей мерой усвоения материала, который нужно было записать, а обычно еще и выбрать и скомбинировать. Впрочем, это частности. Серьезнее иное.

Интернетом порождено так называемое клиповое мышление. Мнение, что причина явления – в банальном неумении пользоваться волшебной Сетью, которая якобы сущностно ничем не отличается от привычной библиотеки⁴⁴, совершенно несостоятельно. Интернет (если от-

---

⁴⁴ Голубков М.М. «Война и мир» – в клипах? // Единый государственный экзамен. Белая

влечься от сайтов электронных библиотек) – семантическое пространство, выстроенное принципиально иначе, чем классическая библиотека. В нем властвует единственный принцип – принцип смыслового бриколажа, сменивший прежнюю иерархию смыслов. В конечном счете это формы постмодернистского смыслопорождения, проявления нового типа культуры. Свойства «текста» (интертекста, гипертекста) по Ролану Барту – «отсутствие смыслового центра и семантической упорядоченности»; «фрагментарность»; «отсутствие коммуникативного задания»; «нелинейность: в отличие от законченного произведения, где от одного смыслового элемента можно перейти только к тому, на который он непосредственно указывает, Текст предполагает свободные и мгновенные переходы из любой точки в любую иную точку»; «взаимообратимость настоящего, прошлого и будущего»; «калейдоскопичность». Это описание предваряет определения гипертекста, предложенные теоретиками Интернета (начиная с Теодора Нельсона) в 1980-е гг.⁴⁵

На смену Произведению с его целостным смыслом пришел Его Величество Текст с неустойчивым и неограниченным значением и, соответственно, с релятивным набором ценностей: «Этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка»⁴⁶. По замечанию Г.К.Косикова, «коллективно-бессознательная память Текста – это пространство хаотической "еще-не-упорядоченности", это семантическое изобилие, переливающееся через любые края и преграды, способные воскресить к жизни такие моменты культуры, которые были забыты, вытеснены или отвергнуты ее нынешним состоянием, и если верно, что энциклопедия ("разум в алфавитном порядке") является "важнейшим символом духа Нового времени"⁴⁷, то не менее верно и то, что Текст, стремящийся превозмочь эту рационалистическую память, превратив ее в сверхпамять и сверх-энциклопедию, вполне может считаться одним из символов эпохи постмодерна.

книга / Сост. В.Я.Линков, В.А.Недзвецкий, И.В.Петровицкая. М., 2008. С.274–279.

⁴⁵ Косиков Г. Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с франц. / Под общ. ред. Г.К.Косикова. М., 2008. С.27.

⁴⁶ Барт Р. S / Z / Пер. с франц. М., 1994. С.15.

⁴⁷ См.: Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С.329–332 (Примеч. Г.К.Косикова. – А.Р.).

Произведение – прямая противоположность текста. Это – смысловая *монада*, завершенная семантическая *структура*, связанное и устойчивое архитектурное целое, центрированное с помощью единого авторского задания <...>⁴⁸. Текст как новый источник смыслопорождения и Хозяин Интернета порождает для культуры серьезнейшую проблему: «<...> Проблема состоит в том, что, при всем своем неистощимом богатстве, Текст абсолютно аморфен: в нем не действует формальная логика, не действует закон исключенного третьего; в нем нет ни причин, ни целей, ни понятийного каркаса, ни ценностного порядка, а место бинарных оппозиций занимает бесконечное колыхание наползающих друг на друга образов»⁴⁹.

Вредоносность Интернета для образования в первую очередь в том, что он отменяет ценностную иерархию читаемых текстов и изображений и вытесняет Слово визуальными образами. А ведь «культура немислима без иерархической преемственности, без качественного неравенства»⁵⁰. Постмодернизм, нашедший в Интернете свое *alter ego*, как тип культуры отменяет иерархию, но сам может существовать лишь до тех пор, пока в сознании читателя-слушателя-зрителя сохранилась крупная память об этой лестнице ценностей. В противном случае постмодернистская игра разностями смыслов перестает восприниматься. Но главное – постмодернистский принцип приобщения к знаниям самоубивственен для образования. Это *contradictio in adjecto*⁵¹.

Отучая пользователя воспринимать большие связные словесные тексты и засоряя сознание образами визуальными, Интернет воспитывает в нем игровое отношение к культуре и знаниям: «Благодаря своим интерактивным качествам "паутина" образует информационную систему, обладающую уникальными качествами, которая затягивает и поглощает зрителя, приучая к эрзац-впечатлениям, псевдоэмоциям, квазимышлению, наконец, "вторичной" культуре. <...> Интернет превращает [картину прошлого] в особое "игровое" поле, внутри которого зритель, во-

---

⁴⁸ Косиков Г. Указ. соч. С.29.

⁴⁹ Там же. С.35.

⁵⁰ Бердяев Н.А. *Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Письмо тринадцатое. О культуре* // Бердяев Н. *Собрание сочинений. Париж, 1990. Т.4. Электронная версия: <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/13.html>.*

⁵¹ *Противоречие в определении.*

ображающий себя сценаристом, оказывается в роли младенца, самозабвенно переставляющего готовый набор кубиков»⁵².

Интернет в обучении школьника или студента – не более чем инструмент, предоставляющий действительно новые коммуникативные и информационные возможности, но инструмент обоюдоострый. И уж никак не следует превращать его в предмет неоязыческого культа, каким он стал для реформаторов.

Между тем компьютеризация, как и, шире, техническая оснащённость, *de facto* превращена в решающий критерий качества образования. И это на фоне весьма частых разрухи и запустения. Не беда, что в сельской школе обваливается потолок и протекает ветхая кровля, а в соседней деревне школу закрыли, зато на почетном месте красуется магический ящик! Что с того, что даже в иных учебных корпусах МГУ годами заменяются одни лифты, а половина других отключена в целях экономии, и лестничные пролеты освещаются лампами, словно мертвецкая в морге, и потолочная отделка сыплется на голову, но ведь построен Интеллектуальный центр (по-простому – новая библиотека), где, наконец-то, имеется компьютерный каталог и якобы любой читатель может при необходимости получить ноутбук.

Ситуация вполне кафкианская, напоминающая историю со сверхскоростным поездом «Сапсан», недавно соединившим Москву и Петербург. Как у И.А.Бродского, «в чистом поле мчится скорый с одиноким пассажиром» – по старым колеям, на скорости до 200 с лишком километров, сметая с платформ и путей зазевавшихся туземцев. В угоду чуду цивилизации отменяются недорогие пассажирские поезда и местные электрички, и туземцы часами не могут добраться домой: дети из школы, взрослые с работы – других средств сообщения средь «тмы лесов и топи блат» попросту нет. В глухих местах аборигены «приветствуют» птицу «Сапсан» градом камней и болтов.

Естественно, остаются ничтожными зарплаты преподавателей: по видимому, в сравнении с компьютерами они, как обладающие меньшим объемом памяти и низкой скоростью и большой энергоемкостью, сочтены малоэффективными и устаревшими инструментами.

Правительство и Министерство образования, а также отчасти и университетская администрация маниакально привержены идее выборочной финансовой поддержки отдельных преподавателей (например, мо-

---

⁵² Булдаков В. Миф на вузовской кафедре: истматовская судьба «Серебряного века» // Россия XXI. 2010. №1. С.116–117.

лодых) посредством грантов и премий. По мнению власть имущих, такой подход обеспечит более эффективное расходование средств. Нельзя отрицать определенной пользы этого подхода, но без изменения отношения ко всем преподавателям, сейчас рассматриваемым как «исполнители услуг», обязанным отработать энное количество часов (формально, например, по европейским или американским нормам совершенно чудовищное)⁵³ за ничтожные деньги, по-настоящему лучше не будет. Иначе всё останется имитацией и симуляцией благих перемен.

На самом же деле уровень образования определяется фигурой этого несчастного «препода». Медленное обновление преподавательского состава, ныне уже весьма нередкий отказ недавних выпускников от работы даже в лучших университетах, необходимость, говоря словами В.Б.Шкловского, искать «халтуру» на стороне, чтобы обеспечить себя (что неизбежно приводит хотя бы к минимальной деградации как преподавателя и ученого), так и не переломленная тенденция искать работу по специальности в зарубежных институтах – всё это болезни российского образования, ставшие хроническими⁵⁴.

В конечном счете, всё это сказывается или скажется на уровне образования. (Никакой энтузиазм отдельных подвижников не в состоянии

---

⁵³ Таковы почти апокалиптические 660 часов в учебный год, вменяемые в обязанность профессору, и, естественно, значительно бóльшая нагрузка (красноречивый бюрократический термин, уподобляющий преподавателя выючному скоту) у доцента, старшего преподавателя и т.д. Спасает только вековая отечественная практика: в России, как известно, жестокость законов смягчается их неисполнением, и в реальности «нагрузка» оказывается обычно значительно меньшей.

⁵⁴ По характеристике политолога, депутата Государственной Думы Сергея Маркова, высшее образование в России испытывает «хроническое недофинансирование»: в процентном соотношении его материальное обеспечение в 2 раза меньше от ВВП, чем средневропейский уровень, и в 3 раза меньше, чем в лидирующих азиатских странах». В подходе властей к образованию господствует идеология «рыночного фундаментализма». (Выступление в телевизионной передаче Виталия Третьякова «Что делать?» 13 апреля 2008 г., тема «Кризис образования в России»). Финансирование высшего образования в России со времени выхода программы в эфир несколько изменилось, но на зарплате преподавателей это не сказалось практически никак. Для достижения, например, средневропейского уровня зарплат в образовании требуется их повышение в несколько раз. (Действительно значительные средства в 2009 году были выделены только на инновационные разработки, но, как признал премьер-министр, ожидаемый результат достигнут не был.)

выправить ситуацию в целом.) В рассказе Н.С.Лескова «Леон дворецкий сын» есть забавное выражение «концерт дешевых студентов»⁵⁵, означающее "концерт в пользу бедных студентов". Российские власти, похоже, заказали концерт дешевых профессоров ради экономии на исполнителях, но в таком случае дешевым окажется и само искусство исполнителей.

Лев Толстой как зеркало российского образования

Но здесь-то и возникает главная проблема, о которой не любят задумываться ни реформаторы *in Russia and abroad*, ни педагоги. Еще граф Л.Н.Толстой, непредвзятым и не засоренным догмами взглядом рассмотревший образование, в том числе университетское, и фигуру досточтимого Профессора-Лектора, пришел к весьма неутешительному выводу: «То условие, что в университете нужно читать профессору и непременно от себя, принадлежит к догматам университетской практики, в которую я не верю и которую доказать невозможно. "Изустная передача запечатлевается более в умах и т.д.", скажут мне; все это несправедливо. <...> Изустная передача имела бы значение только тогда, когда студенты нашли бы право оппонировать и лекция была бы беседа, а не урок. Тогда бы только мы, публика, не имели права требовать оглашения от профессоров тех руководств, по которым они 30 лет сряду учат наших детей и братий. При теперешнем же порядке чтение лекций есть только забавный обряд, не имеющий никакого смысла, и в особенности забавный по важности, с которой он совершается»⁵⁶. Не понаслышке знакомый с университетским преподаванием, хотя и не отличавшийся в свои студенческие годы прилежанием, Толстой признается: «Главная забота студентов (и я теперь говорю только о самых лучших) – достать записки или руководство, по которым можно будет приготовиться к экзамену. Большинство ходит на лекции или потому, что нечего делать и еще внове не наскучило, или чтобы доставить удовольствие профессору, или, как в редких случаях, из моды, когда один из ста профессоров сделался популярен и посещать его лекции сделалось умственным шегольством между студентами. Почти всегда, с точки зрения студентов, лекции составляют пустую

---

⁵⁵ Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958. Т.7. С.69.

⁵⁶ Толстой Л.Н. Воспитание и образование // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т.16. Публицистические произведения. 1855–1886. С.46.

формальность, необходимую только в виду экзамена. Большинство в продолжение курса занимается не своими предметами, а посторонними, программа которых определяется кружком, в который попадают студенты. На лекции смотрят обыкновенно так же, как солдаты смотрят на учение; на экзамен так же, как на смотр, как на скучную необходимость»⁵⁷.

Итоговая толстовская мысль совсем неутешительна для университетов: «<...> О студентах самостоятельно работающих – скажу, что для них не нужны университеты с их организацией, им нужны только пособия – библиотека, не лекции, которые бы они могли слушать, а беседы с руководителями. Но и для этого меньшинства едва ли дадут университеты знания, соответственные их среде, если только они не хотят быть литераторами или профессорами. <...> Кто и чем доказал, что университеты имеют это образовательное влияние, откуда вытекает это таинственное образовательное влияние?»⁵⁸

В толстовских воззрениях на образование много вздорного, и господствует в них особого рода утилитаристский взгляд. Но он не стеснен теми обстоятельствами и интересами, которые властвуют над преподавателями и ограничивают их честность и непредвзятость: «Все люди – все человеки, даже профессора. Ни один работник не скажет, что нужно уничтожить ту фабрику, на которой он находит кусок хлеба, и не потому, чтобы он это рассчитывал, а бессознательно»⁵⁹.

Фигура Педагога, Наставника была органичной в древности, при передаче знания из уст в уста, когда основной формой обучения было слово звучащее, а не написанное или печатное. Она была естественна в средневековой ученой корпорации с ее диспутами – корпорации, где фигура Учителя была наделена особым, полусакральным авторитетом. Но уже в эпоху Толстого необходимость такой формы обучения по существу оказалась проблематичной. Высокий авторитет Лектора был полуутерян, сохранившись лишь в красивых и мертвых университетских обрядах, наподобие «выдачи доктората *honoris causa* таких университетов, как Кембриджский и Оксфордский»⁶⁰. Профессор, выходящий

---

⁵⁷ Там же. С.50.

⁵⁸ Там же. С.53.

⁵⁹ Там же. С.49.

⁶⁰ Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С.329. – Здесь же описывается процедура вручения этой степени самому Бердяеву как доктору теологии – «то есть высшей из наук»: «очень торжественная церемония», во время которой «надевают красную мантию и

на кафедре и долдонящий, уткнувшись в конспект, свои лекции, которые представляют собой простой пересказ чужих и иногда своих книг, – неизменный атрибут даже одного из лучших университетов в его годы, признаваемые также лучшими⁶¹.

В современной ситуации, когда развиваются дистанционные формы обучения (насушно необходимые при получении второго образования в заочной форме)⁶² и когда администрация институтов часто одержима идеей издания не только новых учебников, но и лекционных курсов, лектор на кафедре превращается, с одной стороны, в ретранслирующее аудиоустройство (в идеале обладающее некоторым набором интонационных, мимических и жестикуляционных актерских приемов), а с другой, – в контрольный аппарат, призванный проверить знания слушателей на зачете или экзамене. Не случайно выражение «прослушать курс лекций» превратилось в современном языке в синоним словосочетания «получить образование».

Сейчас же преподаватель все в большей степени превращается в тестирующее устройство, призванное сверять вопрос с ответом. Тесты Единого Государственного Экзамена, названные президентом Д.А.Медведевым «главным инструментом проверки знаний»⁶³, оккупировали школу, превратив обучение, дающее систему знаний, в натаскивание на верные ответы, в род тренинга для участия в «брейн-рингах»⁶⁴. Тесты

средневековую шапочку».

⁶¹ Б.Н.Чичерин вспоминал о лекциях профессора императорского Московского университета А.И.Чивилева: «Он читал по раз навсегда составленным запискам, которые переходили от одного курса к другому, так что нам не было даже нужды записывать: мы просто следили за чтением по старым тетрадям» (*Русское общество 40–50-х годов XIX в. М., 1991. Ч.2. Воспоминания Б.Н.Чичерина / Сост., общ. ред. и предисл. С.Л.Чернова. С.46*).

⁶² *Идея отказа от заочной и частично от вечерней форм обучения, как от не оправдавших себя и профанирующих сам процесс образования, высказываемая сейчас и чиновниками, и ректорами известных университетов, идет вразрез со сложившимся положением вещей, когда огромное число студентов вынуждено одновременно учиться и работать.*

⁶³ *ЕГЭ будет постоянно меняться // URL: <http://news.mail.ru/politics/3477607/>. – См. также о высказываниях Д.А.Медведева во время встречи 19 апреля 2010 года с педагогами московской школы №627 (URL: <http://news.mail.ru/politics/3711321/>).*

⁶⁴ *Аналогия принадлежит учителю Александру Шикману (Шикман А. Прощай, профессия // Неприкосновенный запас. 1999. №4. С.51).*

как средство проверки знаний усердно внедряются и в высшее образование⁶⁵.

Я отнюдь не желаю нагадить там, где ем, утрируя реальное положение вещей. Лекционный курс далеко не всегда бытует в напечатанном виде, обыкновенно лектор не читает год за годом один и тот же текст, а варьирует его, нередко учитывая новейшие открытия и идеи. И тем не менее традиционная форма обучения существует прежде всего по инерции. Она может сохраняться веками, утратив глубинное моральное основание – как доходит до нас свет давно погасшей звезды. Инерция в культуре и социуме, хорошо это или плохо, – явление долговечное. Внутреннее оправдание фигура университетского преподавателя получает прежде всего при диалогических формах обучения: в спецсеминаре и на практических занятиях. Ю.М.Лотман, блестящий лектор и замечательный преподаватель, заметил об университетском образовании: «<...> Одна из особенностей этой ступени в том, что здесь уже нет верха и низа – учителей и учеников – здесь все коллеги, т.е. люди, которые работают вместе. <...> Принуждение, обязательный "насильственный" контроль остались на низшей ступени образования. И отношение преподавателей к вам будет иное. Это будет отношение коллеги к младшему коллеге». Обращаясь к студентам, он подчеркнул: «Вы пришли не, как школьники, получить правильный ответ, вы пришли к коллеге посоветоваться, подумать вместе»⁶⁶.

Между тем концепция Болонской реформы (как в ее импортном, так и в доморощенном варианте) предполагает сохранение именно лекци-

---

⁶⁵ Образцом для российской реформаторской «тестомании» послужило, по-видимому, прежде всего американское среднее образование; по крайней мере, таково мнение многих аналитиков. В американской же школе учитель «не должен быть большим специалистом в преподаваемом им предмете, но должен уметь сравнить ответ ученика с эталонным, например, при тестировании. <...> А нам насаждают тесты, совсем не учитывая, что наши учителя еще не разучились решать наши обычные контрольные работы и проверять их, не глядя в эталонные ответы, чего американские учителя делать не умеют. Они отвечают не столько математике, сколько ответам на вопросы тестов», – резюмирует школьный учитель математики Александр Шевкин (См.: Шевкин А. Достойны ли мы богатства, которое пока что имеем? Размышления над рецензируемой книгой [По поводу кн.: Образование, которое мы можем потерять: Сборник / Под общ. ред. В.А.Садовниченко. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова; Институт компьютерных исследований, 2002] // URL: <http://ps.1september.ru/articlef.php?ID=200208717>).

⁶⁶ Лотман Ю.М. Указ. соч. С.459, 460.

онных курсов и контроля знаний в виде экзаменов и зачетов, выставляемых по системе баллов – кредитов. (Получение диплома бакалавра и магистра определяется не набором обязательных дисциплин, знания по которым получил студент, а необходимой суммой кредитов, полученных по различным курсам, выбор которых диктуется свободной волей слушателя.) В российском образовании, где количество занятий примерно вдвое превосходит установленную Болонской конвенцией норму в 27 часов, реформа неизбежно приведет и уже привела к вытеснению именно диалогических форм обучения и минилекционных курсов (спецкурсов) при сохранении архаичной формы лекций.

Я отнюдь не склонен идеализировать ни общий уровень, ни современное состояние российского образования. Идеологический вирус, подхваченный им в советскую эпоху, и принцип отрицательного отбора преподавательского состава, существовавший в те приснопамятные годы, не прошли даром. Очевидна произошедшая утрата университетами доминирующей научной роли. Внешний признак этого – резкое сокращение, почти прекращение издания научных трудов, чье место заняли способные принести прибыль учебники и пособия, в том числе предназначенные для средней школы.

Нужно быть все-таки очень большим и субъективным идеалистом, чтобы подписаться под таким гордым утверждением: «Человек, получающий "наше" образование, – это словно бесконечно расширяющаяся Вселенная. Вселенная чувств, знаний и умений. Вселенная бесконечной эрудиции и вместе с тем бесконечного профессионального перфекционизма»⁶⁷.

Несомненно и то, что образование нуждается в переменах, и я не вижу ничего страшного в том, что учебные заведения, узко ориентированные на рынок, действительно добровольно перестраивают обучение «на болонский лад»; нет ничего страшного и в коммерциализации *такого* образования, и в ревизии множества расплодившихся ныне институтов. (Другой вопрос: а судьи кто?) Да, в системе образования есть изъяны: не чужды ей и «закрытость», и косность. Бодрые суждения: «...Многие сегодня считают нашу образовательную систему самой лучшей. И сегодня, в период, когда Россия утратила свои лидирующие позиции по многим показателям, именно эта область сохранила свой престиж, значение и авторитет»⁶⁸ – меня не воодушевляют.

---

⁶⁷ Елистратов В. Указ. соч.

⁶⁸ Павловская А.В. *Образование в России: История и традиции*. М., 2003. С.6.

Соображения, выше изложенные, может быть, и не очень верные, но, по крайней мере, не варварские. Я не боюсь того, что они кажутся консервативными или даже реакционными. В конце концов, опыт прошлого столетия учит, что консерватизм и даже реакция могут быть не всегда плохи. «Прогрессизм», «консерватизм», «либерализм» – все это, видите ль, слова, слова, слова... Просто при слове «реформа» я хватаюсь за сердце: опыт недавних лет убеждает в том, что после реформ жить становится не веселее, но хуже и растут коммунальные платежи.

А хуже всего, что реформа навязывается насильственно. Шестьдесят лет назад английский писатель Клав Стейплз Льюис создал антиутопию «Мерзейшая мощь», в которой изобразил жуткую попытку подчинить образование тоталитарным идеям и «прогрессу». Идеология, декларируемая нынешними реформаторами в России, хотя тоже преклоняется перед «прогрессом», как будто бы иная. А мне почему-то мерещится сходство...

Жизнь человека как такового в мире определена его связью с воспоминанием о прошлом и с предвосхищением будущего. Он живет не изолированно, а как член семьи в доме...

Карл Ясперс

**Одной лишь карты мира
недостаточно, чтобы служить
руководством к действию...**

Эрих Фромм

Игорь Максимычев

ПОСТ СДАН. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ГДР

**ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
СОВЕТНИКА-ПОСЛАНИКА
ПОСОЛЬСТВА СССР В БЕРЛИНЕ**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.8

The fall of the Berlin Wall was the most dramatic event of the 1989–1990 crisis in the German Democratic Republic. The opening of the border crossing points of the Wall for unimpeded passage that happened late night on 9 November 1989 was later called a peaceful revolution. However, GDR continued to exist after that event. That period that ended on 3 October 1990 is much less known even in Germany, let alone the rest of the world. The end of GDR was the beginning of a new world, in which we live now, and a better understanding of the circumstances of its disappearance means a deeper comprehension of the mechanisms that govern our existence today. In the year of the 20th anniversary of the unification of Germany, it would make sense to recall how it was prepared. Nothing was as easy as it seemed from afar. The notes from the diary of the then Minister-Counsellor of the Embassy of the USSR in the GDR will help reconstruct the history of that period, along with the publications of the press of that time, which was quite sensitive to all the turns in the course of the solution of the national problem of the Germans.

Ключевые слова: объединение Германии; правительство Ханса Модрова; правительство Лотара де Мезьера; канцлер Гельмут Коль; выборы в Германии 18 марта 1990 года; Западный Берлин; вывод войск из Германии; Западная группа войск; переговоры «два плюс четыре».

Key words: the unification of Germany; the government of Hans Modrov; the government of Lotara de Mezera; chancellor Helmut Kohl; the German elections on 18 March 1990; the Western Berlin; the conclusion of Armies from Germany; the Western group of Armies; negotiations "two plus four".

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

Наиболее впечатляющим событием глубочайшего кризиса, охватившего Германскую Демократическую Республику в 1989–1990 годах, было, конечно, падение Берлинской стены. Когда в ноябре прошлого года исполнилось 20 лет этому событию, именно оно привлекло внимание средств массовой информации всего мира и было отмечено торжественной церемонией в столице объединенной Германии. Характерным для всего, что в связи с этим говорилось, писалось и показывалось, был тезис, будто изменение режима пересечения линии секторального разграничения в Берлине стало концом ГДР. Состоявшемуся поздним вечером 9 ноября 1989 года открытию контрольно-пропускных пунктов Берлинской стены для свободного прохода граждан и проезда автомашин было присвоено звание мирной революции, которая якобы предрешила стремительную ликвидацию ГДР.

Однако такая интерпретация вызывает много сомнений, поскольку она проходит мимо драматических событий противоположной направленности – как внутри самой восточногерманской республики, так и вокруг нее – в период, предшествовавший 3 октября 1990 года, когда ГДР перестала быть. За пределами «новых земель», как теперь именуется территория бывшей ГДР, об этих событиях почти ничего не известно. Это и понятно: если вопрос о слиянии с ФРГ был, как утверждается, решен уже в ноябре 1989 года, то какой смысл утруждать себя рассмотрением никому не нужных деталей?! Еще меньше об этом периоде знают в России: именно в это время в Советском Союзе разыгрывалось напряженное вступление к трагедии великого народа, перед которой блекло происходившее в остальном мире.

Разумеется, все, что нас окружает, преходяще, находится под угрозой внезапного исчезновения. Но любой конец – это одновременно и начало. Конец ГДР был началом того нового мира, в котором мы теперь живем, и разобраться в обстоятельствах ее исчезновения – значит глубже понять механизмы, регулирующие наше существование сегодня. Именно по этой причине, мне кажется, стоит вспоминать и напоминать о том, как готовилась кончина ГДР: все было далеко не так просто, как многие ныне утверждают. Для обращения к памяти о том времени есть и формальный повод: в октябре текущего года исполняется 20 лет с момента объединения Германии, ставшей одной из ведущих держав Европы. Восстановить картину произошедшего помогут записи, которые я делал, будучи в те годы советником-посланником посольства (заместителем посла) СССР в ГДР, а также материалы печати, нервно

откликавшейся на любые повороты в ходе решения национальной проблемы немцев.

На краю

К концу 1989 года оппозиция в ГДР, несмотря на разрозненность ее составных частей, сумела добиться главного: весь государственный аппарат поддержания общественного порядка был выведен из строя. Одним из первых шагов Ханса Модрова на посту председателя Совета министров ГДР было принятое под давлением улицы решение о замене вызывавшего наиболее острые нападки оппозиции Министерства государственной безопасности («штази») и его отделений на местах Ведомством национальной безопасности с урезанными полномочиями и ограниченным штатом сотрудников. Это решение, поддержанное Народной палатой, вызвало, однако, бурный протест демонстрантов, обвинивших власти в намерении сохранить МГБ под новой вывеской. 14 декабря правительство было вынуждено отказаться от планов создать ВНБ. 12 января 1990 года Народная палата после острых дебатов окончательно отклонила даже проект учреждения Ведомства по охране конституции по образцу ФРГ. В результате ГДР осталась вообще без структуры, обеспечивающей внутреннюю безопасность государства, – и это при открытых границах!

Параллельно с ликвидацией «штази» самораспустилась Национальная народная армия (ННА). Военнослужащие не смогли забыть, как бестолковые действия послехонеккеровского руководства республики едва не ввергли их в войну со своим собственным народом вечером 9 ноября 1989 года. Тогда пограничники (охрану границ осуществляла ННА) не получили вовремя указаний об изменении режима выезда и были оставлены один на один с толпами граждан, требовавших выполнения объявленного по телевидению нового постановления правительства. В связи с уходом людей из Восточной Германии в ФРГ на военных была частично возложена задача восполнить нехватку рабочих рук на производстве. 13 декабря Министерство обороны ГДР официально сообщило, что 19 100 военнослужащих и пограничников направлены на заводы и комбинаты, а также в больницы и медицинские учреждения для обеспечения населения жизненно важными товарами и услугами¹.

---

¹ *Neue Chronik DDR. Berichte, Fotos, Dokumente, recherchiert und zusammengestellt von Zeno und Sabine Zimmerling. 3. Folge. 26. November 1989 – 22. Dezember 1990. Berlin, 1990. S.85.*

Армейская командная вертикаль переставала функционировать. Армия разваливалась. Солдаты просто расходились по домам.

Народная полиция, являвшаяся третьим элементом силовых структур ГДР, была до предела запугана угрозами со стороны экстремистских элементов оппозиции, обещавших расправиться с полицейскими, принимавшими при Эрихе Хонеккере участие в разгоне запрещенных антиправительственных демонстраций. Служащие полиции боялись появляться на городских улицах в форме, многие подали заявление об увольнении.

Одна из «демонстраций по понедельникам» в Лейпциге (9 октября 1989 года).

15 декабря правительство в ответ на настойчивые требования оппозиции о роспуске «боевых дружин рабочего класса» приняло решение об окончании их деятельности². Эти дружины были созданы при каждом крупном предприятии и государственном учреждении после событий июня 1953 года, когда правительство впервые столкнулось с параличом силовых ведомств, вследствие чего СССР пришлось тогда выводить на улицы бронетехнику советских оккупационных войск. Дружины

---

² *Berliner Zeitung*, 16./17. Dezember 1989.

были неплохо вооружены стрелковым оружием, у них были даже свои бронетранспортеры. Они оказали эффективную поддержку полиции и армии при сооружении Берлинской стены 13 августа 1961 года. Это был последний резерв властей в случае попытки насильственного переворота (другой вопрос – насколько можно было на них положиться в атмосфере непрерывных массовых антиправительственных демонстраций). Отказавшись от дружин, правительство осталось практически полностью безоружным перед лицом нарастающего протестного движения.

Таким образом, ситуация в республике как бы повисла в воздухе. Могло случиться буквально все, тем более что руководители демонстраций, чувствуя свою безнаказанность, все чаще прибегали к насильственным методам выражения протеста. Получалось что-то вроде цепной реакции, когда каждая уступка властей влекла за собой дальнейшую радикализацию протестного движения. В частности, сложившееся положение повлияло на порядок обеспечения безопасности нашего посольства. С учетом того, что комплекс посольских зданий был расположен практически в приграничной зоне (стена находилась в 300 метрах от него), власти ГДР с 1979 года доверили охрану посольства входившей в систему МГБ дивизии им. Феликса Дзержинского. Одетые в обычную полицейскую форму патрули этой дивизии дежурили у главного входа в посольство СССР и прикрывали всю его фронтальную часть, выходящую на Унтер-ден-Линден. Была до мелочей продумана система оповещения о чрезвычайных ситуациях. В районе Бранденбургских ворот постоянно находился резерв, который в случае нужды в считанные минуты мог бы прийти на выручку постовым у посольства. Ликвидация МГБ означала также упразднение дивизии им. Феликса Дзержинского. С 5 декабря 1989 года у посольства стал дежурить полицейский из ближайшего отделения народной полиции. Надеяться в экстренных случаях на эффективную поддержку властей ГДР не приходилось.

Частичное решение проблемы безопасности посольства было найдено с помощью Берлинской бригады Западной группы войск (ЗГВ). Ее солдаты и раньше по договоренности посла с главным командованием ЗГВ круглосуточно охраняли служебный вход в посольство с Беренштрассе (сотрудникам посольства и членам их семей выдавались специальные пропуска на русском языке, чтобы они могли пользоваться этим входом). Раз в сутки в посольство приезжал военный автобус из расположения бригады в берлинском районе Карлсхорст – производилась смена караула. Теперь численность военной охраны была удвоена на

тот случай, если понадобится прикрыть и главный вход в посольство. По счастью, такой необходимости не случилось. Но приходилось быть готовыми к любым неожиданностям.

Укрепление охраны посольства силами Берлинской бригады наверняка не укрылось от внимательных глаз, пристально и непрерывно наблюдавших за всем, что происходило в ГДР, и особенно за тем, что делали находившиеся там советские представители. Надо полагать, что данный факт был истолкован как признак решимости при возникновении прямой угрозы безопасности советских учреждений в ГДР пустить в ход немалые возможности ЗГВ (как хорошо знали в столицах НАТО, ее потенциал был рассчитан на успешное ведение военных операций против совокупных сил альянса). Подобная перспектива подействовала отрезвляюще на тех, кто дергал за ниточки. В свою очередь холодный душ с Запада охладил горячие головы по эту сторону все еще стоявшей стены. Впрочем, не все.

28 декабря 1989 года был осквернен мемориал павшим советским воинам в Трептов-парке (его охрана была снята после роспуска МГБ). На барельефы мемориала нанесли надписи антисоветского и националистического толка. Одна из таких надписей гласила: «Взорвать последнюю тюрьму народов, взорвать СССР!» Однако эта вылазка приободрившихся нацистов вызвала противоположный результат и была публично осуждена не только в ГДР, но и на Западе. 3 января 1990 года в Трептов-парке по призыву СЕПГ–ПДС, Комитета борцов антифашистского Спротивления, Общества германо-советской дружбы, а также других партий и организаций из обеих частей Берлина состоялась 250-тысячная демонстрация в знак протеста против неонацистской провокации. Выступавшие на митинге требовали создания эффективного ведомства по охране конституции, организации антифашистских базисных групп, более четко ориентированного на гуманистические ценности образования, укрепления авторитета государства в ответ на неонацистские проявления, где бы они ни происходили³.

Серьезный успокаивающий эффект имела встреча послов четырех держав 12 декабря 1989 года в хорошо известном немцам здании Контрольного совета на Кляйст-плац в Западном Берлине, откуда в 1945–1948 годах осуществлялось четырехстороннее управление оккупированной Германией. Вашингтон, Лондон и Париж сразу же дали согласие на эту предложенную Москвой встречу вопреки позиции министра ино-

---

³ *Berliner Zeitung*. 4. Januar 1990.

странных дел ФРГ Ганса-Дитриха Геншера, в истерическом тоне требовавшего пригласить на нее и западногерманского представителя. Западные державы располагали точной информацией о неустойчивости внутриполитического положения в ГДР, где в любую минуту по инициативе какого-нибудь сумасброда мог произойти взрыв, не говоря уже о самостоятельности многочисленных неправительственных инстанций ФРГ, не поддающихся никакому контролю. Геншеру было обещано приглашать западных немцев на последующие встречи подобного рода, но откладывая данную встречу Запад не стал, чтобы наглядно доказать наличие единства четырех держав в деле сохранения хотя бы относительной стабильности на подконтрольной им территории⁴.

Стремление великих держав предотвратить хаос в ГДР подчеркнула встреча госсекретаря США Джеймса Бейкера с Хансом Модровым 12 декабря в Потсдаме, который американский представитель посетил специально для этой цели. В состоявшейся беседе Бейкер говорил об американской заинтересованности в мирном и стабильном развитии реформ в ГДР и о том, что его приезд должен стать политическим сигналом в указанном направлении. Выступая в этот же день в Западном Берлине, Бейкер выдвинул проект создания сообщества государств северного полушария от Владивостока до Ванкувера. 20–22 декабря в ГДР с официальным визитом побывал президент Франции Франсуа Миттеран. Поддержать демонстрацию единства сверхдержав было призвано также предание гласности встречи посла США в ФРГ Вернона Уолтера с послом СССР в ГДР В.И.Кочемасовым, состоявшейся по американской инициативе в Западном Берлине 12 января 1990 года, сразу же после новогодней паузы. Прессе ничего не сообщили о содержании беседы (на ней действительно ничего нового не обсуждалось), но именно эта «таинственность» произвела должное впечатление.

Со своей стороны, власти ГДР продолжали проявлять готовность пойти далеко навстречу требованиям демонстрантов. Сохранялась полная свобода поездок в ФРГ; число переселенцев из ГДР в ФРГ превысило в 1989 году 330 тысяч человек. В заявлении Х.Модрова на заседании

---

⁴ Помимо сигнала теряющим чувство реальности сторонникам немедленного инкорпорирования ГДР в ФРГ, встреча 12 декабря заложила основу механизма «четыре плюс два». То есть переговоров четырех держав, несших в соответствии с Потсдамским соглашением 1945 года ответственность за Германию в целом, при участии двух германских государств – для поисков решения национальной проблемы немцев, которая иначе именовалась объединением Германии.

Народной палаты 11 января 1990 года об экономическом положении страны подчеркивалось, что две трети недополученных бюджетом в предыдущем году четырех миллиардов марок приходятся на ноябрь и декабрь, когда ощутимо сказалась нехватка рабочей силы в связи с уходом людей в ФРГ. Тем не менее Народная палата приняла закон о поездках в самом либеральном варианте. На это же заседание были впервые приглашены представители оппозиции, правда, пока без права участвовать в прениях⁵.

1 декабря 1989 года Народная палата двумя третями голосов удалила из первой статьи конституции республики указание на руководящую роль Социалистической единой партии Германии. Отныне текст этой статьи гласил: «Германская Демократическая Республика – социалистическое государство рабочих и крестьян. Она является политической организацией трудящихся в городе и на селе». 7 декабря под эгидой евангелической и католической церковью ГДР состоялось первое заседание Круглого стола – институции, в задачи которой входила функция посредника между демонстрантами и правительством. Участниками Круглого стола стали все существовавшие в ГДР политические партии и движения⁶. В учредительной декларации содержалось требование к Народной палате и Совету министров «своевременно информировать Круглый стол и привлекать его к разработке предстоящих важных решений в юридической, экономической и финансово-политической сферах». Круглый стол рекомендовал провести уже 6 мая первоначально намеченные на конец 1990 года выборы в Народную палату⁷. Правительство сразу же согласилось с этой рекомендацией.

21 декабря Совет министров ГДР принял решение предоставить, за счет государственного бюджета, в распоряжение Круглого стола Дом конференций дворца Нидершенхаузен, выделить для него собственный автопарк, необходимые финансовые средства и оборудование для бюро, обеспечить ему связь со средствами массовой информации⁸. На состо-

---

⁵ *Berliner Zeitung*. 12. Januar 1990.

⁶ Среди них Христианско-демократический союз, СЕПГ, Социал-демократическая партия, Новый форум, Либерально-демократическая партия Германии, Национально-демократическая партия Германии, Демократическая крестьянская партия Германии, Демократический прорыв, Объединенные левые, Свободная германская федерация профсоюзов, Независимый союз женщин, партия «зеленых».

⁷ *Berliner Zeitung*. 8. Dezember 1989.

⁸ *Neue Chronik DDR*. S.116.

явшемся 22 декабря заседании Круглого стола были утверждены темы, которые подлежали обсуждению в дальнейшем. Повестка дня ближайшего заседания выглядела так: «Регламент деятельности гражданских комитетов⁹; отношения с правительством Модрова; выборы в местные органы власти; против неофашизма; образование комитета гражданского контроля [за ликвидацией МГБ/ВНБ]; регламент работы секретариата Круглого стола; обеспечение возможности работы для [новых политических] группировок»¹⁰.

Воздействие совокупности принятых мер по отрезвлению разгоряченных умов оказалось довольно основательным. С начала декабря больше чем на месяц в ГДР воцарилось сравнительное спокойствие. Состоявшееся 22 декабря открытие Бранденбургских ворот для прохода и проезда в обоих направлениях прошло без инцидентов. В выступлении Модрова на торжественной церемонии по этому поводу подчеркивалось, что открытие ворот является символом обновляющейся ГДР и ее решимости и дальше участвовать в строительстве мирного европейского дома; эти ворота с их соединительной функцией должны стать воротами мира. В своем ответном слове федеральный канцлер Гельмут Коль заявил, что теперь следует сделать все, чтобы поддержать общность немцев; при осуществлении необходимых шагов в интересах общего будущего следует проявлять терпение и глазомер¹¹.

17 декабря Вторая программа телевидения ФРГ (ЦДФ) и западногерманский журнал «Шпигель» опубликовали результаты первого зондажа общественного мнения в ГДР, согласно которым 73% граждан высказались в пользу сохранения суверенитета ГДР и лишь 27% поддерживали перспективу объединения с ФРГ. Опрошенные относили к сильным сторонам ГДР по сравнению с ФРГ высокую степень социальной защищенности населения и отсутствие безработицы¹². Представительный опрос общественного мнения, проведенный социологами Академии общественных наук ГДР во второй половине декабря 1989 года, показал, что 59% участвовавших в опросе доверяют Х.Модрову. На предстоящих парламентских выборах 34,0% ответивших на соответст-

---

⁹ *В условиях паралича государства на местах в порядке самостоятельности для поддержания общественного порядка создавались гражданские комитеты, которые брали на себя функции государственных органов*

¹⁰ *Berliner Zeitung. 23./24. Dezember 1989.*

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid. 18. Dezember 1989.*

вующий вопрос намеревались поддержать СЕПГ–ПДС; 7,9% – ХДС; 2,6% – ЛДПГ; 2,0% – НДПГ; 5,8% – «Новый форум»; 5,4% – «Объединенных левых» и СДПГ; 2,0% – «Демократический прорыв»; 1,0% – партию «зеленых». Не собирались принимать участия в голосовании 7,3%¹³.

На этом фоне верховная власть ГДР чувствовала себя достаточно уверенно. 29 декабря за подписями председателя Совета министров Ханса Модрова (СЕПГ–ПДС), председателя Государственного совета Манфреда Герлаха (ЛДПГ) и председателя Народной палаты Гюнтера Малойды (ДКПГ) было опубликовано обращение к гражданам республики по итогам завершающегося и перспективам следующего года. В обращении говорилось: «ГДР находится в процессе перехода к новому. Много кажется непривычным, кое-что угрожающим. Старые структуры рассыпаются, ставятся под сомнение. Формируются новые политические силы. Предстоит найти твердую опору. Нам надо создавать ее вместе, демократическим путем. Уверенность в будущем должна возрасти уже в новом году. Пусть никто не испытывает страха, пусть каждый помогает укреплять порядок, налаженную жизнь в городе и деревне. Мы не должны забывать о пожилых и больных людях, мы должны позаботиться и о детях». Подчеркивалось также: «Даже при полном открытии границ с ФРГ и Западным Берлином не будет допущено распродажи ГДР. И в последующем не будет распродажи предприятий нашей страны; каждый гражданин должен знать, что сохранность его сбережений гарантирована. Валютной унии [с ФРГ] не предусматривается». Далее следовал призыв к гражданам ГДР активно выступить за реализацию лозунгов, уже поддерживаемых частью демонстрантов: «Нет насилию! Нет нагнетанию ненависти! Нет враждебности к иностранцам! Не оставить ни малейшего шанса праворадикальным крикунам и неонацистам! Первым гражданским долгом каждого являются мужественные действия с осознанием своей ответственности!» И еще: «Европа смотрит на нас, так как развитие событий в ГДР и ее отношения с ФРГ затрагивают всю Европу, в первую очередь соседей и партнеров обоих германских государств. Договорное сообщество [ГДР] с ФРГ, контуры которого должны проясниться в 1990 году, может быть полезным Европе и полезным нам только в том случае, если правительство ГДР сможет действовать как надежный партнер. Стабильность и

---

¹³ *Ibid.* 30./31. Dezember 1989.

управляемость ГДР являются германской необходимостью и настоятельной европейской потребностью»¹⁴.

Собравшаяся вечером 31 декабря у Бранденбургских ворот гигантская толпа из обеих частей Берлина, отмечавшая наступление Нового, 1990, года, вела себя исключительно мирно. Правда, под грохот непрерывно игравших оркестров группа инициативных граждан сумела незаметно взобраться на ворота и кое-что демонтировать в стоящей там квадриге (из добытого таким образом «сырья» были впоследствии изготовлены «подлинные» сувениры соответствующей цены), но нарушения общественного порядка это не вызвало. Молодые люди, уже после полуночи взобравшиеся по стоявшему перед посольским жилым домом хилому деревцу на наше окно и вежливо попросившие попить воды, вовсе не хотели нарушать дипломатическую экстерриториальность здания – они просто искали выгодную точку обзора для наблюдения за ликующими вокруг Бранденбургских ворот и на аллее Унтер-ден-Линден людьми. Утром 1 января 1990 года весь район ночных гуляний рядом с посольством был покрыт густым ковром пивных банок и бутылок. Но инцидентов не было, если не считать нескольких раненых в результате падения телевизионной осветительной установки, на которую вскарабкалось слишком много любопытных.

Тем не менее было ясно, что правительство ГДР не должно расслабляться. На первом в 1990 году утреннем совещании дипломатического состава посольства, состоявшемся во вторник 9 января, посол В.И.Кочемасов констатировал¹⁵: «Идет концентрированная атака на СЕПГ–ПДС и лично [Грегора] Гизи и [Ханса] Модрова. [Вчерашняя] демонстрация в Лейпциге [была] меньше по численности, но агрессивнее. [Выдвинут] лозунг дележа имущества партии – [это у них] не выйдет¹⁶. [Оппозиционеры] рвутся в СМИ – требуют передавать [заседания]

---

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Сообщения посла на ежедневных утренних «летучках» в посольстве имели особую информационную ценность. Ведь только он был в курсе сведений, которыми располагали наши спецслужбы и военные, только он поддерживал постоянную связь со старшим звеном аппарата ЦК КПСС и МИД СССР, только он находился в повседневном тесном контакте с руководством СЕПГ и ГДР.*

¹⁶ *По совету юристов при преобразовании СЕПГ в Партию демократического социализма было решено на некоторое время сохранить двойное наименование СЕПГ–ПДС именно для того, чтобы сохранить хоть что-нибудь из партийного имущества (СЕПГ по примеру КПСС сосредоточила в своих руках довольно много материальных ценностей).*

Круглого стола по телевизору. СЕПГ [-ПДС] проверит надежность [телевизионных] редакторов. [Ведется] атака на встречу Модрова и Коля¹⁷ – это одна из форм нажима на правительство ГДР. (Варианты подготовки нового текста договора между ГДР и ФРГ будут рассматриваться 15 января.) Отправить сегодня проект [договора в Москву]. Поездка [министра иностранных дел] Оскара Фишера [в Москву] решена – как раз [для обсуждения] проекта договора. Срок: конец второй декады – начало третьей декады [января]. [Нужны] соображения к беседам с Фишером [по темам]: отношения ГДР–ФРГ, СССР–ГДР, соцсодружество, вопросы СЭВ, СЭВ–ЕС, разоруженческие мотивы (предложения Гизи¹⁸). Главное: развитие отношений СССР–ГДР и поддержка друзей в переговорах с ФРГ».

На следующий день, 10 января, посол рассказал о впечатлениях от своих контактов с представителями СЕПГ–ПДС: «Состав аппарата и руководящих органов партии сформирован. Пришло много новых людей. Радикализма хоть отбавляй. Общий прогноз: массовый психоз среди населения, коммунисты боятся расправ, но все же оправляются от шока. [Образованы] 100 групп во главе с членами правления для создания структур по месту жительства. При этом [важно] не уходить с предприятий там, где это возможно. <...> Общая оценка: осторожный оптимизм, хотя много некомпетентности».

На совещании в понедельник 15 января Кочемасов подтвердил, что визит Фишера состоится 19–20 января. Тема переговоров, – продолжал он, – «двусторонние отношения + согласование линии в отношении ФРГ. Прорабатывается вопрос о визите Гизи и Модрова в Москву. Нужен совет в отношении обстановки в ГДР. Важно следить за расстановкой сил в республике. Друзья действуют нерешительно, на местах проявляют робость. Вчера на Алексе [Александр-плац, Восточный Берлин] было много [народу] из Западного Берлина. В Карл-Маркс-штадте получился большой митинг в память К.Либкнехта и Р.Люксембург. [Дру-

---

¹⁷ Такая встреча была намечена на 13 февраля 1990 года для обсуждения возможностей юридического оформления реализации предложения Модрова о «договорном сообществе» ГДР и ФРГ.

¹⁸ 6 января 1990 года председатель СЕПГ–ПДС Грегор Гизи обнародовал проект германо-германского плана разоружения: сокращение наполовину численности ННА и бундесвера, снижение срока воинской службы до 12 месяцев в обоих германских государствах, вывод иностранных войск уже в текущем году, немедленное запрещение модернизации вооружений всех типов (Berliner Zeitung. 8. Januar 1990).

зья] действовали удачно, социал-демократы собрали только 10 тысяч человек. Многие обеспокоены дальнейшей судьбой республики. Друзья должны больше доверять массам, активнее работать с ними. Нам нужно постепенно устанавливать контакты с оппозиционными партиями и группировками. Обратит внимание на тональность передач радио и телевидения ГДР: об СССР сообщается только негативное».

Однако вечером 15 января относительно спокойное течение событий прервалось. Отлично организованная толпа взяла штурмом и разгромила пустовавшее центральное здание бывшего МГБ на Норманнштрассе. Поводом послужили утверждения руководителей Нового форума, будто архивы «штази» продолжают уничтожаться. Поскольку немного погодя стало известно, что хранившаяся в разграбленном здании картотека зарубежной агентуры разведки ГДР, считавшейся одной из лучших в мире, очутилась за океаном, в руках ЦРУ, можно довольно уверенно судить, кто был инициатором и главным дирижером операции. Вряд ли разведки США и ФРГ действовали без санкции сверху. Видимо, кое-кто и в Вашингтоне, и в Бонне пришел к выводу, что пора полностью использовать шансы, предоставленные открытием германо-германской границы. Затишье в ГДР закончилось.

Свидетельство очевидца: «Десятки тысяч демонстрантов собираются по призыву Нового форума и проникают ранним вечером [15 января] в помещения бывшего центрального здания штази в Берлине. По данным полиции, причинен многомиллионный материальный ущерб. Остается неясным, кто и зачем открыл закрытые ворота. Участники Круглого стола, обсуждавшие как раз правительственный доклад о ходе ликвидации [Министерства] госбезопасности, прерывают заседание и вместе с премьер-министром Модровом направляются к комплексу зданий штази в берлинском районе Лихтенберг. Премьер-министр Модров пытается успокоить толпу»¹⁹. Оказавшееся на месте происшествия западноберлинское телевидение демонстрировало кадры заполонившей пустые кабинеты толпы, поврежденного оборудования для бюро, усеянных обрывками документов полов, а также Модрова, в одиночку выступающего перед разбушевавшимися демонстрантами.

Спасло положение личное вмешательство Ханса Модрова – дело грозило обернуться началом масштабных погромов по всей стране (этим вечером во многих городах по призыву Нового форума прошли демонстрации против мнимых попыток правительства восстановить

---

¹⁹ *Neue Chronik DDR. S.70.*

СЕПГ и «ее репрессивный аппарат»). Модров рассказывает в своих мемуарах: «Во второй половине дня 15 января произошло драматическое событие, споры вокруг которого продолжаются до сегодняшнего дня. Руководители Нового форума Ингрид Кеппе и Райнхард Шульц призвали, как они выразились, "символически замуровать" ворота здания МГБ на Норманнен-штрассе в Берлине. Во время проходившей в этот день моей беседы с министром иностранных дел Югославии мне передали записку: на Норманнен-штрассе собрались десятки тысяч людей, налицо опасность эскалации насилия. Я написал на обороте записки, чтобы министр внутренних дел немедленно явился в мой кабинет. <...> После краткого обмена мнениями мы с министром внутренних дел Лотаром Арендтом решили ехать на Норманнен-штрассе без сопровождения. Не было поднято по тревоге ни одно силовое подразделение. Как скоро выяснилось, ситуация на месте вышла из-под контроля. Оборудованный на грузовике помост находился с другой стороны огромного скопища людей, так что мы на нашем автомобиле далеко углубились в толпу по оставленному для нас проходу, но потом все-таки застряли. В ответ на призыв через полицейский мегафон "Пожалуйста, расступитесь! Едет премьер-министр!" послышались выкрики типа "красная свинья!" Поскольку информация о ситуации на Норманнен-штрассе поступила и к участникам Круглого стола, представители оппозиции также поспешили сюда. Когда стало ясно, что на машине проехать совершенно невозможно, К.Вайс и И.Беме²⁰ взяли меня слева и справа под руки и мы протиснулись к помосту для ораторов. Мне пришлось говорить, не получив ни минуты, чтобы перевести дух. Я испытывал страх. Но не перед физическим насилием. С ним мне приходилось считаться постоянно – я не могу исключить такой возможности и сегодня: раз уж ты «красная свинья», то это навсегда. В тот же момент перед лицом теряющейся в темноте, неясной, взбешенной толпы у меня в голове засел иной страх: если ты потерпишь неудачу, если ты сейчас не найдешь правильных слов, если по твоей вине и так накаленная атмосфера выйдет еще больше из-под контроля, то наступит настоящий правительственный кризис. <...> Я искал слова, говорил о лежащей на всех нас ответственности, взывал к благоразумию, обращался к гражданским чувствам. Для того чтобы предотвратить предстоящий штурм, я использовал образ: разве могут быть стулья в ответе за зады, которые

---

²⁰ Конрад Вайс – один из руководителей объединения «Демократия сейчас», Ибрагим Беме – управляющий делами СДП ГДР.

когда-то на них сидели? Я говорил и чувствовал: все это, собственно, не ново, но я уже не говорю в абсолютную пустоту и черноту. Появилась надежда успокоить эту массу людей. Но вдруг ворота распахнулись. До сегодняшнего дня осталось неясным, кто приказал это сделать, кто вообще был так сильно заинтересован в открытии доступа к комплексу зданий и в том, что потом произошло. <...> Разве так уж притянута за уши предположение, что люди из гражданских движений помогали западным спецслужбам и использовали для этого штурм здания госбезопасности? <...> Ведь в тот вечер массы были направлены в основном к вспомогательному блоку, в то время как другие занялись архивами службы контршпионажа. Кто знает, что тогда попало и в чьи руки? И осталось в них? <...> Плащ истории прикрывает многое; его блестящая лицевая сторона может утаивать довольно неприглядную подкладку»²¹.

Январский кризис

Штурм здания МГБ означал поворотную точку в ходе кризиса ГДР. Посол так оценивал обстановку на совещании утром 16 января: «[Наступил] новый этап: [состоялся] захват МГБ, начались забастовки, лозунги против госбезопасности и СЕПГ–ПДС (вплоть до [требований] роспуска), за воссоединение. [Налицо] еще более непредсказуемое развитие. Руководство ГДР запуталось в бесконечных дискуссиях. [Нам надо бы] покритиковать поведение западников». Действительно, последствия происшествия 15 января 1990 года были сравнимы лишь с эффектом падения стены 9 ноября 1989 года. Только тогда импульс носил положительный характер, а 15 января – сугубо отрицательный.

Штурм продемонстрировал тот факт, что коалиционное правительство Модрова не в состоянии обеспечить стабильность, которой жаждало большинство населения. Кривая популярности Модрова пошла резко вниз. Ускорилась дезинтеграция СЕПГ–ПДС. 21 января заместитель председателя СЕПГ–ПДС, бургомистр Дрездена Вольфганг Бергхофер объявил о выходе из партийных рядов вместе с 39 другими руководящими членами партии из Дрездена. Примеру Бергхофера последовали многие коммунисты по всей стране. На совещании 18 января посол рассказал о содержании своей беседы с Модровым накануне: «По оценке Модрова, сложная ситуация [царит] в СЕПГ–ПДС и в отношениях между партией и правительством. Большинство населения отвергает

---

²¹ *Modrow H. Ich wollte ein neues Deutschland. München, 1999. S.407–409.*

СЕПГ–ПДС. Как быть Модрову? Может быть, сосредоточиться на правительстве и расширении правительственной коалиции? Модров решил изменить тактику поведения [правительства] за Круглым столом – [нужно] создание общей ответственности. [Удручает] некомпетентность участников Круглого стола. <...> Население обеспокоено разгромом [здания] МГБ. [Этим занимались] боевики отсюда и главным образом из Западного Берлина, искали документы о связи между руководством СЕПГ и МГБ. [Курсируют] слухи о возможных захватах парткомов и ратуш, на 31 января [предсказывают] "ночь длинных ножей". [Принимаются] превентивные меры. Страх населения растет».

Зачастили высказывания в пользу присоединения к ФРГ, которая представлялась нерушимой скалой благополучия в бушующем море кризиса, охватившем ГДР. Федеральный канцлер Г.Коль поторопился высказать предложение о перенесении выборов в Народную палату на более ранний срок, мотивируя это быстрой потерей доверия населения к правительству Х.Модрова. В Бонне начались спекуляции о возможности выхода составляющих правящую коалицию партий (прежде всего ХДС и ЛДПГ) из состава правительства, что повлекло бы за собой досрочные выборы. Как по команде, повсеместно в ГДР стали раздаваться призывы к коалиционным партиям прервать всякие отношения с СЕПГ–ПДС и отозвать из кабинета своих министров. К этим требованиям присоединился и генеральный секретарь ХДС ГДР Мартин Кирхнер, ссылаясь, в частности, на решение президиума партии ни при каких условиях не вступать в коалицию с ПДС после парламентских выборов 6 мая 1990 года.

18 января председатель ХДС Лотар де Мезьер, одновременно занимавший пост заместителя председателя Совета министров ГДР, деэвуировал демарш Кирхнера и заявил: «Весомым является четко выражаемое многими [членами ХДС] ожидание, что сегодня партия должна осознать свою ответственность за сохранение управляемости нашей страны, за поддержание жизненно необходимого порядка и снабжения, за надежную подготовку свободных выборов»²². Однако уже 25 января президиум ХДС решил отозвать своих министров из правительства, чтобы «расчистить путь к переговорам с новыми партиями и группировками» об их участии в управлении страной. Министры от ХДС временно остались на своих местах, и руководство ХДС выразило согласие с тем, чтобы Модров оставался главой правительства в том случае, если

---

²² *Berliner Zeitung*. 19. Januar 1990.

он откажется от своих должностей в СЕПГ–ПДС²³. В этот же день Модров предложил участникам Круглого стола направить своих представителей в правительство, которое станет отныне «правительством национальной ответственности». Это предложение было принято. Одновременно было решено ускорить проведение выборов и назначить их на 18 марта 1990 года (с этой идеей выступили социал-демократы при согласии со стороны СЕПГ–ПДС).

Мы в посольстве понимали, что наступил решающий момент, когда Советскому Союзу придется занять четкую позицию по германским делам; отделяться заявлениями общего порядка становилось невозможным. На совещании 21 января (это было воскресенье) посол, обычно не отличавшийся решительностью своих высказываний, подчеркнул: «Сейчас надо выявить несколько моментов, по которым надо дать бой. Рост неонацизма, влияния "республиканцев"²⁴ требует от нас, чтобы мы показали народу ГДР, куда это ведет. Второе: сказать ясно, что дальше отступать нельзя; надо кончать верхушечную борьбу и заняться базисом. Продумать, как мы можем помочь СЕПГ–ПДС, усилить взаимодействие с друзьями в этот кризисный момент. Грегор Гизи в ближайшие дни [полетит] в Москву ([по крайней мере, мы] надеемся на это)». Одновременно посол распорядился «освободить кабинеты от хлама, подготовиться к кризисной ситуации, никакой беспечности!» Наши оценки подтверждались информацией, почерпнутой из бесед с людьми, которые не только разбирались в ситуации, но и зачастую формировали ее.

В ходе моих контактов у меня сложилось впечатление, что в «верхах» ГДР верх начинает одерживать паника. Генеральный секретарь МИД республики Альфред Нойман говорил мне 16 января: «Практически все кончено – поезд ушел. Юг [ГДР] по Карл-Маркс-штадт включительно уже воссоединился с ФРГ. В ближайшие две–три недели демонстранты добьются роспуска СЕПГ–ПДС. Забастовок не выдержит никто. Нажим снизу слишком велик. И тогда, собственно, все будет закончено – [еще] до выборов 6 мая. Ошибочный курс на зажим всей внутривнутриполитической жизни начался в 1985–1986 годах; за него теперь приходится расплачиваться. Население настроено очень враждебно по отношению к СЕПГ–ПДС и к СССР. Как только чехи добьются соглашения о выводе [советских] войск, эти же лозунги появятся и в ГДР.

---

²³ *Ibid.* 26. Januar 1990.

²⁴ Имелась в виду западногерманская партия «республиканцев» крайне правого толка.

Войска придется выводить и отсюда. Толпе наплевать на юридические основания – она знает, что если Советская Армия не стреляет в Прибалтике, то в ГДР она точно стрелять не будет. Нельзя Модрова принимать [в Москве] вместе с Гизи – это [была бы] катастрофа. США действительно хотели бы сейчас продлить существование ГДР, но ничего СССР, да и другие три державы против воссоединения сделать не смогут. Тяга к воссоединению легко объяснима: все побывали в Западном Берлине и ФРГ и у всех вопрос: нас держали 28 лет взаперти, чтобы сохранить нашу нищету?»

17 января я встретился с Лотаром де Мезьером, мнение которого сводилось к следующему: «В нынешнем виде правительство не справится [с ситуацией], нужна "коалиция разума" с привлечением всех партий и группировок, претендующих на власть. Именно всех, чтобы прекратились разговоры о выходе из коалиции с СЕПГ–ПДС. ХДС ГДР требует от ХДС ФРГ прекратить [давать] советы, они только мешают. Мысль о совместном выступлении Коля и де Мезьера на предвыборном митинге контрпродуктивна: идея сохранения хоть какой-то особенности ГДР остается сильной. Вопрос в том, кто сумеет объединить рабочий класс (или социальную прослойку, которая так называется). СДП ГДР слаба организационно и персонально. У ХДС есть шансы: надо лишь дать людям простой и популярный лозунг. Например: Die Guten bleiben hier! («Добрые люди остаются здесь!») От СССР требуется огромная осторожность: нельзя заявлять, что Советский Союз поддерживает социализм в ГДР или СЕПГ. Это перенесет всю ненависть народа на СССР. Лучше не принимать Гизи [в Москве] – это будет иметь тот же результат. Ни в коем случае не принимать [сразу] Гизи с Модровым – [это будет означать политическую] гибель Модрова. Содержание советских высказываний [должно сводиться к следующему]: мы за народ ГДР, за его благополучие и благосостояние. Четырехсторонние жесты (типа встречи четырех послов) сейчас вряд ли окажут воздействие. Открытое выступление СССР против воссоединения контрпродуктивно. Положение в правительстве тяжелое; аппарат все время подводит Модрова. Нет уверенности, что доклад по [раскрытию деятельности министерства государственной] безопасности 15 января²⁵ содержит всю правду. Если там есть вранье или умолчание, правительство погибло. С

---

²⁵ Имеется в виду обстоятельный доклад Х.Модрова на заседании Круглого стола 15 января 1990 года, в котором затрагивались вопросы расследования деятельности МГБ.

Шальком²⁶ связано такое, что в случае разглашения это приведет к кровопролитию (наркотики, золото). <...>Круглый стол стал местом болтовни для интеллигентов. Причина захвата [здания] МГБ – доклад на Круглом столе по [Министерству государственной] безопасности. Запад подгонял развитие в ГДР в течение последних недель, а теперь испугался, [призывает:] держитесь!»

17 января у меня состоялась встреча с первым советником посольства Франции в ГДР Ивом Годелем. Француз сказал следующее: «Ситуация в ГДР внушает опасения. Вмешательство из ФРГ переходит все допустимые границы. То, что правительство не пресекает прямую помощь из ФРГ партиям ГДР, свидетельствует о его слабости. Надо бы попытаться как-то лимитировать "помощь" из ФРГ в [тексте] закона о выборах или о партиях. В случае чего можно было бы апеллировать к мировой общественности. К Западу следует апеллировать и по поводу того, что сейчас в ГДР нарушаются законы [противоправными действиями] против коммунистов, что многие из них находятся в заключении без достаточных оснований. Также следовало бы начать кампанию по поводу незаконности требований запретить СЕПГ–ПДС. Разве цель [преобразований состоит] в том, чтобы создать фашистское, а не правовое государство? Не следует спешить с объединением. Следует гарантировать, чтобы из этой затеи не возникло что-то угрожающее миру в Европе. Концепция "европейской конфедерации" Франсуа Миттерана нацелена именно на это. Но надо спешить [с ее реализацией]. Следовало бы подумать об ускорении созыва Хельсинки-2. Продумать и быстро решить вопрос о вступлении ГДР в ЕС: там ее будет труднее проглотить. Сформулировать условия, на которых четыре державы могли бы согласиться на сближение двух немецких государств – пока у них еще есть возможность формулировать такие условия. Встреча четырех министров иностранных дел + ГДР и ФРГ реальна не как "мирная конференция", а как один из аспектов [решения] европейской проблемы. Надо спешить, пока фактор ЗГВ можно использовать в качестве политического средства. Даже если допустить, что воссоединение Германии не приведет к возрождению германского национализма и спорам из-за границ,

---

²⁶ Александр Шальк-Голодковский, с 1966 года руководитель отдела коммерческой координации Министерства внешней торговли, с 1975 года заместитель министра внешней торговли ГДР, полковник госбезопасности, член ЦК СЕПГ, исключен из партии 3 декабря 1989 года, 6 декабря бежал в Западный Берлин, получил политическое убежище в ФРГ. Одна из самых загадочных фигур политической истории ГДР.

объединение немецких государств изменит соотношение сил в Европе. А там, где есть экономическая зависимость, рано или поздно начинается и политическая зависимость».

Большой интерес представляли оценки внутренней ситуации со стороны влиятельного президента консистории Евангелической церкви ГДР Манфреда Штольпе, с которым я встретился 18 января. Он выглядел обеспокоенным, но отнюдь не отчаявшимся. Штольпе сказал: «С начала года перестройка [в ГДР] стала делом рабочих. Предупредительные забастовки [показывают, что] дело плохо. На рабочих аргументы не действуют. [Они просто требуют:] MFS weg, SED weg! ("Долой МГБ, долой СЕПГ!"). Очень скоро может быть: DDR weg! ("Долой ГДР!")»
Надо быстро укреплять авторитет государства: Wir müssen den 6. Mai erleben ("мы должны дожить до 6 мая"). Должна быть обеспечена жизнеспособность ГДР. Партия [СЕПГ] не должна исчезнуть, она должна встать в ряд с другими: Eine der vielen ("одна из многих"). Модров должен править до 6 мая. Круглый стол стал Ersatzparlament'ом ("заменой парламента"). Правительство не должно брать чью-то сторону. Должен быть восстановлен Государственный совет – символ государства. [Его председателем мог бы стать Курт] Мазур²⁷, у него были бы заместители. Церковь направит своих людей [в Государственный совет]. Она просит [министров] ХДС не выходить в отставку, не ставить советские войска [в ГДР] в невозможное положение. Angstmacherei ("нагнетание страха") – это тактика СЕПГ. Церковь решила поддержать Модрова, МИД и МВД. Было бы хорошо, если бы в МВД был кто-то, кто подбодрил бы полицейских. Нельзя допускать Verfall der Staatsmacht ("упадка государственной власти"). Но нет уверенности в Новом форуме. [Председатель конференции руководителей Евангелической церкви епископ Вернер] Ляйх выступит в воскресенье по телевидению [в указанном духе]. "Молчаливое большинство" против расшатывания обстановки, за сохранение порядка».

Правящий бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер (СДПГ), который исполнял в это время обязанности председателя бундесрата (палаты земель, составляющей вместе с бундестагом парламент ФРГ), неожиданно принял участие в моей встрече с шефом сенатской канцелярии Дитером Шредером 22 января. Он высказал следующие оценки: «Ситуация в ГДР не поддается прогнозу. Беспокоят нарастание враж-

---

²⁷ *Всемирно известный дирижер, возглавлявший лейпцигский оркестр Гевандхаус, один из наиболее авторитетных представителей оппозиции в ГДР.*

дебности по отношению к СЕПГ–ПДС, склонность к забастовкам и нагнетание психоза воссоединения, а до выборов еще очень долго. Судьба СЕПГ после выхода Вольфганга Бергхофера решена: рано или поздно партия распадется. Деятельность Грегора Гизи заслуживает уважения, но задача его безнадежна²⁸. Тем большее значение приобретают Ханс Модров и его правительство. СДП играет здесь самую позитивную роль. Советскому Союзу надо поскорее установить связи с социал-демократами ГДР. В принципе можно рассчитывать на то, что до 6 мая удастся дотянуть без особых потрясений, но и риска много. Нельзя исключать состояние хаоса. В этом случае Западный Берлин может помочь силами своей *Bereitschaftspolizei* (что-то вроде нашего ОМОНа. – *И.М.*) в [Восточном] Берлине, Потсдаме, Франкфурте-на-Одере. Затеивать какие-либо четырехсторонние акции не стоит: они вызовут плохую реакцию населения, и три державы все равно не согласятся. Главная опасность – требование немедленного воссоединения. В основе таких настроений лежат экономические мотивы (стремление иметь тот же уровень жизни, что и в ФРГ). Силой здесь ничего не добьешься, четырехсторонними демонстрациями тоже – лишь увеличится отток населения из ГДР (уже сейчас до одной трети рабочих мест пустует). Надо думать, как бороться экономическими же средствами, и здесь напрашивается идея ускоренного принятия ГДР в ЕС. В этом случае лишается остроты вопрос о государственном слиянии [ГДР и ФРГ] и обеспечивается быстрый рост жизненного уровня [в ГДР]. Членство ГДР в ЕС не обязательно означает выход ГДР из Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора. Можно представить себе длительный переходный период, в течение которого мыслимы особые урегулирования (пример Австрии показывает, что включение в политическую и военную систему Запада не обязательно). Будет зеркальное отображение нынешней ситуации: ГДР будет официальным членом ЕС и неофициальным членом СЭВ²⁹. Социал-демократы постараются оттянуть вопрос о [утрате] самостоятельности ГДР до периода после 6 мая, хотя это сложная задача, поскольку ХДС уже развернула грязную атаку под лозунгом: СДПГ=СЕПГ. Но затем надо будет решать. Советское руководство должно точно знать: хотя СМИ ФРГ много болтают про воссо-

---

²⁸ Яркий пример того, как опасны прогнозы в политике: ПДС преодолела кризис и является сейчас второй по влиянию партией (после ХДС) в «новых землях».

²⁹ Благодаря особым отношениям с ФРГ восточногерманская республика пользовалась статусом «неофициального» члена Европейских сообществ.

единение, главная трудность состоит в том, что за него большинство населения ГДР. <...> Обстановка особенно плоха на юге ГДР (Тюрингия); там выступления наиболее радикальны и непримиримы. Гельмут Коль на деле не помогает ГДР. Как его заставить делать это? <...> Подсознательное табу для немцев ФРГ – присутствие американских войск; для немцев ГДР – присутствие советских войск. Об этом не говорят».

В ходе этой беседы я высказал мнение о целесообразности перенесения выборов в ГДР на более раннюю дату, поскольку явно провоцируется взрыв и следовало бы успокоить теряющих терпение людей. Поначалу собеседники отнеслись к моим словам скептически: календарь политических мероприятий в Западном Берлине, ФРГ и ГДР был действительно забит до отказа. Но в конечном итоге они также пришли к выводу, что ждать до 6 мая слишком опасно. Сегодня я не могу с уверенностью сказать, было ли мое вмешательство признаком политической мудрости. Возможно, что оно было лишь следствием отлично использованной Бонном стратегии устрашения...

Ясно было, что для Советского Союза настало время определиться с позицией по германскому вопросу. Главным было пересмотреть неоднократно подтвержденное М.С.Горбачевым абсолютно отрицательное отношение к перспективе ставшего неизбежным сближения ГДР и ФРГ. Это противопоставляло Москву Х.Модрову, уже 17 ноября 1989 года официально выдвинувшему идею «договорного сообщества» германских государств, не исключавшую конфедеративные элементы у такого образования. Между тем Модров оставался наиболее близким Советскому Союзу политиком ГДР. Простая логика требовала, чтобы советское руководство в контексте реалистической оценки развития событий в центре Европы определило на ближайшее и более отдаленное будущее приоритеты своих интересов в сфере обеспечения безопасности страны с учетом всех политических, экономических, военных аспектов ситуации. На этой основе следовало строить отношения с ГДР, которая оставалась нашим союзником, и ФРГ, которая по-прежнему входила в противостоящий блок НАТО. Таким был смысл всех наших предложений, которые посольство в более или менее осторожной форме направляло в Москву в эти критические дни.

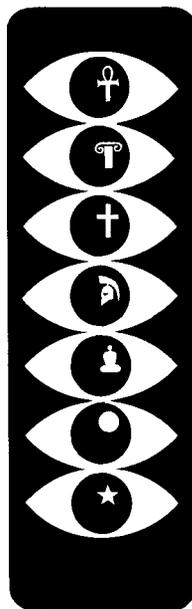
(Продолжение следует)

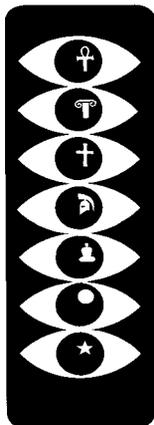
Понимание – не инструмент для открытий, не треножник прорицательницы, и не критерий истинности, но оно позволяет восстанавливать цели и соображения людей.

Поль Вен

**История, бесспорно,
связана с живыми людьми,
а не с оторванными от жизни
идеями.**

Реймон Арон

Марк Лапицкий

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РОССИЯ – США: ДВЕ СТРАНЫ, ДВА МИРА

УДК
94

The author matches two worlds, Russia and USA, against each other and analyzed the history of Russian-American relations which is characterized by recurrent changes of thaws and cooling-downs. In particular, the author deals with opinions of two prominent thinkers and experts in cultural studies of the past, Tocqueville and Keiserling, about possible paths of Russia and USA future development. The time has proved accuracy of these thinkers' many judgments. The author pays a particular attention to the new monograph by V.L.Mal'kov "Russian and USA in the 20th century". Mal'kov considers relations of two countries in close connection with problems of spirituality, of the world perception by Americans and Russians taken as cultural entities with their inherent similarities and dissimilarities. The author pays a great attention to cooperation of two countries during the initial phase of the Great Patriotic War and to role played by Franklin D.Roosevelt in development of this cooperation and, first of all, in establishing diplomatic relations between two countries and in creating anti-Hitler coalition with the USSR participation.

Ключевые слова: картина мира; цивилизация; Токвиль; Кайзерлинг; начало Великой Отечественной войны; Франклин Рузвельт; доктрина «баланса сил»; ленд-лиз; биполярный мир.

Key words: A world picture; a civilisation; Tocqueville; Keiserling; the Great Patriotic War beginning; Franklin D.Roosevelt; the doctrine of «balance of forces»; lend-liz; the bipolar world.

E-mail: mlapitsky@mail.ru

В истории часто противопоставляются два мира – Россия и США. У каждого из них своя формирующая цивилизационная модель со своими механизмами культуuroобразования. Понятие *цивилизации* как особой формы человеческого жизнеустройства в пространстве и времени (при всей относительности этого понятия) предоставляет возможность ориентироваться в сложном и разнообразном мире.

Картина мира того или иного народа неразрывно связана с его национальным характером, его базовыми ценностями. История анализа особенностей национального характера ведет свое начало из глубокой древности, его можно обнаружить еще в трудах Теофраста и Тацита. Эмпирические характеристики того или иного народа содержатся в работах Канта и Гегеля. Специфика такого подхода, обозначаемого термином «национальный характер», была и остается в том, что исследователь выделяет одну или несколько черт, выражающих специфику «духа» данного народа. Такой анализ может быть более или менее достоверным.

Картина мира складывается из многих параметров. Она обусловлена цивилизационной действительностью, которая, согласно концепции отечественных исследователей В.Г.Хороса и Е.Б.Рашковского, «во многих отношениях определяется цепочками по-разному действующих внутри этой действительности (и более того – во многом образующих эту действительность) оппозиций»¹. Эти оппозиции многочисленны, в каждой из цивилизаций по-разному выстроены, и иерархия их тоже неодинакова. Исследователи приводят некоторые из таких смысловых цепочек: человек – религия, человек – время, человек – пространство, общество – индивид, труд – досуг, власть – подданство, право – бесправие, центр – периферия и т.д. Такие смысловые цепочки в наибольшей степени отражают картину мира, которая характерна и для России, и для Соединенных Штатов. Одним из важнейших аспектов данной проблемы, без сомнения, является вопрос о роли языка в процессе формирования картины мира индивидуумов и социальных общностей, вплоть до форм национального сознания народа в целом.

Еще Арнольд Тойнби, выдающийся английский историк и культуролог, отмечал, что за каждой из цивилизаций, существующих в со-

---

¹ См.: Рашковский Е. Цивилизационная теория: познание истории – познание современности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. №8. С.78.

временном мире, лежит огромное этнокультурное, лингвистическое, религиозное, социально-экономическое, технологическое и иное основание и облик каждой из цивилизаций складывается в результате сложнейших пространственно-временных процессов ассимиляций, синтезов и т.д. Любая цивилизационная действительность (особенно наше время, отмеченное всемерной глобализацией) пронизана сквозными, трансцивилизационными процессами². Существует множество определений цивилизаций, возможно, наиболее лаконичное из определений цивилизации как условного понятия – способ общения³. Е.Б.Рашковский предлагает более пространное, но, с нашей точки зрения, точное определение: «...Понятие цивилизации означает – в конечном счете – самый общий, внутренне подвижный и вариативный проект (или полуосознанную стратегию) человеческого жизнеустройства»⁴. Проект этот сориентирован во времени и пространстве на «среднего» человека.

Культура (в данном случае мы ставим знак равенства между терминами «культура» и «цивилизация») любого народа – слагаемое самых разнообразных факторов: исторических, социокультурных, психологических, экономических, политических, многих иных. Люди вырастают и воспитываются в обществе, руководствуясь его здравым смыслом (как показывают исследования, понятие «здравый смысл» может оказаться далеко не однозначным в разных странах), и культурно запрограммированный мозг индивида обычно не принимает то, что противоречит принятому в данном обществе. Культура, предоставляя готовые решения проблем, устанавливает модели взаимоотношений и пути сохранения единства нации, группы, организации и т.д.

О том, что возможное мировое лидерство в будущем принадлежит двум странам, или, как некоторые их называли, «цивилизациям» – Соединенным Штатам и России, – писали прозорливые умы еще задолго до того, как за этими державами закрепился эпитет «великие». Начнем издалека и в связи с этим поначалу обратимся к двум выдающимся философам и культурологам прошлого – Токвилю и Кайзерлингу.

---

² Там же. С.82.

³ Рейснер Л.И. *Цивилизация и способ общения*. М., 1993.

⁴ Рашковский Е.Б. *Указ. соч.* С.84.

**Токвиль: будущее
за русскими
и американцами**

Имя французского исследователя первой половины XIX в. Алексиса де Токвиля (1805–1859) навсегда связано с США. Двухтомная «Демократия в Америке», написанная

блестящим и к тому же легким пером истинного француза, стала настольной книгой многих поколений людей, изучающих или увлекающихся проблемами Соединенных Штатов. Привлекает она, впрочем, не только тех, кого занимает Америка, – книга «берет» гораздо глубже, ее квинтэссенцию составляют философские выводы, относящиеся к цивилизации в целом.

В постперестроечный период имя Токвиля мелькает все чаще и чаще на страницах нашей печати, на него ссылаются, как на авторитет. Между тем в течение многих десятилетий (по существу весь советский период нашей отечественной истории)⁵ российский читатель не имел возможности познакомиться с трудами выдающегося мыслителя, не издававшимися все это время в нашей стране. Причины, лежащие в основе такого отношения к нему, возможно, станут понятными из данной статьи.

Алексис де Токвиль

Здесь лишь заметим, что краткие сведения о Токвиле содержатся во многих энциклопедических словарях мира, в том числе и отечественных. Последние, впрочем, до сравнительно недавнего времени упрекали Токвиля во многих смертных грехах, в том числе в антидемократизме, что выглядит совсем уж абсурдно, ибо Токвиль стал если не апостолом, то, по крайней мере, теоретиком и толкователем демократии.

Ярлык «антидемократ», наклеенный на него, ярко отражал отношение нашего государства к американской демократии, многие черты которой восхищали Токвиля и которую он блестяще исследовал в своей книге. Ведь слова «американская демократия» долгое время употреблялись у нас с неизменными эпитетами типа «мнимая», «ложная», «псевдо», «квази» и т.д., в то время как советская объявлялась «истинной» и «подлинной».

⁵ *Справедливости ради отметим, что в 1918 году была переиздана работа Токвиля «Старый порядок и революция».*

Тем, кто изучал или интересовался наследием французского мыслителя, тема «Токвиль, США и Россия» может показаться несколько странной. В России он никогда не был, специально о ней не писал ни книг, ни статей, даже упоминаний о ней не так уж много в «Демократии в Америке» и «Воспоминаниях», а в «Старом порядке и революции» и вовсе их нет. Джордж Кеннан, знаток Америки и России, дипломат, посол США в СССР в 50-х годах, профессор Принстонского университета, так и утверждает: в работах Токвиля «почти нет свидетельств о его особом интересе к России, так же, как нет их, по моему представлению, и в его переписке»⁶.

Так, собственно, о чем писать, если тема как таковая не просматривается? Попытаемся все же наметить некоторые штрихи к этой теме, которая, по нашему мнению, не только существует, но и представляет далеко не только умозрительный интерес. Некоторые наши отечественные авторы обращали внимание на влияние идей Токвиля на российскую общественную мысль, однако вопрос, связанный со взглядами Токвиля на современную ему и будущую Россию, остается открытым⁷.

Нередко некоторые исследователи творчества Токвиля пишут о нем как о некоем прорицателе, предсказавшем, прежде всего в книге «Демократия в Америке», многое из того, что стало впоследствии реальной действительностью. В этих утверждениях есть немалая доля истины, хотя предсказания Токвиля и не сродни пророчествам, скажем, Нострадамуса. Действительно, нельзя не поразиться некоторым «футурологическим» достоинствам его мысли, тем более, что прошло уже достаточно времени, чтобы оценить результаты его прогнозов. В основе предсказаний Токвиля лежит отнюдь не «ясновидение», это итог вдумчивого анализа, не исключаящего, разумеется, и свойственной ему интуиции. Так, в числе сбывшихся предсказаний Токвиля можно назвать и войну Соединенных Штатов с Мексикой, и неизбежное обострение конфликта между Севером и Югом в США, и приблизительно верные оценки роста населения этой страны, и т.д. Во времена Токвиля такая точка зрения на будущее Америки была далеко не столь очевидной, какой она может показаться нашему современнику.

Его редкий пророческий дар позволил осознать важность расширения границ Америки, и Токвиль увидел в этом средство, препятствующее

---

⁶ Kennan G. *The Marquis de Custine and His Russia in 1839*. Princeton, 1974. P.20.

⁷ См., например: Вебер Б. *Историографические проблемы*. М., 1974; Старцев А.И. *Пушкин о США в «Джоне Теннере» // Вопросы истории*. 1984. №11. С.39–48; и др.

шее ограничению инициативы, то есть именно тому, что порождало недовольство в Старом Свете. Следует напомнить, что Чаадаев (да и не только он) считал, что развитию России во многом препятствует ее огромная территория. Опыт американской истории оказался примером иного рода. И если, как писал Н.Бердяев, «русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами... утопает и растворяется в этой необъятности», то американская душа раскрепощается от простора, получает стимул проявления инициативы и предпринимательства. Американец жаждет овладеть этим пространством и организовывать его»⁸.

Тонкий анализ американского хозяйственного развития привел Токвиля и к другим блестящим выводам, один из которых можно сформулировать так: с возрастанием богатства страны мелкие ремесленники постепенно вытесняются крупной промышленностью. При всей кажущейся очевидности этого предвидения в наши дни во времена Токвиля последствия роста промышленности, основанного на разделении труда, далеко еще не были ясны.

Проверку временем выдержали и предсказания французского мыслителя, непосредственно относящиеся к России. Содержатся они на последней странице первого тома «Демократии в Америке». Аккордные последние абзацы книги посвящены США и России, причем обе страны поставлены здесь рядом. Токвиль начинает этот фрагмент такими словами: «В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к одной цели. Это – русские и англоамериканцы»⁹.

Вряд ли исследователь начала 30-х годов позапрошлого столетия, наделенный известной интуицией, «сделал бы ставку» на эти народы. При всем уже зримом «старении» Европы Англия по-прежнему оставалась самой могущественной мировой державой, весьма высоко оценивались и возможности Франции, Германии, империи Габсбургов. «Оба эти народа, – продолжает Токвиль, – появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе».

Токвиль подметил в России пугающую дисгармонию между «внешним положением» раскинувшейся на необъятном пространстве империи

---

⁸ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С.59.

⁹ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С.296.

и ее внутренним варварским состоянием. Для него, человека романо-германской Европы, с хорошо отлаженными уже к тому времени нормами порядка и общежития, воочию наблюдавшего и исследовавшего «демократию в действии» в Новом Свете, Россия была воплощением деспотизма и самодержавия, веры в неизменность дедовских преданий, в привычку бездумного, беспрекословного подчинения монарху. Об этом он позднее напишет в своих «Воспоминаниях».

Размышления Токвиля близки мыслям В.О.Ключевского. «Неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа» русский историк считал роковым для России. «Едва ли, – замечал он, – в истории какой-либо другой страны влияние международного положения государства на его внутренний строй было более могущественно»¹⁰.

Токвиль не называл ту цель, к которой движутся русские и американцы, однако утверждал, что достигнут они ее различными путями: «Американцы преодолевают природные препятствия, русские сражаются с людьми. Первые противостоят пустыне и варварству, вторые – хорошо вооруженным развитым народам. Американцы одерживают победы с помощью плуга земледельца, а русские – солдатским штыком».

И все же, по мысли Токвиля, идут они к одному и тому же, несмотря на существование демократии в Америке и деспотизма в России, несмотря на то, что «в Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека. Что касается России, то можно сказать, – продолжает Токвиль, – что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека. В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России – рабство»¹¹.

Этот довольно значительный фрагмент, посвященный будущему России и Америки, Токвиль заканчивает следующей фразой, венчающей первый том: «У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира».

Предсказание Токвиля в те времена подхватывали другие, и оно в ином изложении подчас теряло свой первоначальный смысл. Вот как, например, его мысли преломились в интерпретации известного французского государственного деятеля и историка А.Тьера (1847): «Европа состарилась, Европа ни к чему большому уже не способна, остались в

---

¹⁰ Ключевский В.О. *Собрание сочинений в 9 томах. М., 1988. Т.3. С.12.*

¹¹ Токвиль А. *Указ. соч. С.296.*

мире только два молодых, энергичных, истинно великих народа: русские и американцы. Они рано или поздно вступят между собой в жестокую борьбу, об ужасах которой ничто не может дать и представления»¹².

В редакции Тьера мысль Токвиля приобретает зловещий характер. Между тем автор «Демократии в Америке» не предрекает войны между Россией и США, так же как не пророчит в будущем завоевание мира Россией в отличие от Наполеона, который считал, что стоит на русском престоле появиться сильному воинственному монарху, как мир будет у его ног. Мысли Токвиля гораздо глубже и тоньше, нежели вариации на ту же тему Тьера. Они не потускнели и с распадом Советского Союза, на котором, думается, история великой державы не закончилась.

Точность многих суждений Токвиля, в частности, выявляющих неразрывную связь революций с деловыми качествами того или иного народа, доказала история, в том числе (а может быть, и особенно) России. Глубокое изучение причин революций в различных странах неизбежно приводит исследователей к выводам, некогда сделанным выдающимся французским мыслителем. И тогда явственнее ощущается переключка мыслей политологов различных стран и поколений.

Октябрьская революция 1917 года – яркий пример жизненности концепций Токвиля, как, впрочем, и историческое развитие Соединенных Штатов, оказавшихся избавленными от революций на протяжении достаточно длительного времени. Америка, по крайней мере, до настоящего момента, ярко доказывает правоту слов французского мыслителя о том, что «демократические народы... в революции вовлекаются лишь безотчетно и, изредка участвуя в них, никогда не выступают их инициаторами... Когда же им удастся стать просвещенными и приобрести исторический опыт, они не допускают совершения революций»¹³.

В течение многих лет Токвиль оставался в нашем восприятии глубоким, пронизательным, тонким мыслителем, но все же далеким, отстраненным от насущных проблем нашего отечества. В последние годы он как бы приблизился к нам. Это и понятно, ибо в его работах нетрудно обнаружить до боли близкие нам, сегодняшним, идеи, прежде всего имеющие непосредственное отношение к странам, вступающим или только вступающим на путь демократии; идеи, открывающие новому обществу нравственные принципы, с помощью которых можно перестроить, просветить и обновить старый мир.

---

¹² См.: Алданов М. Из записной тетради // Независимая газета. 1992. 29 сентября.

¹³ Токвиль А. Указ. соч. С.462.

**Кайзерлинг: США – Россия:
общее – различное**

В том же направлении рассуждал о США и России немецкий граф Германн фон Кайзерлинг (1880–1946), о котором незаслуженно мало известно в нашей стране. Основные его

труды – а их немало – на русский язык не переведены, да и о нем самом мало что можно прочесть на русском языке, да, впрочем, и на английском тоже. Вместе с тем глубокий и оригинальный ум Кайзерлинга по достоинству оценили такие выдающиеся мыслители, как Эрнст Трельч, Георг Зиммель, Альфред Вебер, Карл Ясперс, Карл Юнг, Томас Манн, Николай Бердяев, Рабиндранат Тагор и многие другие.

Имя Кайзерлингов известно с давних времен как преуспевающих и деятельных людей на русской службе. В связи с этим можно упомянуть рейсграфа Германна Карла Кайзерлинга, состоявшего русским посланником при германских и русских дворах, а также бывшего президентом Петербургской академии наук.

В 1930 году увидела свет работа Кайзерлинга «Америка. Заря Нового мира»¹⁴, которую автор противопоставляет европейскому «упадку». (Наряду с Освальдом Шпенглером¹⁵, Альбертом Швейцером¹⁶ и некоторыми другими мыслителями, Кайзерлинг одним из первых заявил о кризисе европейской цивилизации.)

Излюбленная мысль Кайзерлинга, ставшая лейтмотивом всей книги: Америка принадлежит новому миру, скорее близкому «духу» России или Китая, чем «духу» Европы. Для него, как и для Шпенглера, «закат Европы» не за горами. Старый Свет исчерпал себя. Если Европа как таковая (особенно Англия) – антипод Америки, то Россия в известном смысле если и не ее аналог, то уж во всяком случае (абстрагируясь от большевистской диктатуры) нечто близкое к нему. Если же говорить о будущем человечества, то Кайзерлинг видит его за двумя странами: Америкой и Россией; именно эти страны должны в мире занять лидирующие позиции. Причину такого сходства немецкий культурфилософ видит в том, что и та и другая страна как бы «начинают свою историческую жизнь на новом бытийном уровне» (С.164).

---

¹⁴ Кайзерлинг Г., фон. Америка. Заря Нового мира. СПб., 2002. – Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

¹⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993–1998. Т.1–2.

¹⁶ Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика. М., 2002.

О России в книге написано много. «Кайзерлинг и Россия» и «Америка и Россия в интерпретации Кайзерлинга» – темы особые, требующие специального рассмотрения. Оставим их другим. Здесь же ограничимся несколькими замечаниями. Обе страны импонируют Кайзерлингу по ряду причин, и не в последнюю очередь тем, что у народов, населяющих Америку и Россию, еще жива традиционная культура, а это явный признак их «духовности» (С.165).

Близость двух стран Кайзерлинг усматривает и в глубокой вере этих народов в то, что все в этом мире можно изменить и улучшить извне, что все решает окружающая среда. Для примера он приводит рекламу, смысл которой примерно такой. Муж и жена возвращаются домой с вечеринки. «Ты была поистине великолепна, – говорит он, – так остроумна, так умна, каждая твоя мысль была оригинальна». – «Но ты можешь быть оригинальным, дорогой, – отвечает она, – просто купи себе книжку за два доллара – название выпало у меня из памяти, – она содержит столько оригинальных мыслей, сколько тебе может понадобиться...» (С.167). И далее Кайзерлинг указывает на то, что в этом большевистская Россия похожа на Америку: «... каждый большевик согласен с тем, что тип, в который развивается человек, зависит исключительно от внешней среды» (С.167). В этом Кайзерлинг видит причину того, что в обеих странах особое значение придается воспитанию. Но для нашей страны в этом отношении была и другая сторона медали, о которой немецкий мыслитель не пишет: гонения в нашей стране на генетиков, сторонников Фрейда и т.д., на всех тех, кто особое внимание уделял не внешнему, а внутреннему фактору, психологии, биологической природе человека. Впрочем, ко времени написания книги все это только начиналось.

В другом месте книги Кайзерлинг усматривает сходство между американцами и большевиками (он пишет именно о большевиках, имея в виду народ при советском режиме) в том, что и те, и другие представляют собой «унифицированные типы» людей, и в том, что равенство не является для них «внутренним принципом», а в значительной степени носит поверхностный характер (С.363).

Американский и большевистский «дух», с точки зрения Кайзерлинга, имеет много общего, разница лишь в том, что в Америке этот дух изъясняется на языке благосостояния, а в России на языке бедности. «В ближайшем столетии большевизм и американизм будут уравнивать друг друга, как католицизм и протестантизм в эпоху религиозных войн» (С.253), – пишет Кайзерлинг, абсолютно уверенный в существовании

большевизма «в будущем столетии». Компромисс между первыми, полагает философ, так же невозможен, как был он невозможен между последними. Кайзерлинг убежден, что Россия охотно «воспроизвела бы американские условия», и в подтверждение своего вывода приводит слова из плаката, который он увидел где-то на территории Советской страны: «Возьмем американскую организацию, наполним ее страстным духом России – и тогда на земле осуществится Царство Небесное» (С.253). Не будем останавливаться на этом явно далеком от реальности положении о близости «духа» обеих стран. Желание «выстроить» организацию труда по американскому образцу в Советской России еще не значило проникнуться «духом» Америки. Да и по части организации труда обе страны скорее представляли собой (и во многом продолжают представлять) полярные противоположности. «Дух» деловитости вряд ли когда-нибудь был нашей сильной стороной.

Парадоксальны и весьма спорны (мягко говоря) и суждения Кайзерлинга в отношении религиозной близости Америки и России. «Европа падает в обморок от благоговения перед русской религиозностью и ждет от нее спасения мира», – пишет он (С.462). По его мнению, европейцы должны так же благоговейно взирать и на Америку с ее своеобразной духовностью. С европейской точки зрения, русская духовность производит сильное впечатление, ибо она, как пишет Кайзерлинг, «соседствует с варварской натурой; русский не знает никакой промежуточной стадии между дикой природой и чистым духом» (С.463).

Немецкому культурфилософу импонирует это «варварство», которым он наделяет и американцев, чья духовность столь же впечатляюща, «ибо она соседствует с грубым материализмом, который является не менее варварским, поскольку в его случае мы также имеем дело с природой, хотя и механизированной, а не дикой» (С.463). Как и в большевистской России, в Соединенных Штатах нет «промежуточной стадии между материализмом и духовностью». И несколько ниже: «Америка – единственная до самых своих глубин христианская страна, поскольку у нее нет никакого языческого наследства» (С.463). Похоже, здесь и почвы нет для полемики, ибо между религиозностью обеих стран «дистанция огромного размера», в основе которой лежат, прежде всего, известные различия между православием и протестантизмом кальвинистского направления (последнему, кстати, Кайзерлинг посвящает немало интересных страниц).

В книге так или иначе затрагиваются проблемы, связанные с особенностями деловой культуры Соединенных Штатов. И в связи с этим Кай-

зерлинг нередко обращается к специфике протестантизма на американской почве, который он называет «американским кальвинизмом». Кайзерлинг характеризует протестантизм как направление, которое смогло занять господствующие позиции в религиозной жизни США благодаря тому, что в нем воедино слились три различных «духа», характерные для первопоселенцев: дух пионера, дух пуританина и дух предпринимателя (С.100). Не будет большим преувеличением сказать, что «дух» этот был чужд (во всяком случае, во времена Кайзерлинга) русскому человеку. Правда, он высказывает некоторое сомнение по поводу наших деловых качеств, и это в его устах звучит как явная похвала в адрес русских: «Русские не бьются изо всех сил, как американцы, чтобы разбогатеть»; для них материальное не имеет столь большого значения, как для меркантильных американцев (С.254).

Кайзерлинг убежден, что Америку характеризует групповое сознание. Время истинных личностей, индивидуальностей отцов-пилигримов давно отошло в прошлое. Он уверен, что коллективистский дух американцев роднит их с русскими. «Коллективный человек», идеал коммунистической партии, человек, представляющий собой не что иное, как социальный орган, отличается от человека социального в США «лишь в той степени, в какой кажутся различными выражения одной и той же идеи на разных языках». Как только человек достигает культурной зрелости, доминирующим в нем становится чувство различия. «Действительно, – продолжает Кайзерлинг, – невозможно даже представить себе какое бы то ни было культурное состояние, основывающееся на равенстве: когда в наличии есть лишь одинаковые инструменты или когда все играют одну и ту же мелодию, то музыка более высокого рода просто невозможна» (С.136). Для Кайзерлинга «уход» в коллективизм – явление крайне негативное, оно свидетельствует ни больше ни меньше, как о примитивизме. Об этом же говорит и ряд других качеств американцев, разбираемых автором в главе «Примитивность»: количественный критерий оценок, являющийся «критерием дикаря»; своеобразие американского «игрового инстинкта»¹⁷, огромное значение, которое придается

---

¹⁷ «Игровой» характер американцев в интерпретации Кайзерлинга имеет негативный оттенок. Через восемь лет после выхода в свет книги «Америка» выдающийся голландский историк Йохан Хейзинга выпускает свой известный труд «*Homo ludens*» – «Человек играющий» (1938), в котором убедительно показывает, что игра наполнена глубоким смыслом. «Всякая игра что-то значит. Назвать активное начало, которое придает игре ее сущность, духом – было бы слишком, назвать же его инстинктом – было бы пустым

таким понятиям, как удача и неудача; удивительная непоследовательность и переменчивость американского общественного мнения; примитивность прессы и т.д.

Кайзерлинг считает американцев людьми широкими и масштабными, похожими на русских. Тот способ, каким средний американский бизнесмен зарабатывает и тратит свои деньги; то, что он всегда признает лишь кратчайший путь к той или иной цели, которой он добивается, и при этом исключает все иные, незначительные; его умение работать с другими людьми, несмотря на все различия и даже противоположности; его ежесекундная готовность идти вперед и рвать со своим прошлым, которое, возможно, не понадобится в будущем, – эти и многие другие качества, по мнению Кайзерлинга, изначально характеризуют масштабность американцев (С.80).

Россия – США: современное прочтение проблем

Подписание в апреле 2010 года российско-американского соглашения о сокращении стратегических наступательных вооружений не только увенчало значительный период интенсивных переговоров о «перезагрузке». Итог переговорного марафона – образец взаимоприемлемого компромисса и в военной, и в политической сфере. Каждая из сторон может с полным правом говорить о своем успехе, не противореча при этом аналогичным заявлениям партнера. Будем надеяться, что это подписание стало последним в истории договоров по модели «холодной» войны. Подписание соглашения между Россией и США в Праге – событие, весьма знаменательное само по себе, но особую значимость ему придает и тот факт, что произошло оно в юбилейном для нашей страны году: 65 лет назад Советский Союз одержал великую Победу в страшной войне «горячей», в которой обе страны были союзниками.

В отечественной историографии российско-американских отношений сравнительно недавно завершившегося столетия, в котором США и Россия (Советский Союз) играли особую роль пока еще в «двуполярном» мире, образовалась незаполненная ниша. Она выражается в отсутствии крупных обобщающих трудов, выполненных с учетом современ-

---

звук. Как бы мы его ни рассматривали, в любом случае эта целенаправленность игры являет на свет некую нематериальную стихию, включенную в самое сущность игры» (Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997. С.21).

ных подходов, методов, накопленных новых архивных источников и отвечающих запросам нового читателя и нового поколения исследователей. Сказалась, прежде всего, неустойчивость научных критериев и, как следствие, оценочных суждений вследствие болезни «двоемыслия», воскрешающей постулат из антиутопии Оруэлла: «Жизнь превращалась в расколотое существование: то одна правда, то другая... и постепенно у людей развилось чувство опасности от смешивания одной с другой и определенная способность переключаться туда и обратно».

Картина мира, которую представляет каждая из двух стран – Россия и США, в значительной мере предопределяет отношения между ними. «Сегодня уже нельзя изображать международную политику новейшего времени и как часть ее – отношения между Россией и США – вне цивилизационного контекста в масштабе всемирности с присущими ей переходами и поворотами, сменой поколений, их неоднозначного вклада в реальную "связанность или разъединенность" двух народов»¹⁸. В нашей литературе различным аспектам этой многогранной проблемы (особенности национального самосознания, культурные традиции, поведенческие стереотипы, модели и механизмы функционирования межкультурного общения и т.д.) уделяется все больше внимания¹⁹. В начале XXI века возник даже новый метод исследования, характеризуемый его авторами (вернее, его родоначальником в отечественной историографии А.Эткиндром) как «новый историзм»: соединение интеллектуальной истории и «интертекстуального анализа в путешествиях сквозь тексты, жанры и эпохи»²⁰. И все же, несмотря на явные успехи в этом направле-

---

¹⁸ Мальков В.Л. *Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте*. М., 2009. С.9.

¹⁹ См.: Иванян Э.А. *Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей*. М., 2007; Крашенинникова В. *Америка – Россия: холодная война культур*. М., 2007; Леонтович О.А. *Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения*. М., 2005; Павловская А.В. *Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850–1880 годы*. М., 1998; *Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность / Под ред. Е.И.Пивовара*. М., 2007; Эткинд А. *Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах*. М., 2001; и др.

²⁰ См.: Эткинд А. *Указ. соч. С.417–471*; «Новый историзм» в США возник несколько раньше – в 90-х годах XX в. (См., например: *The New Historicism Reader / Ed. A.Veeser*. N.Y., 1994).

нии, следует констатировать, что фактически пространство неисследованных тем сужается довольно медленно.

Две страны – Россия и США – никогда не были в состоянии войны друг с другом; учитывая прошлое человечества, факт уникальный в отношениях между двумя великими державами. История хранит в памяти немало моментов близости между двумя странами:

- поддержка самодержавной Россией американских сепаратистов во время Войны за независимость;
- продажа Америке значительной части российской территории в 1867 году;
- присутствие российского флота в знак поддержки Севера во время Гражданской войны в Америке;
- готовность вмешательства американских войск на стороне белых против большевиков в период гражданской войны в Советской России;
- боевой союз в годы Второй мировой войны,
- периоды сближения между двумя странами во второй половине XX века.

Вместе с тем взаимоотношения обеих стран на протяжении многих десятилетий характеризуются периодами не только сближений, но и отторжений.

Особому алгоритму в отношениях между двумя странами в век революций, мировых войн и ядерного противостояния посвящен недавно вышедший в нашей стране солидный труд известного российского историка В.Л.Малькова «Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте». В своей монографии автор выявляет целый ряд важных факторов, определивших внешнеполитическое поведение обеих стран в рамках их двусторонних отношений и в мировых делах с конца XIX вплоть до конца XX века. Причем весь этот широкий комплекс вопросов рассматривается в тесной связи с проблемами духовности, мироощущения американцев и русских как культурных общностей с присущими им сходством и различием. Работа раскрывает внутренние факторы социокультурного и историко-психологического характера, влияющие на формирование того, что принято называть константами поведения обеих стран на мировой арене, и сказавшиеся на эволюции их межгосударственных и дипломатических отношений. Хронологически книга охватывает период более чем вековой протяженности – с момента выхода Соединенных Штатов на мировую арену в качестве ведущей державы (и парал-

тельно – утраты этого статуса Россией вследствие кризиса и краха самодержавия) и вплоть до «постперестроечного» раунда в отношениях двух стран в условиях умножения глобальных рисков мирового развития на рубеже XX–XXI веков.

Работа в значительной степени написана на базе новейших исследований и документальных публикаций. Речь в монографии, прежде всего, идет о социокультурном факторе: различиях в восприятии образов «чужого» конкурента (соперника, даже «врага») в национальном сознании и исторической памяти «низов» и «верхов» – как в одной, так и в другой стране. Каждый важный период пройденного пути, отмеченный в истории двусторонних дипломатических отношений какой-либо новой гранью – от «дружественных» объятий времен Гражданской войны в США до совместных усилий по преодолению наследия «холодной» войны (далеко не всегда последовательных и успешных) – исследован В.Л.Мальковым в лучших традициях академизма с опорой на научные методы.

Основополагающим принципом для автора книги, как нам представляется, является признание непреходящего значения постоянства многих черт российской и американской истории. «Преломляясь в общественных настроениях и внешнеполитической деятельности верхов, – читаем во введении, – эти константы приобретают форму сквозных линий, которые наряду с экономическим и геополитическим интересами управляют исторической преемственностью во внешнеполитической практике и дипломатии»²¹.

Автор отдает себе отчет в чрезвычайной сложности исторической реконструкции общественных настроений в связи с внешнеполитической проблематикой и, конкретно, с таким ее специфическим сегментом, как отношения между Россией и США на протяжении жизни многих поколений. В оценке этого изменчивого явления существует опасность (некоторые исследователи так и не смогли ее избежать) впасть в произвол, оказаться в плену политической конъюнктуры, пристрастной и избирательной по определению. Между тем, как показывает В.Л.Мальков, национальная мысль развивается не однолинейно, а по различным направлениям, расслаиваясь на подсистемы. В монографии отражены оттенки мировидения, самоосмысления, изменение состава морально-нравственных идей и критериев, усиление или ослабление религиозно-конфессионального влияния, вовлечение новых социальных

²¹ Мальков В.Л. *Россия и США в XX веке*. С.10.

слоев и этнических групп в процесс национальной духовной жизни. К тому же эти многочисленные течения дробятся, иной раз по признаку противоположности. Однако, как справедливо указывает автор, существует коллективная идентичность, чувство принадлежности к целому, которые имеют обыкновение проявлять себя в трудные, «поворотные» моменты истории²².

Актуальность замысла, осуществленного автором монографии, заключается в том, что работа отвечает потребности к преодолению зауженного взгляда на проблему, характерного для политизированного нарратива, в рамках которого преимущественно развивались исследования по истории российско(советско)-американских отношений в XX веке. В целом их значение ни в коем случае не может быть преуменьшено, – автор опирается на достижения отечественной историографии, подчеркивая во многих случаях их приоритет в мировом историческом знании. Вместе с тем в исследовании В.Л.Малькова использованы возможности так называемого кросс-культурного анализа в сочетании с другими познавательными средствами различных смежных дисциплин (социальной психологии, конфликтологии, истории ментальности и др.), дающих ключ к пониманию сложных двусторонних отношений.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет первая глава монографии: «Переход к индустриализму: от "сердечного согласия" к конфронтационности», в которой поэтапно, шаг за шагом прослеживаются русско-американские отношения с конца XIX века до 1917 года. Автор приводит многочисленные примеры, повлиявшие в то время на формирование образа США в общественном сознании России. В связи с этим справедливо указывается на огромную роль дальневосточного фактора. Ведь и до и после окончания русско-японской войны центральной «болевым точкой» российско-американских отношений оставался «китайский вопрос», отразивший всю меру противоречий, которые накопились между двумя странами в связи с их выходом на азиатский рынок и на тихоокеанское пространство. Именно в этом регионе происходило столкновение геополитических интересов обеих стран, обвинявших друг друга в имперских амбициях. В Соединенных Штатах во многом в связи с этим клубком проблем формировались взгляды,

---

²² Там же. С.10–11. См. также: *История ментальностей, историческая антропология* / Сост. Е.М.Михина. М., 1996.

ставшие впоследствии основой имперского мышления (Джон Фиск, Брукс Адамс, Альфред Мэхэн и др.)²³.

В начале XX века Россия не замедлила отреагировать на стремительное «выдвижение» Соединенных Штатов в мировые лидеры. Как подчеркивается в монографии, главными проводниками нового, реалистического взгляда на происходящие перемены в мире в контексте региональных и международных отношений, ориентированных на длительную перспективу, были российские дипломаты. «Общий вывод из их анализа был неутешителен, – подводит итог В.Л.Мальков, – российско-американские отношения имеют тенденцию к осложнениям и по причине неурегулированности правовой базы, и по причине специфической заинтересованности обеих стран в расширении своего присутствия в этом (тихоокеанском. – М.Л.) стратегически важном регионе»²⁴.

Исследователь прослеживает этапы борьбы советской дипломатии за прорыв блокады Советской России, за ее признание Соединенными Штатами, состоявшееся лишь в 1933 году. «Сложное и не лишённое византийских ухищрений маневрирование Ленина и Чичерина, – пишет В.Л.Мальков, – показало еще раз, что они оба вполне усвоили стиль успешного периода российской дипломатии после поражения в Крымской войне. Россия вновь "сосредоточивалась", не упуская возможности предпринимать акции, создающие впечатление возвращающей себе силу и уверенность страны»²⁵.

Экспериментальный характер общественных преобразований, проводимых в директивном порядке в Советском Союзе сталинским руководством, и социальные реформы Рузвельта в рамках реформ «нового курса» ставили обе страны в положение конкурентов, соревнующихся за первенство в деле ускорения модернизации, перестройки социально-экономических и государственных институтов. «Сходство (может быть, весьма отдаленное) декларируемых целей – избавиться от пороков старого порядка и преодолеть зависимость маленького человека, рядовых граждан от слепой игры экономических сил – вызывало взаимный интерес, желание лучше понять друг друга»²⁶. Установление диплома-

²³ См. подробно: Баталов Э.Я. *Мировое развитие и мировой порядок: Анализ современных американских концепций*. М., 2005; Мальков В.Л. *Путь к имперству: Америка в первой половине XX века*. М., 2004. С.15–69.

²⁴ Мальков В.Л. *Россия и США в XX веке*. С.100.

²⁵ Там же. С.168.

²⁶ Там же. С.172.

тических отношений между двумя странами привело и к усилению их разносторонних культурных связей²⁷. Немалую роль в сближении двух стран играл Франклин Рузвельт. «Нам надо считаться с фактом, что судьба наших отношений с США в известной степени связана с судьбой самого Рузвельта»²⁸, – писал советский посол в США Александр Трояновский.

Остановимся на роли личности Рузвельта в начальный период Великой Отечественной войны. Тем более, что для этого имеются два формальных, хотя и неравнозначных, но весьма значительных повода: в этом году исполнилось 65 лет со дня Великой Победы нашего народа над германским фашизмом; столько же лет прошло и со времени кончины главы Белого Дома.

Политика Франклина Рузвельта на фоне войны

Не следует забывать, что реальную политику осуществляют реальные люди. Курс Вашингтона в отношении Советского Союза в годы войны во многом определяла яркая, неординарная личность Франклина Рузвельта. Несомненно, курс американского президента (при всей его непоследовательности), направленный на сплочение антигитлеровской коалиции и предоставление помощи СССР, преследовал ярко выраженные политические цели; для подкрепления наиболее фундаментальных среди них он использовал все доступные ему средства – военные, организационные, дипломатические, пропагандистские. Он был *практическим* политиком, а это означало, что он решал непосредственные задачи смело или осторожно, нередко на ощупь определяя правильность выбранного метода или средства. Прагматик и импровизатор, в калейдоскопе военного времени он, конечно, целиком ориентировался на интересы своей страны и Запада. И все же он умел увязывать решения военного времени с долговременной стратегией безопасности, причем в самом широком контексте. В этом смысле политика Соединенных Штатов, в частности, их курс в отношении Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, яркое тому подтверждение.

Хронологически короткий период между июнем и декабрем 1941 года занимает тем не менее особое место в жизни нашей страны. Пред-

---

²⁷ Иванян Э.А. Указ. соч. С.201–244.

²⁸ См.: Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. С.176.

ставляет он и важную главу в истории советско-американских отношений. Хронологические рамки обозначенного выше периода обусловлены двумя крупными событиями этого времени – началом Великой Отечественной войны и вступлением во Вторую мировую войну Соединенных Штатов. Происходившие в этот период события изменили соотношение сил на мировой арене, а формирование антигитлеровской коалиции ускорило военное и политическое поражение Германии и ее союзников. В событиях военного времени заметное место принадлежит президенту США Франклину Рузвельту.

Нельзя сказать, что деятельность Рузвельта, в том числе в период Второй мировой войны, получила должное освещение в нашей печати. О Рузвельте писали у нас немало – в разное время по-разному, но в целом, несомненно, с большей симпатией, чем о других американских президентах XX столетия²⁹. И все же боязнь «перехвалить», строгая дозировка «положительного» и «отрицательного», думается, достаточно серьезно препятствовали тому, чтобы можно было составить действительно полное и целостное представление о великом президенте: писавшие о нем, отдавая должное этой исторической личности, одновременно как бы оправдывались в этом. По-видимому, отечественная литература еще не нашла того ракурса, который бы позволил выработать цельную трактовку американского реформатора. В этом отношении новая монография В.Л.Малькова составляет исключение.

Эпоха Рузвельта во многом стала поворотным пунктом в истории США, когда обнажились основные противоречия, накопившиеся в ходе предшествующего развития страны, и были заложены предпосылки важнейших тенденций в экономике, политике и идеологии, характерные для современного развития американского общества. Рузвельт появился на политической арене в критический для Соединенных Штатов момент. Времени для выжидания не было, – только немедленные, энергичные, решительные действия могли предотвратить перерастание панических настроений в социальный взрыв. Ему досталось тяжелое наследие «великого кризиса», не имевшего себе равных по продолжительности и силе. В 30-х годах в условиях обострения международной обстановки и обострения угрозы новой мировой войны Вашингтон продолжал политику изоляционизма, дистанцирования от конфликтов в

---

²⁹ См., например: Мальков В.Л. *Франклин Рузвельт: проблемы внешней политики и дипломатии. Историко-документальные очерки.* М., 1988; Яковлев Н.Н. *Франклин Рузвельт – человек и политик.* М., 1969.

остальном мире, особенно в Европе. В 1935 году Конгресс США принял Закон о нейтралитете, запрещающий продажу американского оружия воюющим сторонам, не делая при этом различия между агрессором и его жертвой.

С именем и делами Рузвельта связана в первую очередь его программа по трансформации американского капитализма. На старте своей радикальной преобразовательной деятельности он произнес слова, ставшие крылатыми: «История человечества развивается по мистическим циклам. Одним поколениям многое дается, с других многое спрашивается, нынешнее поколение американцев встречается с судьбой»³⁰. Американские президенты любят произносить громкие, напыщенные фразы, но в данном случае мысль Рузвельта преисполнена глубоким смыслом. «Главное что-то пытаться сделать», – повторял он. Решающим для него был результат. Быть непоследовательным для него означало куда меньшее зло, чем быть беспомощным. «Единственно, чего нам следует бояться, – говорил Рузвельт, – это страха – отчаянного, безрассудного, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для превращения отступления в наступление»³¹.

Действительно, многие шаги Рузвельта в период войны можно расценить как противоречивые, непоследовательные. По ходу военных действий он немало импровизировал. Впрочем, то же самое можно сказать и о политике Сталина и Черчилля – союзников Рузвельта по коалиции. «Никто из них не проявлял большой последовательности в тактике или не очень беспокоился об этом, – пишет о руководителях США, СССР и Великобритании известный американский историк Артур М.Шлезингер, – все они допускали определенную двусмысленность, чтобы сохранять за собой возможность решать большие проблемы; и теперь практически неясно, как толковать то или иное заявление, сказанное кем-либо из них в каком-либо конкретном случае. Так было частично потому, что, подобно всем властителям, они строили свои высказывания так, чтобы произвести определенный эффект на определенную аудиторию; частично потому, что совершенно неповторимая интеллектуальная сложность всех вопросов, которые вставали перед ними, делала степень колебаний и компромиссов вполне допустимой. Если историки даже теперь, оглядываясь назад, не могут разрешить эти пробле-

---

³⁰ Цит. по: Согрин В. *Политическая история США. М., 2001. С.218.*

³¹ *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789 – 2001. М., 2001. С.382.*

мы, то кто они такие, чтобы обвинять Рузвельта, Сталина и Черчилля в том, что они не разрешили их в свое время?»³²

Франклин Рузвельт был великим президентом, выделяющимся среди других американских руководителей ясным и четким стратегическим мышлением. Он, возможно, как никто другой из американских лидеров, мог воодушевить своими идеалами большую часть населения своей страны. Обладая завидной уверенностью в непогрешимости любого политического шага, какой бы он ни предпринимал, Рузвельт умело использовал президентскую власть для достижения поставленных целей.

Политический курс Рузвельта, по словам другого американского президента Л.Джонсона, являет пример деятельности «человека, способного решать страшные проблемы в страшное время». Война, несомненно, была таким временем, и, хотя театр военных действий был вдали от американских берегов, Соединенные Штаты явственно ощущали ее жаркое дыхание. Еще будучи губернатором штата Нью-Йорк, Рузвельт проявил себя искусным политиком. Возможно, глубже и острее, чем кто-либо другой в руководстве демократической партии, в начале 30-х годов осознавший необходимость перемен, он в то же время действовал осторожно, не делал громких заявлений, не раскрывал преждевременно своих карт, исподволь готовясь к будущему реформаторству. Эти черты его политики стали как бы «визитной карточкой» Рузвельта и в последующие годы, когда он оказался во главе государства.

Как главнокомандующего Рузвельта определяла некая двойственность. С одной стороны, он, несомненно, был человеком твердых убеждений и принципов, был буквально «одержим идеалами и верой»³³, отличался превосходным стратегическим чутьем и часто удачно составлял планы на много лет вперед. С другой стороны, его действия диктовались трезвым прагматизмом; он умело преследовал не только дальнесрочные цели, но и узкопрактические, сугубо тактические интересы, всегда был готов отстаивать свою власть и авторитет в постоянно меняющейся обстановке военного времени.

Характеризуя политику Рузвельта в эти годы, один из многочисленных его биографов Джеймс М.Бернс, не понаслышке знакомый с политической «кухней» США тех лет, подчеркивает характерную черту президента, особенно ярко проявлявшуюся в период войны: Рузвельт «не

---

³² Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992. С.244–245.

³³ Бернс Дж.М. Франклин Рузвельт. Человек и политик. М., 2004. С.7.

питал привязанности ни к кому – мужчине, женщине, стране, союзнику или принципу, – но лишь к какой-то цели, столь глубоко в нем скрытой и в то же время столь трансцендентной, что немногие могли распознать ее в сложное, бурное время»³⁴.

Когда он оказывался в трудном положении, что бывало нередко, прагматические соображения диктовали ему корректировку курса, и он охотно шел на нее, сознавая веление момента. Сподвижники Рузвельта отмечали его «огромную восприимчивость», которая была одновременно и сильной, и слабой его чертой. Слабой, потому что она иной раз подчеркивала его непоследовательность, ограниченность; сильной, потому что делала его мобильным, гибким при выборе одного решения из множества возможных. Представляется, что суть таланта президента заключалась не столько в его способности решать сложные экономические, социальные и чисто военные проблемы, сколько в его обостренном чутье на политически осуществимые решения. Нельзя сказать, что он был во многих случаях инициатором перемен (ему повезло на помощников и советников – часто они выступали в этой роли), но можно с уверенностью сказать, что если не всегда, то, по крайней мере, почти всегда был их «катализатором».

Рузвельт не был идеологом, но имел свои «исходные посылки», которыми неизменно руководствовался. Будучи человеком «здорового смысла», он не позволял идеологии стоять на его пути. И вместе с тем (без таких выражений как «вместе с тем», «однако», «тем не менее» и т.д. невозможно обойтись при характеристике политики Рузвельта, в том числе и в период войны) это впечатление иной раз бывало обманчивым. Воспринявший идеи своего дяди Теодора Рузвельта и другого бывшего президента США Вудро Вильсона, Франклин Рузвельт был подлинным американским либералом со всеми его характерными чертами. Он был абсолютно уверен в том, что «американизм (более подходящее слово, нежели либерализм) – настолько разумная, логичная и практичная вещь, что все общества приняли бы эти ценности и системы, если бы им только была предоставлена такая возможность»³⁵.

Война требовала усиления президентской власти. Значительно окрепла в эти годы «президентская пресса». Ведь именно в период Второй мировой войны – в период третьего срока президентства Рузвельта, а не

---

³⁴ Там же. С.66.

³⁵ См.: Кимболл У. Дипломатия кризиса: июнь – декабрь 1941 г. // Американский ежегодник 1988. М., 1988. С.144.

в более ранние годы – были заложены основы современного президентского правления в США. Что касается Конгресса, то во время войны он проявлял невиданную прежде покладистость, и если осмеливался возражать президенту, то лишь по второстепенным вопросам.

Рузвельт создал свой личный банк информации, содержащий бесчисленные письма, памятные записки, донесения, откровенные сплетни, доставлявшиеся услужливыми подчиненными. Если обстоятельства и интересы требовали того, он уклонялся от соблюдения правил, обычаев, условностей. Он часто производил перестановку кадров, импровизировал по ходу событий, манипулировал, бывало, и плутовал. Рузвельт пренебрегал ортодоксальными административными канонами, сознательно насаждал среди помощников соперничество, поручал одно дело нескольким сотрудникам, практиковал крайне широкий «спектр контроля», укрепляя таким образом свое непререкаемое положение арбитра и координирующего центра.

Будучи врагом администрирования, Рузвельт (еще одно противоречие в его деятельности) учредил множество планирующих органов, создал комитеты для формулирования предложений по более эффективному президентскому управлению и контролю, добился возможности проводить постоянную административную реорганизацию по законам военного времени, осуществлял по своему усмотрению формирование военного ведомства и оборонной структуры и т.д.

Руководствуясь как внутренним чутьем, прекрасно развитой интуицией, так и наблюдательностью, Рузвельт сделал множество очень точных, возможно, единственно верных назначений, сыгравших во время войны весьма важную роль. Среди них, несомненно, Г.Гопкинс, а также У.Хассет и Г.Смит – в административной службе президента; Г.Стимсон, Дж.Маршалл, Дж.Паттерсон – в военном ведомстве; Дж.Форрестол – во флоте, Э.Дэвис – в службе военной информации; Д.Эйзенхауэр, Ч.Нимиц, Д.Макартур – на фронте.

Будучи в высшей степени трезвым политиком, он, конечно, не питал никаких иллюзий относительно Сталина и его диктаторского режима, тем не менее отдавал должное смелым шагам советского руководства, высоко оценивал мужество советских солдат. Когда Фултон Урслер из газеты «Либерти» прислал Рузвельту черновик передовой статьи с откликом на нападение Германии на Советский Союз, озаглавленной «К черту коммунизм!», президент ответил: «Если бы я сидел за вашим письменным столом, то написал бы передовую статью, осуждающую в одинаковой степени как русскую, так и германскую форму диктатуры.

Но в то же время я дал бы читателям ясно понять, что в настоящее время непосредственная угроза безопасности США исходит от гитлеровских армий»³⁶.

Конец «ледникового периода»

Как известно, летом 1941 г. все крупнейшие государства мира, за исключением США, находились в состоянии войны. США не торопились в нее вступать, надеясь отделаться минимальными издержками. В администрации и Конгрессе шли нешуточные баталии относительно форм участия страны в заокеанском конфликте. В мае 1941 года ближайшие сотрудники президента заметили несвойственную ему подавленность. «Во время ужасающего кризиса, – пишет Р.Шервуд, – вызванного молниеносной войной на Западе, Дюнкерком и падением Франции, он оставался почти в одиночестве в своей администрации, даже когда принимал смелые, отчаянные решения. Теперь, год спустя, когда положение Великобритании снова было исключительно тяжелым, он был одинок. Однако теперь он был одинок в своем нежелании принимать решения и действовать»³⁷. Вскоре, впрочем, Рузвельт вернулся к своему привычному состоянию.

Конечно, сразу после нападения Германии на Советский Союз в высших эшелонах власти США было немало лиц, советовавших Рузвельту «не вмешиваться в конфликт фашистов и коммунистов». Так, посол США в СССР Л.Штейнгардт за несколько дней до нападения Германии на Советский Союз писал в одном из своих донесений: «Наблюдения за психологией тех лиц, которые осуществляют руководство советской внешней политикой... убедили меня в том... что с ними невозможно наладить отношения "международной доброй воли"... Уступки воспринимались ими... с явным подозрением как признак слабости»³⁸. Некоторые из таких советчиков полагали, что Соединенным Штатам не следует ввязываться в войну, ибо дни СССР сочтены; кроме того, они полагали, что американская помощь Стране Советов усилит коммунистов внутри самих Соединенных Штатов»³⁹.

---

³⁶ См.: Там же. С.108.

³⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. М., 1958. Т.1. С.241.

³⁸ См.: Кимболл У. Указ. соч. С.131.

³⁹ См., например: Kennan G. Memoirs, 1925–1950. Boston, 1967. P.133–134.

Требовалась незаурядная политическая воля, чтобы преодолеть напор сторонников доктрины «баланса сил»⁴⁰. Доктрина эта, пожалуй, в наиболее резкой форме применительно к войне между Советским Союзом и Германией прозвучала в высказывании будущего президента США, в то время сенатора, Гарри Трумэна, который 23 июня 1941 г. достаточно цинично заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»⁴¹.

И все же, несмотря на достаточно дружный хор (звучавший задолго до начала Великой Отечественной войны) сторонников доктрины «баланса сил», уже к середине июня Рузвельт и Черчилль договорились об оказании помощи Советскому Союзу в случае перехода Гитлером границы СССР. Рузвельт подчеркивал при этом, что помощь Великобритании со стороны США останется приоритетной. Размышляя о степени влияния на Рузвельта доктрины «баланса сил», а также концепции универсализма и сфер влияния, А.Шлезингер указывает, что и другие союзники США по антигитлеровской коалиции испытывали стойкое воздействие этих доктрин в не меньшей степени, чем Рузвельт. «Если Рузвельт мог считаться универсалистом с эпизодическими отклонениями в сторону политики сфер влияния, а Сталин был явным сторонником сфер влияния с эпизодическими жестами в сторону универсализма, то Черчилль, казалось, занимал срединную позицию между традиционным реализмом баланса сил...»⁴² – пишет Шлезингер.

---

⁴⁰ Речь в данном случае идет о системе внешней политики, сводящейся к попыткам государства занять положение арбитра между другими державами, обеспечив тем самым за собой позиции превосходства на международной арене при минимальной затрате собственных сил и средств. Такую политику балансирования на противоречиях других государств нередко сравнивают с поведением «смеющегося третьего», поскольку возвышение государства-«балансира» происходит за счет относительного или абсолютного ослабления других стран. Соединенные Штаты нередко в XX веке использовали доктрину «баланса сил» (См. подробно: Теория и практика «баланса сил» // США: политическая мысль и история. М., 1976. С.146–237). С таких позиций выступали влиятельные политические деятели. Такие, например, как бывший посол в СССР У.Буллит; сенаторы Р.Пафт, Б.Кларк, Б.Уилер, А.Ванденберг; члены палаты представителей М.Дэйс, Р.Вуд, Г.Фиш и др.

⁴¹ См.: *New York Times*. June 24, 1941.

⁴² Шлезингер А. Указ. соч. С.251.

Рузвельт не раз повторял, что помогать русским следует исходя из национальных интересов Америки. Хотя идеологические взгляды каждой из сторон в известной степени влияли на то, как СССР и США определяли свои национальные интересы, в их формулировании немало важную роль играли также и сугубо практические оценки военной стратегии, состояния тыла и т.д. Что же касается более далекой перспективы советско-американских отношений, то при всем том, что Рузвельт нередко заглядывал в это пока еще отдаленное будущее, его, как трезвого политика, прежде всего, волновала способность советской армии оказывать сопротивление гитлеровской Германии.

Логике Рузвельта понять нетрудно. Нацистская Германия представляла собой непосредственную угрозу для Соединенных Штатов, а потому следовало использовать любые возможности, ослабляющие военную мощь Германии, чтобы дать США время для экономической и военной мобилизации. Кроме того, что бы военные советники Рузвельта ни говорили ему о том, что любой токарный станок, любой истребитель Р-40 или зенитное орудие, обещанные русским, окажутся невосполнимой потерей для американской армии, потенциальные приобретения от помощи Советскому Союзу, с точки зрения президента, со временем могли способствовать укреплению безопасности США⁴³.

Знакомство с документами свидетельствует: тезис об альтруистических мотивах, стоявших за принятием решения США об оказании помощи Советскому Союзу, не выдерживает критики. Многие крупные американские политические деятели того времени открыто высказывались в том смысле, что любые иные действия США лишь могут помочь Гитлеру в осуществлении попыток добиться «перемирия или мира на русском фронте». Для Рузвельта особо ценным было мнение самого доверенного его советника Г.Гопкинса, который был (по собственным словам Гопкинса) «глазами и ушами президента». Поездка Гопкинса в Москву 30–31 июля, ставшая поистине «поворотным пунктом» в советско-американских отношениях, привела советника президента к твердому убеждению, что помощь России – дело весьма выгодное для

---

⁴³ Среди американских военных руководителей господствовало мнение, что американские поставки русским будут потрачены зря или даже попадут в руки немцев, ибо сопротивление русских будет продолжаться не более трех месяцев (См.: Уилсон Т. Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу // Американский ежегодник. 1988. М., 1988. С.148–149).

США⁴⁴. Запись беседы Сталина и Гопкинса от 30 июля показала то особое значение, которое в Вашингтоне и Москве придавали совпадению взглядов на положение в мире и ту угрозу, которая исходила от германского фашизма для мировой цивилизации⁴⁵.

Как полагают некоторые американские историки, первая реакция администрации Рузвельта на нападение Германии на Советский Союз отражала ее озабоченность перспективой угрозы Великобритании. В самом начале июля 1941 г. британский посол в США лорд Галифакс сообщал в Лондон после переговоров с Рузвельтом: «Время, которое мы смогли... выиграть, позволило президенту чувствовать себя более уверенно, нежели несколько недель назад»⁴⁶. Советник Рузвельта Гарри Гопкинс, военный министр Генри Симсон и министр военно-морского флота Фрэнк Нокс рекомендовали Рузвельту воспользоваться тем, что Германия всецело занята русским фронтом, и усилить поддержку Великобритании⁴⁷.

Тем не менее уже через два дня после нападения Германии на Советский Союз Рузвельт подтвердил готовность «предоставить России всю ту помощь, какую мы сможем». А 26 июня исполняющий обязанности государственного секретаря США С.Уэллес заверил посла СССР в Вашингтоне К.А.Уманского: «... любая просьба о материальной помощи, с которой Советское правительство обратится к Соединенным Штатам, будет немедленно принята во внимание»⁴⁸. Эти официальные заявления американской администрации вместе с заявлением У.Черчилля от 22 июня 1941 г. положили начало англо-советско-американскому сотрудничеству во время войны.

Убедительным свидетельством того, что можно было бы назвать концом «ледникового» периода, должно было стать предоставление Советскому Союзу американской военной и экономической помощи. Как замечает американский историк Э.Беннет, «американцы и русские

---

⁴⁴ См.: Рузвельт Э. *Его глазами*. М., 2003.

⁴⁵ См.: *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы*. В 2 т. М., 1984. Т.1. С.80–82.

⁴⁶ См.: Кимболл У. *Указ*. соч. С.130.

⁴⁷ Reynolds D. *The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937–1941: A Study in Competitive Cooperation*. Chapel Hill (N.C.), 1982. P.206.

⁴⁸ См.: Divine R. *The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II*. N.Y., 1965. P.122.

оказались связаны друг с другом в такой степени, какую за несколько лет до этого невозможно было себе представить»⁴⁹.

Для прояснения отношения Рузвельта к войне интерес представляет Атлантическая хартия, ставшая результатом конференции Англии и США на самом высоком уровне, состоявшейся в августе 1941 года на борту корабля «Принц Уэльский» в бухте Арджентея Ньюфаундленда. В хартии определялись англо-американские цели войны и принципы послевоенного устройства мира. Здесь говорилось, что США и Англия не стремятся к территориальным приобретениям, уважают право наций самим избирать себе форму правления. Несмотря на настойчивые просьбы Черчилля, Рузвельт был против немедленного вступления США в войну. Вместе с тем лидеры обеих стран недвусмысленно высказались о своей готовности оказывать помощь Советскому Союзу поставкой необходимых ему материалов.

Исходя из необходимости сплочения сил антигитлеровской коалиции, СССР выразил «свое согласие с основными принципами декларации... имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет соотноситься с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»⁵⁰.

Конкретные действия

Однако прежде, чем начать проводить на практике политику предоставления помощи Советскому Союзу, Рузвельту необходимо было доказать ее целесообразность своей администрации, далеко не все члены которой полагали, что следует действовать таким образом. Самым веским доказательством перспективности такой помощи стал германский провал плана «молниеносной войны» на Восточном фронте и первые, пока еще робкие, успехи Красной Армии. Анализ хода военных действий, а также информация, поступающая от британской разведки, убедительно доказывали, что Советский Союз вполне сможет продержаться до наступления зимы. Разведка докладывала и о весьма успешном переводе жизненно важных

---

⁴⁹ Bennet E.M. *Franklin Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933–1939*. Wilmington (Del.), 1985. P.231.

⁵⁰ *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. М., 1944. Т.1. С.146–147.

промышленных предприятий на Восток, подальше от линии фронта. Следовательно, если русские будут продолжать сдерживать немцев и дальше, то как политические, так и военные соображения потребуют от американцев, чтобы они в срочном порядке разработали программу предоставления России не символической, а вполне реальной помощи⁵¹.

Объединенный совет сухопутных и военно-морских сил США в специальном меморандуме в сентябре 1941 г. заявил: «Поддержка сражающегося русского фронта до сих пор дает наиболее верную возможность добиться успеха в борьбе с Германией на суше... Сейчас еще преждевременно предсказывать исход битвы в России. Однако, если советские войска будут отброшены даже за Уральские горы и если они будут продолжать там организованное сопротивление, всегда будет существовать надежда на окончательное и полное поражение Германии с помощью операций на суше. Надлежащее вооружение русских сил как путем снабжения их оружием извне, так и обеспечения производственных мощностей в бассейне реки Волги или к востоку от Уральских гор явится одной из наиболее важных мер, какие могут быть приняты союзными державами»⁵².

В связи с вопросом о предоставлении помощи США Советскому Союзу на начальном этапе войны следует заметить, что эта помощь преследовала прежде всего политические цели. Ни Рузвельт, ни Гопкинс никогда не утверждали, что американская помощь может сыграть сколько-нибудь значительную роль в битве за Москву. Более того, они признавали, что лишь малая часть этой помощи сможет поступить русским до того, как решится исход этой кампании. Да и в последующие периоды войны Рузвельт рассматривал программу предоставления помощи России скорее как дело чести, нравственного долга, нежели как ценный вклад в усилия советского народа в борьбе против фашизма⁵³.

Вскоре после решения о предоставлении помощи Советскому Союзу последовали и конкретные действия. Так, по настоянию Рузвельта стали приниматься меры по облегчению закупок, производимых СССР; был отменен Исполнительный приказ, «замораживающий советские активы»; Белый дом принял решение о том, что Закон о нейтралитете не

---

⁵¹ Gorodetsky G. *Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–1942*. Cambridge, 1984. P.34.

⁵² См.: Sherwood R. *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History*. N.Y., 1950. P.417.

⁵³ Herring G. *Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War*. N.Y., 1973. P.286.

может быть распространен на советско-германскую войну⁵⁴. Началась немедленная погрузка на суда невоенных товаров стоимостью около 9 млн. долларов для вывоза в Советский Союз.

Уже на начальном этапе войны в политике Рузвельта можно заметить характерный для него стиль. Японцы с древних времен говорят, что *стиль* – это и есть *содержание*, применительно к Рузвельту это утверждение кажется весьма мудрой максимой. Стиль политики Рузвельта в отношении Советского Союза – это отношение к нему как к *равному* партнеру. (Этот стиль был особенно заметен при сравнении отношения Черчилля к нашей стране.) Размышляя о советско-американских связях в первый год Великой Отечественной войны, американский историк Теодор Уилсон замечает, что «помощь, предоставленная России Соединенными Штатами, была реализована... на основе не зависимости, а равенства»⁵⁵.

Во время поездки Гопкинса в Москву в конце июня была достигнута договоренность о созыве конференции СССР, США и Великобритании для решения вопроса о помощи со стороны западных стран. Результаты конференции, пожалуй, удовлетворили все заинтересованные стороны. 1 октября было подписано соглашение, в котором перечислялись «виды и объем поставок» из США и Великобритании в Советский Союз на предстоящие девять месяцев, – соглашение, известное впоследствии как Московский протокол. То, что предлагалось Соединенными Штатами, включало такие виды вооружений, которые сразу же можно было использовать на полях сражений: 100 бомбардировщиков и 300 истребителей ежемесячно, 152 зенитные 90 мм пушки, 5 тысяч бронированных автомобилей и 200 противотанковых орудий в месяц. Кроме того, протокол обязывал США предоставить множество видов проката, сплавов, химикатов, обмундирования, обуви, продовольствия. Общая стоимость всех видов военных материалов и сырья равнялась 1,3 млрд. долларов⁵⁶. Протокол предусматривал и помощь со стороны Америки и Великобритании в транспортировке всех этих грузов на территорию нашей страны.

Логика требовала распространения на СССР действия Закона о ленд-лизе, однако на деле все было не так просто. Законопроект об ассигно-

---

⁵⁴ Отмена распространения на СССР действия закона о нейтралитете означала, что суда, плавающие под американским флагом, могут заходить в советские порты (См.: Herring G. *Op. cit.* P.10).

⁵⁵ Уилсон Т. Указ. соч. С.162–163.

⁵⁶ См.: Там же. С.158.

вании на ленд-лиз рассматривался Конгрессом, где оппозиция решительно выступила против его предоставления Советскому Союзу. Была предложена поправка к закону о ленд-лизе, запрещающая предоставление помощи русским. Поправка не прошла. Опросы общественного мнения – важный барометр для Рузвельта – показали, что большинство американцев выступают за оказание помощи Москве.

30 октября Рузвельт информировал Сталина о том, что он предложил предоставить помощь Советскому Союзу в рамках Закона о ленд-лизе в размере 1 млрд. долларов. 7 ноября Временный поверенный в делах СССР в США А.А.Громько вручил Рузвельту открытое послание Сталина, в котором содержалась благодарность президенту за «исключительно серьезную поддержку». Сталин выразил пожелание установить «личный, непосредственный контакт» с целью обсуждения вопросов, вызывающих взаимный интерес. Свидетельством значительного «потепления» отношений между двумя странами может служить послание Гопкинса советскому народу в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции. «Сегодня празднование годовщины вашей революции, – говорилось в послании, – означает решимость мужественного народа отдать жизни и достояние для защиты Родины и вашего образа жизни. Вместе с вами в борьбе против нацизма участвуют народы различной расовой принадлежности, исповедующие различные религии и придерживающиеся различных политических систем. Но мы все едины в стремлении отразить жестокий удар агрессоров. Мы все едины в твердом намерении оказать всю возможную вам помощь. Мы все едины в признании нашего невосполнимого долга перед русским народом, ведущим с почти нечеловеческой стойкостью борьбу с врагом. Моим глубоким убеждением является то, что ваша борьба в защиту Родины войдет в историю эпической страницей человеческого мужества и бесстрашия»⁵⁷.

---

⁵⁷ Цит. по Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. ...С.222.

Уже несколько позже, 11 июня 1942 г., было подписано Соглашение между правительствами СССР и США о принципах взаимопомощи в ведении войны против агрессии. Согласно этому документу, американское правительство обязалось продолжать снабжать Советский Союз «теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые президент Соединенных Штатов решил передавать или предоставлять». До 30 сентября 1945 г. США предоставили Советскому Союзу военного и невоенного имущества всего на сумму (в ценах 1945 г.) 11,2 млрд. долл. Поставки в СССР по ленд-лизу продолжались, хотя и в урезанном масштабе, до окончания войны с

Известно, что после начала Великой Отечественной войны Рузвельт вынашивал несколько странную, но весьма благородную программу помощи нашей стране. Так, американский историк И.Гантер пишет о том, что президент к величайшему изумлению своих советников в конце 1941 г. огласил свой план действий: скупить всю шерсть в нейтральных странах. Далее слово историку: «Рузвельт рассуждал следующим образом: а) скорее всего, русским все же удастся удержать немцев, б) если это произойдет, зимняя кампания неизбежна, в) зима всегда трудна для тех, кто воюет против русских, г) немцам неизбежно потребуется много шерсти для зимней формы одежды, е) наша задача не дать им возможности получить шерсть»⁵⁸. Но этот план, к сожалению, не был осуществлен.

На 1 ноября из Соединенных Штатов в Советский Союз были отгружены материалы стоимостью 41 млн. долларов, что составило менее трети объема поставок, обещанных американской стороной в соответствии с обязательствами по Московскому протоколу. Таким образом, сразу же возник разрыв между обязательствами и реальной картиной. Этот разрыв так никогда и не был преодолен, несмотря на усилия, предпринимаемые Белым домом, и особенно лично президентом Рузвельтом. Подсчеты, приводимые в различных источниках, далеко не всегда совпадают. Согласно одному из них, в промежутке между 1 октября 1941 и 30 июня 1942 г. только 50% обещанных материалов было действительно доставлено в нашу страну⁵⁹. И все же, если абстрагироваться от перебоев с поставками, вызванных нападением Японии на США и иными причинами, американское содействие России в течение первого года войны было лишь намеком на будущую более значительную помощь⁶⁰.

Японией. Официальной датой прекращения действия программы помощи Советскому Союзу считается 20 сентября 1945 г. К этой дате были полностью прекращены все поставки. (См.: Иванян Э.А. История США. М., 2004. С.411).

⁵⁸ Gunter I. Roosevelt in Retrospect. L., 1950. P.125.

⁵⁹ См.: Уилсон Т. Указ. соч. С.159.

⁶⁰ Американский историк Уоррен Кимболл в статье, посвященной американской дипломатии середины – конца 1941 г., пишет: «Отношение Сталина к будущей помощи было ясным. Во время обеда по завершении миссии Бивербрука–Гарримана он предложил тост за американскую промышленность и сказал, что победу в войне определит промышленная продукция... Он заявил о том, что Соединенные Штаты, не участвуя в войне, оказывают больше помощи, нежели некоторые страны, являющиеся союзниками» (Кимболл У. Указ.

Возникает естественный вопрос, почему Соединенные Штаты не выполнили все свои обязательства по Московскому протоколу? Исследователи по-разному отвечают на него. Нам представляется, что ответ на этот вопрос будет некорректен, если он не будет учитывать те трудности, с которыми Америка столкнулась при осуществлении полной промышленной и военной мобилизации, начавшейся осенью 1941 г. Когда нападение Японии на Перл-Харбор заставило США вступить в войну, американцы все еще представляли собой нацию, «занятую мирным трудом и делавшую все это с ленивой неторопливостью, присущей мирному времени»⁶¹. Следует в связи с этим отметить известную административную неразбериху и бюрократическую нестыковку, нередко характерные для внутренней политики Рузвельта военного времени. Известно упорство президента назначить какую-либо одну из многочисленных организаций ответственной за все аспекты программы ленд-лиза. Так, Рузвельт предоставил Г.Гопкинсу право утверждать все заявки и распределять фонды, тогда как военное, морское, а также министерства финансов и сельского хозяйства разделяли между собой функции приобретения сырья и продукции. Горы документов, относящихся к программе ленд-лиза, должны были проходить через лабиринт канцелярий, разбросанных по Вашингтону. Американский историк Дж.Херринг подсчитал, что в период, предшествовавший нападению японцев на Перл-Харбор, для оформления заказа требовалось в среднем не менее 90 дней⁶².

Еще одной немаловажной причиной, препятствовавшей отправке и передаче поставок Советскому Союзу, явилась катастрофическая нехватка судов. Кроме того, что в США было сравнительно мало торговых судов, необходимых для доставки военных и продовольственных грузов, заказанных союзниками в Европе, в первые месяцы после Перл-Харбор возросли потери американцев в транспортных средствах. Готовые к транспортировке товары лежали в портах по несколько месяцев. Лишь в середине марта 1942 г. Рузвельт отдал распоряжение, чтобы материалы, включенные в Московский протокол, были «отправлены наискорейшим образом, вне зависимости от последствий, которые мо-

---

соч. С.143). Нетрудно догадаться, что под «некоторыми странами» Сталин подразумевал Великобританию.

⁶¹ Уилсон Т. Указ. соч. С.159.

⁶² Herring G. *Op. cit.* 1941–1946. P.34.

жет оказать транспортировка этих материалов на любую из частей нашей военной программы»⁶³.

Внезапное вступление США в войну еще больше осложнило вопрос о предоставлении помощи Советскому Союзу. Достаточно отметить в связи с этим, что самым непосредственным результатом Перл-Харбора стало полное прекращение отправки кому бы то ни было любых видов помощи. Потребовалось несколько месяцев, чтобы преодолеть тяжелые последствия нападения Японии и бюрократической волокиты. 1 января 1942 г. Рузвельт распорядился возобновить отправку военных материалов в Россию⁶⁴.

Что же касается возможности высадки американских войск в Европе, то такая возможность рассматривалась Рузвельтом в конце 1941 г. Однако Америка еще не была готова к участию в такой грандиозной кампании. Она еще не располагала ни необходимым снаряжением, ни людскими ресурсами, ни парком самолетов для подготовки эффективной десантной операции. Мобилизация и подготовка большого количества солдат, моряков, летчиков, морских пехотинцев для высадки в Европе была задачей нелегкой и требующей значительного времени⁶⁵.

Только к самому концу 1941 г. сложился основной механизм предоставления помощи Советскому Союзу. Ни США, ни Великобритания не хотели рисковать собственной безопасностью и интересами для того, чтобы помочь СССР. Но (и это «но» играло немаловажную роль) на протяжении последующих этапов войны Рузвельт полагал, что в интересах Соединенных Штатов следует предоставлять больше помощи. В отличие от Рузвельта, Черчилль, заботясь о защите иного комплекса интересов, постоянно стремился к ограничению такой помощи.

Следует заметить в связи с этим, что несмотря на то, что интеллектуальное и культурное восприятие Советского Союза американцами и англичанами далеко не всегда совпадало в годы войны, Великобритания оказывала значительное влияние на заокеанскую внешнюю политику, в частности, на отношение США к СССР. Действительно, многое в международной политике Вашингтона было непосредственной реакцией на хитросплетения политического курса Лондона. Это немаловажное обстоятельство не следует сбрасывать со счетов. Вместе с тем было бы

---

⁶³ Stettinius E. *Lend-Lease: Weapon for Victory*. N.Y., 1944. P.205.

⁶⁴ *Ibid.* P.55.

⁶⁵ *Международная конференция «К 60-летию высадки союзников в Нормандии» // Новая и новейшая история. 2004. №5. С.149.*

явным упрощением идеализировать отношения между США и Великобританией в эти годы. Ведь недаром один из историков войны, Дэвид Рейнолдс, назвал англо-американские отношения «сотрудничеством соперников».

* * *

Появление контуров биполярного мира и вызов, брошенный Советским Союзом Западу в последние годы и после окончания Второй мировой войны, поставили Рузвельта, а затем и Трумэна перед весьма серьезной дилеммой. Сохранить ли тесные партнерские отношения с СССР (тем самым добровольно соглашаясь с уравниванием США и советской сверхдержавы) или, опираясь на экономическое и военное (атомное оружие) превосходство, постепенно отвоевать геополитическое пространство, оказавшееся под контролем Советского Союза, сдержать его устремления к превращению в альтернативный центр силы и в конечном счете добиться либерализации советского режима и принятия им западных ценностей. На глобальный вызов коммунизма Америка ответила комбинацией контрмер, среди которых важнейшей стало завоевание «превосходства военной мощи». Прошло немного времени после войны, и возникло явление, справедливо названное «новым рационализмом». Оно выросло, как писал известный американский исследователь холодной войны Джон Гэддис, «из здравого представления о том, что, по мере того как оружие становится все *более* разрушительным, оно становится все *менее* востребованным»⁶⁶. Действительно, после окончания Второй мировой войны в советско-американских отношениях в области ядерных вооружений возобладал дух конкурентного противостояния пополам со здравомыслием, но устойчивый к соблазну действовать «на опережение».

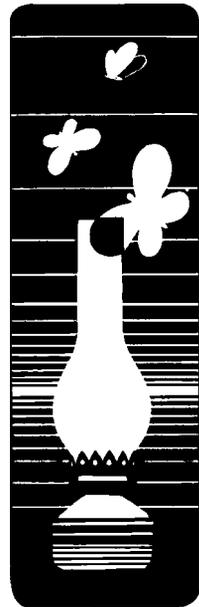
⁶⁶ См.: Мальков В.Л. *Путь к имперству*. С.569.

РОССИЯ В МИРЕ

То, что произошло в отдельных государствах, что, следовательно, вообще фактически было, то в принципе нельзя считать невозможным для человечества в целом.

**Путь к мировому порядку ведет
через пробуждение свободы
и понимание ею своей
собственной сущности
в наибольшем количестве стран.**

Карл Ясперс

Валентина Марьина

1944–1945 ГОДЫ: КРАСНАЯ АРМИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94

In the first part of the article the author deals with attitudes of population of Poland, Yugoslavia (Serbia), Czechia, Slovakia and Bulgaria towards the Red Army as it entered territories of these countries in 1944–1945. The author characterizes the USSR policy to these countries and analyzes the Nazi propaganda in the East European countries, demonstrates positions various political forces involved in the Resistance movement and struggle for national liberation at the terminal phase of the WW2 took in respect of the USSR. The article is based on Russian archive materials, published documents and the most recent literature.

Ключевые слова: Завершающий этап войны; Красная Армия; политика СССР в странах Восточной Европы; отношение к СССР; национально-освободительная борьба.

Key words: The WW2 closing stage; Red Army; a policy of the USSR in countries of Eastern Europe; the relation to the USSR; national-liberation struggle.

E-mail: moscow.slav@gmail.com

*Памяти моего мужа – участника Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг.,
профессора, доктора технических наук,
полковника в отставке
Марьяна Николая Петровича*

В статье пойдет речь об отношении населения стран Центральной и Юго-Восточной Европы к русским, к России, к Красной Армии, на территорию которых она вступила в 1944–1945 гг., завершая изгнание гитлеровцев из советской страны и разгром сил вермахта. Несколько слов о терминологии. Что касается терминов «русские», «Россия», то, это широко распространенное во время войны за пределами СССР обозначение всего, имевшего отношение к Советскому Союзу и Красной Армии. Понятие «Восточная Европа», широко используемое ныне в исторической и политологической литературе, несет в данном контексте исключительно политическую нагрузку, обозначая государства, вошедшие после войны в сферу советского влияния. Албания при этом остается вне поля внимания автора, поскольку на ее территорию части Красной Армии не вступали. Общая постановка вопроса о настроениях населения в отдельных странах указанного региона содержится в книге «Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг.»¹. В настоящей статье предполагается уточнение и конкретизация этих оценок при опоре на опубликованные в последние годы и обнаруженные в российских архивах документы, а также на доступную автору новейшую литературу, которая, увы, скудна.

Для уяснения рассматриваемого вопроса, следует сначала дать ответ на вопрос о том, могли ли оккупированные Германией и зависимые от нее страны региона освободиться собственными силами? Исследования свидетельствуют, что здесь может быть дан однозначный ответ: нет, не могли. Даже Югославия, где вооруженная борьба велась достаточно интенсивно и где к осени 1944 г. значительные территории были освобождены Народно-освободительной армией (НОАЮ) под командованием Й.Б.Тито, не могла окончательно расправиться с оккупантами собственными силами: 21 сентября 1944 г. Тито прибыл в Москву, чтобы договориться с советским руководством о совместных военных операциях НОАЮ и Красной Армии по освобождению Белграда. Армия Крайова (АК) – вооруженная сила лондонского эмигрантского польско-

---

¹ *Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг. М., 1995.*

го правительства – продемонстрировала свою слабость и недостаточную боеготовность в период Варшавского восстания (1 августа – 2 октября 1944 г.). Словацкая армия, вместе с партизанами составлявшая вооруженные силы Словацкого национального восстания (29 августа – 28 октября 1944 г.), также не могла противостоять частям вермахта. Еще менее правомерна постановка вопроса об освобождении собственными силами от германской зависимости сателлитов Третьего рейха Румынии и Венгрии. Что касается Болгарии, то термин «освобождение» здесь в последнее время используется лишь условно, когда имеется в виду освобождение ее от статуса сателлита по отношению к гитлеровской Германии, поскольку частей вермахта ко времени вступления Красной Армии на территорию страны в Болгарии практически не было. Если же иметь в виду военную сторону дела, то, видимо, правильнее было бы говорить в данном случае о выполнении Красной Армией своей основной боевой задачи – дальнейшем преследовании гитлеровских войск с целью их окончательного разгрома.

Теперь – к сути обозначенной в заглавии проблемы. В обществе всех стран региона в годы войны возникло и существовало три группы, три внешнеполитически разно ориентированных течения: прогерманское, прозападное и прорусское (внутри последнего выделялось и просоветское). Соотношение между ними в ходе войны постоянно менялось в направлении ослабления позиций первой и усиления второй и третьей ориентаций. Картина соотношения этих сил к концу войны в каждом из государств указанного региона была своеобразной, свойственной лишь данному обществу, и определялась положением страны в годы войны (на какой стороне воевала), национальным менталитетом, историческими традициями ее отношений с Западом и Востоком (точнее с Россией, СССР). Что же касается отдельных людей, то – опасениями за свою жизнь, положение и собственность; надеждами на улучшение или сохранение своего социального и политического статуса после окончания войны; эйфорией по поводу восстановления государственного суверенитета и национальной самостоятельности или же страхом потерять их и т.д. Рассматривая проблему под этим углом зрения, видимо, можно было бы выделить следующие группы стран, что помогло бы определить общее и показать особенности отдельных общественных группировок:

1. Оккупированные славянские страны – Чехия (она входила тогда в качестве протектората в состав Германии), Польша, Югославия;

2. Славянские страны-сателлиты Германии – Словакия и Болгария;
3. Неславянские страны-сателлиты Германии – Румыния и Венгрия.

Отношение населения в каждой из этих стран к факту вступления Красной Армии на ее территорию, отражаемое лишь отчасти в позиции политических партий и организаций, было различным, поэтому и рассматривать страны нужно отдельно.

Польша

Начать следует, пожалуй, с **Польши**. Здесь, в отличие от Чехии и Югославии (точнее Сербии, о которой в основном и пойдет речь; Хорватия, в 1940–1945 гг. номинально самостоятельное государство, опекаемое, как и Словакия, гитлеровской Германией, воевала на ее стороне), не было сколько-нибудь ясно очерченного и официально оформленного в виде коллаборационистского правительства прогерманского течения. В польском национально-освободительном движении, да и в стране в целом, образовалось два лагеря: один из них, первым начавший сопротивление, объединился вокруг лондонского эмигрантского правительства и ориентировался на Англию и США; второй, левый, во главе с Польской рабочей партией (ППР) ориентировался на СССР и его поддержку.

И тот, и другой были укоренены на национальной почве, имели своих приверженцев и сторонников. Какой из них пользовался большей поддержкой в стране? Ранее советские и солидарные с ними польские исследователи утверждали, что второй, возглавляемый ППР; часть же польских и западные исследователи полагали, что этот лагерь был слаб и имел незначительное влияние в Польше, что сторонников эмигрантского правительства, имевшего в стране свою делегатуру и вооруженные силы – АК, было куда больше. Опубликованные не так давно документы российских архивов² позволяют говорить о довольно широкой поддержке и эмигрантского правительства, и АК населением «преимущественно из помещичьих, зажиточных слоев и частично из польской интеллигенции» (так значилось в одном из донесений советских армейских политорганов³), но, думается, не только ими. Впрочем, в ныне

---

² *Русский архив. 14. Великая Отечественная война. 3 (1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994.*

³ *Там же. С.349.*

известных документах содержится множество фактов, произвольный выбор которых может послужить обоснованию и той, и другой точки зрения.

Общими для обоих польских лагерей, которые до конца войны так и не смогли прийти к соглашению о взаимодействии, были их антигитлеровская позиция и борьба против немецко-фашистских оккупантов. Каждый из лагерей ставил своей целью завоевание власти в освобожденной стране, рассчитывая при этом на содействие либо Запада, либо Востока (СССР). Лондонский лагерь, в политическом отношении достаточно разнородный, к концу войны раскололся: ранее входившие в него мелкобуржуазные силы во главе с С.Миколайчиком склонялись к союзу с группировкой, ориентированной на СССР. Но это, как представляется, было вынужденное обстоятельствами и сложившейся обстановкой решение политика-прагматика⁴, не видевшего иной альтернативы и готового пойти на компромисс. Однако по ряду причин компромисс тогда не состоялся (Миколайчик ушел в отставку с поста премьера), и среди тех, кто приветствовал и ждал прихода русских, не оказалось многих его сторонников и возглавляемой им польской крестьянской партии – Стронництва Людове (СЛ), очень авторитетной и популярной в стране. Вооруженные отряды этой партии – Батальоны Хлопске (БХ), состоявшие, согласно информации политорганов Красной Армии, «из польских крестьянских парней с неформившейся политической физиономией»⁵, в конце войны действовали заодно либо с АК, либо с Армией Людовой (АЛ), вооруженными силами польских коммунистов.

Готовились встречать Красную Армию и сотрудничать с ней сторонники группировки во главе с ППР, маловлиятельной, хотя и весьма активной в то время политической силой в стране. Организационно она опиралась на подпольные рады народовы, отряды АЛ, нелегальные

---

⁴ Как известно, польское эмигрантское правительство культивировало тезис «двух врагов», т.е. борьбы не только против фашистской Германии, но и против Советского Союза. СССР для него был только союзником «наших» союзников (Движение Сопротивления...С.377). В частности, еще в августе 1943 года, во время встречи с президентом США Ф.Д.Рузвельтом, С.Миколайчик заявил, что если Красная Армия враждебно отнесется к представителям эмигрантского правительства и АК, то им придется прибегнуть к «самообороне», а правительству – «огласить состояние войны с Россией» (Русский архив. 14. С.358. Прим.2).

⁵ Русский архив. 14. С.163.

партийные организации, а также на часть польских партизан (не все они были ориентированы прокоммунистически).

Делегатура польского эмигрантского правительства и АК по большей части ушли в подполье и продолжали борьбу не только против отступавших частей вермахта, но и против преследовавших их частей Красной Армии⁶. Согласно сообщению на имя маршала Г.К.Жукова от 19 сентября 1944 года, т.е. в разгар Варшавского восстания, генерал Т.Бур-Комаровский, главный комендант вооруженных польских сил, издал приказ о борьбе против Советов, где, в частности, говорилось следующее. «Большевики перед Варшавой. Они заявляют, что они друзья польского народа. Это коварная ложь... Большевицкий враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине ... Приказы советских приспешников аннулирую. Коменданта Армии Крайовой⁷ обяжал подавить всякие попытки поддержки Советов. Немцы удирают. К борьбе с Советами»⁸. Справедливости ради следует сказать, что этот приказ последовал вслед за Директивой Ставки Верховного Главнокомандования о разоружении отрядов АК и изъятии оружия у местного населения (1 августа 1944 г.) и аналогичным приказом маршала Советского Союза К.Рокоссовского (2 августа того же года). Приведение его в исполнение вызвало негативную реакцию и сопротивление со стороны бойцов и офицеров АК⁹.

То население, которое активно не поддерживало ни один из противоборствующих польских лагерей, заняло нейтрально-выжидательную позицию. На отношение к СССР и Красной Армии отрицательно влияли помимо прочего такие факторы, как:

- еще свежие в памяти поляков события осени 1939 г., когда СССР, заняв западно-украинские и западно-белорусские земли, совместно с гитлеровской Германией по существу участвовал в разделе довоенной территории страны (это расценивалось как «удар ножом в спину Польши»¹⁰),

⁶ Там же. С.164–165, 166, 384, 385, 387, 415–417, 475, 477.

⁷ 2 октября 1944 года Бур-Комаровский отбыл на лимузине в гитлеровский лагерь, передав свои прерогативы генералу Л.Ожулицкому.

⁸ Русский архив. 14. С.260.

⁹ Там же. С.335–336, 338, 371, 373, 468; НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По «Особым папкам» И.В.Сталина). М., 1994. С.38–94, 99–104, 109, 112.

¹⁰ Русский архив. 14. С.327.

- нерешенность к тому времени вопроса о восточных польских границах (среди поляков много было сторонников возврата Польше земель, отошедших в 1939 году к СССР)¹¹,
- получивший широкую известность факт расправы НКВД с польскими военнопленными в Катыни в 1940 году,
- неоказание Советским Союзом своевременной помощи Варшавскому восстанию, что активно использовали в своих интересах и гитлеровцы, и польское эмигрантское правительство,
- слухи о массовых арестах, расстрелах и депортациях польского населения на освобожденных Красной Армией территориях Польши,
- а также слухи о грядущей советизации Польши и ее полной зависимости от СССР¹².

Так что отношение к советским солдатам со стороны значительной части поляков было если не просто враждебным, то настороженно-выжидательным.

Вместе с тем и до, и особенно после поражения Варшавского восстания в связи с усилившимся произволом со стороны гитлеровцев по отношению к населению определенная его часть ждала прихода Красной Армии и готова была сотрудничать с ней. Об этом свидетельствуют многочисленные донесения советских политорганов, военных комендантов, органов контрразведки СМЕРШ, содержащие сведения о настроениях поляков, их отношении к советским солдатам¹³. Однако документы свидетельствуют и о желании некоторых политработников Красной Армии явно приукрасить положение дел, сообщая наверх, в частности, секретарю ЦК ВКП (б), начальнику Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГлавПУРККА) А.С.Щербакову, о том, что сочувствующие польскому эмигрантскому правительству не пользуются среди населения большим влиянием, что в освобожденных районах сложилась обстановка «всеобщей симпатии, уважения и благодарности широких слоев польского населения по отношению к Советскому Союзу и Красной Армии»¹⁴. В общем и целом можно сказать, что, согласно опубликованным документам, желающих

---

¹¹ Там же. С.349, 359; НКВД и польское подполье. С.4.

¹² Русский архив. 14. С.320, 365, 395.

¹³ Там же. С.179, 325–326, 348, 359, 363, 365, 396, 411, 427, 430; НКВД и польское подполье. С.94, 97.

¹⁴ Русский архив. 14. С.327.

активно сотрудничать с теми, кого польское эмигрантское правительство и командующий АК уже тогда именовали «новыми оккупантами»¹⁵, было, особенно в последний год войны, не так уж и мало. Военные успехи СССР, его возросшая роль на международной арене имели следствием рост симпатий поляков к Красной Армии. Немало значило проведение на освобожденной территории Польши аграрной реформы и перераспределение земли в интересах малоимущих слоев крестьянства. Все это привело, по словам российского исследователя-полониста А.Ф.Носковой, к некоторому снижению «"порога" антисоветизма в Польше»¹⁶. Однако взаимоотношения польского населения с советскими военными властями по-прежнему были сложными.

Югославия (Сербия)

Теперь – о **Югославии**. Здесь, как и в Польше, в народно-освободительном движении (НОД) также возникло два противоборствующих лагеря, которые до конца войны так и не смогли прийти к взаимному согласию. Первый из них, просоветский и активный с точки зрения ведения борьбы против оккупантов, возглавлял хорват по национальности коммунист Й.Б.Тито. Второй, ориентированный внешнеполитически на Запад и придерживавшийся выжидательной тактики, символизировала фигура сербского офицера полковника Драже Михайловича. Однако общая картина положения дел в Югославии и в НОД страны была гораздо более сложной, чем это представлялось в прошлом¹⁷. В советской и солидарной с ней югославской историографии акцент тогда, как правило, делался на единстве народно-освободительной борьбы в стране под руководством Тито, который в своих сообщениях в Москву и Коминтерн именно так представлял дело. Надо сказать, что такое видение ситуации в Югославии импонировало союзникам по антигитлеровской коалиции, которые хотели сохранения этой страны и в будущем как единого государства. В действительности же картина событий, развернувшихся в Югославии в годы войны, как стало ясно теперь, во многом напоминала произошедшее здесь в последнее десятилетие XX века. Именно тогда в первый раз

---

¹⁵ Там же. С.364, 477; *Движение Сопротивления...С.391: НКВД и польское подполье...С.173.*

¹⁶ *НКВД и польское подполье...С.11.*

¹⁷ *См. подробнее: Движение Сопротивления...С.334–370.*

всплыли и открыто проявились те противоречия социального и политического, но главным образом национального и конфессионального плана, которые накопились за более чем два десятилетия существования Югославии как единого самостоятельного государства. И в годы Второй мировой войны здесь воевали все против всех: сербы – против хорватов, а все остальные – против сербов, как якобы угнетающей нации; православные – против католиков и мусульман, бедные – против богатых, коммунисты – против своих политических противников, хотя внешне все это связывалось часто с отношением к оккупантам. Это внутреннее противостояние разворачивалось в рамках национально-освободительной борьбы или шло параллельно с ней. НОД приобрело многоплановый характер: национальный (антиоккупационный и антиквислинговский), классово-идеологический (социалистический и просоветский), религиозный (борьба конфессий). Так что картина была своеобразной и весьма сложной. В частности, например, Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ), возглавляемая хорватом Тито, хотя и имела в своем составе представителей различных национальностей и конфессий, но в основном до конца войны состояла из сербов (православных). В Сербии же, как известно, традиционно были сильны пророссийские, русофильские настроения. Русский фактор издавна был синонимом славянства и православия. В войну же, и особенно в ее конце, именно благодаря успехам НОАЮ, освободившей самостоятельно значительную часть территории страны, и возросшей в связи с этим популярности Тито, а также в связи с успехами Красной Армии, олицетворявшей мощь советского строя, усилились и советофильские настроения. Тито стал синонимом советизма (русизма) и интернационализма, как главной составляющей коммунистической идеологии, и все более обретал облик общепарламентского вождя.

Вооруженные силы Д. Михайловича (четники), придерживаясь принципа «выживания ради выживания», в течение всей войны были недостаточно активны в борьбе против немцев, а иногда и блокировались с ними в стремлении одолеть коммунистическую армию Тито. В конце войны Михайлович потерял поддержку западных союзников, вынужденных признать, что основную тяжесть борьбы с оккупантами несет на себе НОАЮ. Глава союзнической военной миссии при Верховном штабе НОАЮ генерал Маклейн в конце 1943 г. сообщал, что партизанское движение пользуется «искренней поддержкой гражданского населения» и имеет последователей «во всей стране и во всех слоях». Он указывал на большое значение русского и советского фактора: «Советская Россия

рассматривается партизанами как политический наставник, как традиционный защитник всех славянских народов и, наконец, как единственная страна, которая вообще ведет войну, кроме них самих». В сравнении с советским британское влияние, по Маклейну, значительно меньше, так как речь идет о капиталистической и неславянской стране¹⁸. Американский представитель в союзнической военной миссии Фариш, описывая свои впечатления от общения с рядовыми бойцами обоих противостоявших друг другу югославских вооруженных формирований, подавляющая часть которых состояла из крестьян, отмечал: «Я не мог бы сказать, кто из них левый, а кто правый, кто коммунист, а кто реакционер»¹⁹. Вероятно, это наблюдение было верным: большинство политически не искушенных рядовых участников НОД не являлись сознательными сторонниками какого-либо политического течения или партии. Скорее всего, они были реалистами и интуитивно чувствовали, на чьей стороне сила.

Части Красной Армии в Белграде

---

¹⁸ Đuretić V. *Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Knj.1, 2. Beograd, 1985. Knj.2. S.52.*

¹⁹ *Ibid.* S.203.

Когда Красная Армия подходила к границам Югославии, вооруженные силы Михайловича находились в процессе разложения, значительная часть их, не желая «проливать братскую кровь» и ожидая скорого прихода русских, перешла к НОАЮ, часть разошлась по домам, часть ушла на Запад²⁰. Учитывая сильные русофильские настроения сербов, Михайлович, сам до открытого противоборства с коммунистами связывавший активизацию своего движения с приходом русских²¹, отдал приказ своим отрядам не вступать в столкновение с частями Красной Армии, когда те окажутся на территории Сербии. Созданный четниками Центральный национальный комитет 5 сентября 1944 г., когда еще не было точно известно, что Красная Армия перешла югославскую границу, заявил о своем союзническом отношении к СССР и о враждебности к Тито, строя иллюзии о возможности взятия власти. Оставшиеся верными Михайловичу отряды вступали в сражения с частями вермахта, иногда взаимодействуя с советскими войсками. Затем, согласно договоренности Тито со Сталиным в конце сентября 1944 г., четнические формирования, как и в Польше АК, были разоружены²². С точки зрения международного права и та, и другая акции, позволившие «очистить» тыл наступавшей армии от враждебных элементов, являлись законными.

Поставленное гитлеровцами коллаборационистское сербское правительство М.Недича, не пользовавшееся с самого начала особой популярностью, к концу войны утратило ее окончательно и бежало из Сербии. Перед тем, как покинуть страну, Недич отдал приказ своим вооруженным силам, охваченным массовым дезертирством, не вступать в бой с Красной Армией²³. Советские войска, освободившие вместе с частями НОАЮ Восточную Сербию и Белград, вошли в страну как классовая надежда (опора) одних и классовый враг других, но в целом были благожелательно встречены населением; часть его, видимо все же меньшая, ориентированная на Запад, а также в прошлом поддерживавшая Недича, если не ушла с отступавшими частями вермахта или не бежала на Запад, затаилась и не проявляла себя сколько-нибудь открыто.

---

²⁰ *Ibid.* S.232–234.

²¹ *Ibid.* Кнj.1. S.49.

²² *Ibid.* Кнj.2. S.231; *Движение Сопротивления...С.360.*

²³ *Duretić V. Op.cit.* Кнj.2. S.215, 230.

Чехия

Третья из вышеназванной первой группы стран, ранее всех оккупированная и позже всех освобожденная **Чехия** (Чешские земли: Чехия, Моравия и Силезия), значительно отличалась и от Польши, и от Югославии с точки зрения интенсивности освободительной борьбы. По многим причинам движение Сопротивления здесь было менее развито, чем в этих двух странах. Объяснялось это спецификой национального менталитета, историческими традициями, отсутствием оружия, особенностями густонаселенной страны с большим количеством городов и развитой коммуникационной сетью, своеобразием рельефа, политикой немцев, сочетающей принципы «кнуга и пряника», относительным, на фоне окружающих военных бедствий, материальным благополучием населения, неоднократными разгромами подпольной сети сопротивления и т.д. Деятельность партизанских отрядов, которые возникли главным образом вокруг организаторских групп, направленных из СССР, активизировалась лишь весной 1945 г.²⁴ Вершиной сопротивления было известное Майское восстание чешского народа, начавшееся при непосредственном приближении союзнических войск к Праге: американских – с Запада, советских – с Востока²⁵. Кстати, Чехия была единственной из рассматриваемых стран, небольшая западная часть которой была освобождена американскими войсками.

Чехи, как представляется, особенно не рассчитывали на собственные силы в деле освобождения своей страны от оккупации, уповая на помощь извне, только одни при этом смотрели на Запад, а другие на Восток. Это констатировалось во многих разных по характеру документах. В частности, в постановлении ИККИ «О политической линии и ближайших задачах Компартии Чехословакии» от 5 января 1943 г. говорилось: «Широкие массы чешского народа ожидают освобождения преимущественно извне», что питает «настроения пассивности и выжидания» и «мешает полному использованию всех сил народа в борьбе против оккупантов в самой стране»²⁶. Об этом же свидетельствуют,

Чехи, как представляется, особенно не рассчитывали на собственные силы в деле освобождения своей страны от оккупации, уповая на помощь извне, только одни при этом смотрели на Запад, а другие на Восток. Это констатировалось во многих разных по характеру документах. В частности, в постановлении ИККИ «О политической линии и ближайших задачах Компартии Чехословакии» от 5 января 1943 г. говорилось: «Широкие массы чешского народа ожидают освобождения преимущественно извне», что питает «настроения пассивности и выжидания» и «мешает полному использованию всех сил народа в борьбе против оккупантов в самой стране»²⁶. Об этом же свидетельствуют,

²⁴ См. подробнее: *Движение Сопротивления... С.429–441; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В двух книгах. М., 2005. Кн.1. С.346–389.*

²⁵ *Марьина В.В. К истории освобождения Праги. 5–9 мая 1945 г. // Россия XXI. 2005. №3.*

²⁶ *Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.495. Оп.18. Д.1340. Л.6–14.*

например, и впечатления находившегося в протекторате с середины 1943 до сентября 1944 г. немецкого кинохроникёра Г.Ю. фон Гаака: «Строго говоря, саботажа нет, а такие события, как взрывы, пожары и т.д., происходят крайне редко... масса населения сохраняет спокойствие и выжидательное отношение». Говоря об отношении к СССР, Гаак писал: «Большинство считает Россию освободительницей, хотя во многих случаях со смешанными чувствами». Он полагал, что немецкая анти-русская пропаганда, особенно пропаганда слухов (например, о том, что Лондон имеет тайное соглашение с Россией о включении Чехословакии в Советский Союз), оказывает на это некоторое влияние: «Большинство народа предпочло бы вывод немцев без вступления русских»²⁷.

Надо сказать, что и накануне окончания войны в чешском народе, причем во всех его слоях, было много сторонников пассивного выжидания, полагающих, что освобождение придет извне, будет привнесено союзническими армиями и что малому чешскому народу не стоит зря рисковать и проливать напрасно кровь²⁸. Своего адресата находила и пропаганда властей протектората, предупреждавших об угрозе «азиатского большевизма», предостерегавших против «анархии и хаоса», убеждавших в необходимости сохранения «спокойствия и порядка»²⁹. Сообщая в Лондон в марте 1945 г. о настроениях в протекторате, представители чешского военного подполья писали: «Со времени убийства Гейдриха³⁰ и казней, которые явились следствием его смерти, чешский народ занял твердую выжидательную позицию»³¹.

Вместе с тем это не означало доброго отношения к немецким оккупантам. Долго не находившее открытого выражения чувство ненависти бурно проявилось в момент освобождения, когда, согласно донесениям политорганов Красной Армии, наблюдались многочисленные случаи жестокой расправы населения («в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах») над немцами. «Злоба и ненависть к немцам настолько велики, – значит в одном донесении, – что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехо-

---

²⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф.0138. Оп.26. П.134. Д.24. Л.6–7.

²⁸ *Odboj a revoluce. 1938–1945. Praha, 1965. S.405.*

²⁹ *Движение Сопротивления... С.435.*

³⁰ Гитлеровский наместник в протекторате Р.Гейдрих был смертельно ранен прибывшими из Англи чешскими парашютистами в мае 1942 г.

³¹ АВП РФ. Ф.0138. Оп.26. П.134. Д.25. Л.77.

словацкое население от самочинной расправы над гитлеровцами»³². Жажда освобождения и ненависть к немцам определяли поведение массы чешского населения к концу войны, когда стало окончательно ясно, что основными освободителями станут русские. И против этого большинство населения, думается, тогда не возражало. В упомянутом сообщении в Лондон (март 1945 г.) говорилось, что не только «коммунисты восхищены подчеркнутой искренней дружбой с Советским Союзом», что «лица, ранее принадлежавшие к правому лагерю», сейчас довольны «удовлетворительными отношениями с Россией, которая, по их мнению, отказалась от своей тактики политического интернационализма, и склонны рассматривать Россию как славянскую державу»³³. Русофильские настроения в конце войны получили довольно широкое распространение. Значительная часть чешского общества в это время склонна была поддержать и социалистические идеи. Поэтому многими приветствовалась, в том числе, например, признанным официально союзниками по антигитлеровской коалиции президентом ЧСР Э.Бенешем и его сторонниками, перспектива глубоких социальных преобразований в стране³⁴. Сам Бенеш, несмотря на свои симпатии к Западу и его образу жизни, как реально мыслящий политик, осознававший особенности международной ситуации и геополитического положения Чехословакии, в своей внешней политике отстаивал принцип, выраженный формулой «50% – на Запад и 50% – на Восток». Результатом этого курса и стало заключение в декабре 1943 г. советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимопомощи в войне против Германии и послевоенном сотрудничестве³⁵. Два лагеря в чешском сопротивлении (прозападный и просоветский) в отличие от Польши и Югославии сумели тогда найти пути друг к другу и объединить свои усилия в антигитлеровской борьбе. Поэтому, думается, небезосновательно видный чешский общественный деятель профессор З.Неедлы в беседе с заместителем наркома иностранных дел С.А.Лозовским (июнь 1945 г.) заявил: «Две проблемы совершенно ясны теперь для всех: необходимость поддержания тесной

---

³² РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.320. Л.161–163.

³³ АВП РФ. Ф.0138. Оп.26. П.134. Д.25. Л.77.

³⁴ Бенеш Э. *Демократия сегодня и завтра / Вступительная статья В.В.Марьиной // Вопросы истории. 1993. №1. С.88–107; №3. С.129–156.*

³⁵ См. подробнее: *Чехия и Словакия в XX веке. Кн.1. С.390–427.*

дружбы с СССР и очищения Чехословакии от немцев. По этим двум вопросам не имеется между партиями никаких расхождений»³⁶.

Маршал И.С.Конов в Праге

Советских солдат в Чехии встречали действительно как освободителей от нацистского гнета. Политорганы Красной Армии доносили о дружелюбном, как правило, отношении населения: «На улицы выходили толпы людей, много домов было украшено советскими и чехословацкими флагами. Все чешское население осталось на своих местах. Количество чехов, бежавших с немцами, исчисляется единицами»; из освобожденного Брно: «Население города хорошо относится к нашим войскам, интересуется положением на фронтах, жизнью в Советском Союзе»³⁷. А вот свидетельство З.Неедлы: «Красную Армию везде встречают с огромным ликованием. Даже сами красноармейцы утверждают, что нигде не встречали их так тепло и радушно, как в Чехословакии. ... В Праге всюду рядом с чехословацким флагом вывешивается советский флаг, оба гимна (советский и чехословацкий) обязательно исполняются

³⁶ АВП РФ. Ф.0138. Он.26. П.132. Д.5. Л.18.

³⁷ РГАСПИ. Ф.17. Он.128. Д.32. Л.53; Он.125. Д.320. Л.129, 144–145.

один за другим, рядом с портретом Бенеша неизменно висит портрет тов. Сталина»³⁸.

А вот с немцами чехи не церемонились. Хотя власти призывали пражан соблюдать законность, сразу после освобождения, по словам работающего в Праге российского историка Я.Шимова, их ярость «выплеснулась на немцев, в том числе и на мирных жителей, неповинных в зверствах. Многих линчевали прямо на улице»³⁹.

В то же время население, согласно донесениям армейских политорганов, восторженно встречало советские войска⁴⁰. Вот дневниковые свидетельства одного из современников событий 9 мая 1945 г в Праге:

12.00: «На улицах волнение. Едут танки и броневики славной русской армии, парни все в пыли. На улицах огромное воодушевление. Возгласы: слава, здравствуйте, сотни рук поднимаются в приветствии... Поднимается буря ликования во время проезда каждого огромного танка»;

16.00: «Русские солдаты раздают сигареты, папиросы, а также консервы. Потерявшие совесть люди рвут это у них прямо из рук. Во время остановки всей колонны один человек играет на гармошке, а несколько солдат пляшут русские танцы»;

23.00: «Идем спать, вероятно, сегодняшняя ночь будет спокойной. Первая ночь в освобожденной Праге...»⁴¹.

О восторженной встрече населением Чехословакии и особенно Праги Красной Армии докладывал Сталину командующий войсками 1-го Украинского фронта И.С.Конев 12 мая 1945 года⁴². О такого рода настроениях чехов и пражан свидетельствует и донесение политуправления этого фронта в ГлавПУРККА (14 мая 1945 г.), а также другие донесения армейских политорганов. Восторг, ликование, любовь, уважение – это главные слова при характеристике отношения чешского населения к Красной Армии⁴³.

³⁸ АВП РФ. Ф.0138. Оп.26. П.132. Д.5. Л.14, 17.

³⁹ Шимов Я. *Пражское восстание: последние жертвы великой войны. Пражское радио. 26.04.08* (<http://www.radio.cz/ru/statja/103352/limit>).

⁴⁰ См.: *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1985. Т.4. Кн.2* (далее – ДМИСЧО 4-2). С.421, 423, 425, 429–430.

⁴¹ Цит. по: *Kokoška S. Praha v květnu 1945. Historie jedného povstání. Praha, 2005. S.216–217.*

⁴² ДМИСЧО 4-2. С.420–421.

⁴³ Там же. С.423–427, 429–431.

Вместе с тем политуправление 2-го Украинского фронта сообщало в мае 1945 г., что «не все слои населения одинаково охотно участвуют в восстановительных работах. Привлечение населения к оборонным работам проходит в Чехии со значительно большими трудностями, чем в Румынии, Венгрии и Словакии»; что «население сельских местностей настроено значительно дружелюбнее и более охотно участвует в восстановительных и других работах». В информации констатировалось и то, что «в кругах буржуазии и интеллигенции еще довольно сильны проанглийские настроения»⁴⁴. Сторонники прозападной ориентации возрожденной Чехословакии – а таких было немало – надеялись на длительное сотрудничество после войны Востока и Запада и в связи с этим – на трансформацию (в направлении демократизации) советского строя и его методов реализации своей внешней политики, т.е. отказ от советизации и насильственного установления коммунистических режимов⁴⁵. Но в целом, видимо, можно сказать, что прихода русских в Чехии ждали, хотя опасения за свое благополучие у части населения сохранились.

Словакия

Вторая из названных выше группа стран – **Словакия** и **Болгария**. Обе небольшие страны роднило их положение сателлита по отношению к Германии в годы войны, а также достаточно прочные русофильские традиции. Разница состояла в том, что первая участвовала в войне на стороне Третьего рейха и имела своих солдат на советско-германском (так называемом восточном) фронте⁴⁶ (правда, эта война не была популярна в стране), а вторая не воевала против СССР. Как известно, войну Болгарии объявил 5 сентября 1944 г. Советский Союз, а через несколько дней советские войска вступили на ее территорию. Словакия же до конца войны не оставила своего патрона, Гитлера, по воле которого и было создано это государство. У сло-

---

⁴⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.32. Л.54, 56.

⁴⁵ Марьина В.В. ВКП (б) и КПЧ. 1945–1948 // Сталин и холодная война. М., 1998. С.19–22; Ее же. ВКП (б) и КПЧ: от доверия к подозрительности. 1945–1948 гг. // Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С.19–22.

⁴⁶ См. подробнее: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. М., 2009. Кн.2. 1941–1945 гг. С.33–50; Slovensko a druhá svetová vojna. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 29–31 mája 2000. Bratislava, 2000.

вацкого президента монсеньора Й.Тисо не было иной альтернативы: немецкий посланник в Словакии Г.Э.Лудин еще в 1941 году точно определил возможные перспективы для самого Тисо в случае поражения Германии – чешская тюрьма или большевистская виселица. Сам Тисо, сначала довольно популярный в Словакии политический деятель, из-за его негибкого по отношению к Германии курса в конце войны утратил значительную часть своей популярности и авторитета в стране. После подавления Словацкого национального восстания Словакия была оккупирована гитлеровцами⁴⁷. В конце войны среди германофильствующей группировки в Словакии стали шириться настроения алибизма. Одним из наиболее ярких примеров этого стал переход военного министра словацкого правительства Ф.Чатлоша на сторону повстанцев в начале восстания, а затем переправка его в Москву, где он пытался предложить свои услуги в целях более быстрого продвижения Красной Армии, которые не были приняты⁴⁸.

Одновременно с разложением пронемецкого лагеря в Словакии активизировались силы, поддерживавшие идею восстановления Чехословакии, которую разделяли и коммунисты, хотя среди них как в руководстве Коммунистической партии Словакии⁴⁹, так и на местах было много сторонников создания «Советской Словакии» и присоединения ее к СССР. Такой поворот был расценен тогда Заграничным бюро КПЧ в Москве как нежелательное забегание вперед и поэтому отвергнуто. Г.Гусак в информационных сообщениях о положении дел и настроениях в Словакии, подготовленных им в середине 1944 г. и в начале 1945 г. для Загранбюро КПЧ и Разведуправления Главного штаба Красной Армии⁵⁰, в частности, утверждал, что

- «после 1917 г. рабочие массы обратили свои взоры к СССР, считая его образцом в разрешении социально-экономических проблем»;

---

⁴⁷ См. подробнее: *Движение Сопротивления... С.411–429*; *Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С.201–245*; *Ее же. Словацкое национальное восстание в военнополитических планах СССР // Россия XXI. 2003. №3.*

⁴⁸ *Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Уголовное дело по обвинению б[ывшего] главнокомандующего словацкой армией Чатлош Фердинанда; Marjina V. Vázeň butyrskej cely // Historický časopis. Bratislava, 1996. №4.*

⁴⁹ *Например, Густав Гусак, с 1969 года глава КПЧ, а с 1975-го – президент Чехословакии.*

⁵⁰ *РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.774. Л.54–70, 128–218.*

- «весь словацкий народ желает наиболее тесной связи с Советским Союзом»,
- «Словакия подготовлена в психологическом и политическом отношении к приходу Красной Армии»,
- «значительная часть населения с коммунистической ориентацией заранее приветствует Красную Армию, надеясь с ее приходом получить возможность осуществления своих социальных и экономических порядков»⁵¹.

Он полагал, что 70–80% населения Словакии настроены «просоветски». Конечно, это было преувеличением, если понимать под этим установление советского строя, но, вероятно, отражало широкое распространение симпатий к России в словацком обществе. Вот как описывал настроения на территории Средней Словакии известный военный корреспондент газеты «Комсомольская правда» С.К.Крушинский (находившийся там с 27 сентября по 6 октября 1944 г., т.е. во время Словацкого национального восстания): «Для царившего здесь политического настроения самым характерным было чувство дружбы к Советской России и Красной Армии. Здесь видят в нас естественного, желательного и единственно возможного освободителя. Имеющихся здесь советских офицеров предупредительно приветствуют не только все военнослужащие, но также жители (многие поднятием сжатой руки)... Я видел на улице английских и американских офицеров. Они безусловно не встречали такого выражения симпатий... С несомненной искренностью население и солдаты (словацкой армии. – В.М.) ждут прихода частей Красной Армии». Вместе с тем Крушинский указывал «на опасения многих интеллигентов, что они будут лишены материальных удобств», что «произойдет немедленное и механическое уравнивание по беднякам, что будут пересчитаны скатерти и простыни и т.д.»⁵².

Красная Армия вступила на территорию Словакии осенью 1944 года, и примерно восемь месяцев здесь шли бои. Донесений армейских политорганов о положении в стране и настроениях ее населения довольно много; некоторые из них направлялись ГлавПУРККА в ЦК ВКП (б) для сведения и использования в работе его отделов. Характеризуя отношения населения к советским войскам, армейские политработники прибегали к таким выражениям, как:

---

⁵¹ РГАСПИ. Ф.495. Он.74. Д.557. Л.21–40.

⁵² РГАСПИ. Ф.17. Он.128. Д.708. Л.12.

- население «встретило части Красной Армии с большой радостью и восторгом»,
- «повсеместно бойцы и офицеры ощущают теплый, радушный прием и дружественное отношение»,
- «стремятся оказать помощь нашим частям в борьбе против немцев»,
- «симпатии к Советскому Союзу огромны»,
- «большинство населения с нетерпением ждет прихода Красной Армии»,
- «все слои населения горят желанием сотрудничать с Советским Союзом».

В донесениях приводилось много конкретных примеров такого поведения словацкого населения, в целом хорошо встречавшего советские войска⁵³.

Так, в феврале 1945 г. сообщалось, что:

- большинство населения освобожденных районов «проявляет живой интерес к внешнеполитическим и военным событиям»,
- с удовлетворением воспринимаются вести о победах Красной Армии на территории Германии,
- сильны антинемецкие настроения («более сильны, чем в Венгрии»), а в районах, в прошлом оккупированных Венгрией, – антивенгерские настроения, тесно переплетающиеся со словацкими сепаратистскими тенденциями, особенно свойственными представителям интеллигенции.

Сообщалось также, что на освобожденных Красной Армией территориях «ведущую роль играют организации коммунистической партии», которые, однако, не имеют «ясной линии поведения», а многие «высказываются за немедленное установление диктатуры пролетариата»⁵⁴. В донесении от марта 1945 г. утверждалось: «подавляющее большинство населения хорошо относится к Красной Армии, видит в ней освободительницу от ига немецко-фашистских захватчиков»; «среди всех слоев населения сильно распространены антинемецкие настроения». В сообщении о положении в освобожденной Братиславе можно было прочесть: «население встречает наши войска хорошо», выражает «свою горячую благодарность Красной Армии, протянувшей руку помощи словацкому народу». В частности, упоминалось, что известный словацкий писатель Я.Есенский, переведший на словацкий

---

⁵³ ДМИСЧО 4-2. С.215, 245, 253, 257, 273, 279 и др.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.320. Л.39–42.

язык произведения Пушкина, Блока, Маяковского, заявил представителям Красной Армии: «Вы освободили нас от ига наших вековых врагов – немцев и венгров. Мы всегда следили за вашей борьбой и ждали вас. Словацкая интеллигенция считает русских своими старшими братьями. Мы очень рады приходу Красной Армии». Аналогичных сообщений было множество⁵⁵.

Вместе с тем сообщалось и о фактах недовольства, связанных с действиями органов Красной Армии при закупке для неё продовольствия, с отдельными фактами мародерства и насилия со стороны советских солдат⁵⁶. Естественно, что таких сообщений было гораздо меньше; информация о многих нарушениях директив Ставки⁵⁷ просто не попадала в отправляемые наверх донесения. Ведь нарушителей, вне зависимости от должностей и званий, ждало суровое наказание, и факты неблагоприятного поведения солдат и офицеров, если это не получало широкой огласки, либо замалчивались, либо разбирались прямо на месте. Недовольство населения вызывали также карательные действия СМЕРШ и НКВД на освобожденной территории, репрессии против активных сторонников режима Гитлера, следовавшего до конца войны в фарватере политики гитлеровской Германии. Согласно данным словацкого исследователя Р.Летца, органы НКВД проводили аресты преимущественно российских и украинских эмигрантов, затем венгров и немцев, а также словаков, опираясь при этом на помощь местных коммунистов, партизан и используя списки, составленные разведотделами 1-го Чехословацкого армейского корпуса (ЧАК) или оперативными группами СМЕРШ. Летц пишет, что в Восточной Словакии арестовывались в первую очередь представители местной интеллигенции

---

⁵⁵ Там же. Л.79–81, 139–140; Оп.128. Д.32. Л.42.

⁵⁶ Там же. Оп.125. Д.320. Л.48–51.

⁵⁷ В директиве Ставки Верховного Главного Командования, подписанной И.В.Сталиным и А.И.Антоновым 31 октября 1944 г., требовалось «разъяснить всему личному составу войск, что Чехословакия является нашим союзником и отношения со стороны войск Красной Армии к населению освобожденных районов Чехословакии и к повстанческим чехословацким частям должны быть дружественными»; запретить самовольную конфискацию автомашин, лошадей, скота и разного имущества; «при размещении войск в населенных пунктах учитывать интересы местного населения»; все необходимое для нужд армии получать «только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей». Нарушающих приказ следовало привлекать «к суровой ответственности» (ДМИСЧО 4-2. С.225).

с целью ослабить потенциальную антикоммунистическую оппозицию⁵⁸. Неоднозначно оценивало население и мобилизацию словаков в 1-й ЧАК, проводившуюся согласно постановлению Словацкого национального совета от 6 февраля 1945 г. Чтобы избежать ее, часть мужского населения, согласно архивным свидетельствам, скрывалась в лесах. Сначала мобилизация проводилась на добровольной основе, потом стали применяться и методы принуждения. К началу апреля чехословацкий армейский корпус насчитывал уже 31 725 человек. До середины мая, по некоторым сведениям, было мобилизовано почти 68 тысяч словаков⁵⁹.

В целом же известные автору как опубликованные⁶⁰, так и неопубликованные документы дают основание полагать, что для словаков в конце войны были характерны антинемецкие, антивенгерские и прорусские (для какой-то части и просоветские) настроения, независимо от ориентации на сохранение самостоятельного словацкого государства или восстановление Чехословакии. Это, конечно, не означает, что среди части населения (в донесениях чаще всего говорилось о представителях интеллигенции и зажиточного крестьянства), особенно под воздействием немецкой пропаганды и верных Германии властей, перед приходом Красной Армии не наличествовали нежелание нести тяготы военного времени и страх за свою жизнь и имущество⁶¹. «Некоторая часть населения, – говорилось в докладной записке ГлавПУРККА в ЦК ВКП (б) на имя Г.М.Димитрова (март 1945 г.), – опасается того, что Красная Армия рано или поздно введет в Чехословакии свои порядки»⁶². Эти опасения, как показала история, не были напрасными. Только «свои порядки» Кремль вводил уже не столько при помощи Красной Армии (ее части были выведены из Чехословакии к концу 1945 г.), сколько при помощи чешских и словацких коммунистов, часто бегущих «вперед паровоза», а также других методов.

---

⁵⁸ Letz R. *Slovensko v rokoch 1945–1948. Na ceste ke komunistickej totalite*. Bratislava, 1994. S.78–79, 203.

⁵⁹ *Освобождение Словакии в 1944–1945 гг.* (Ervin Pauliak. «Slovo». 31.05.2006) (<http://www.inosmi.ru/print/227822.html>).

⁶⁰ ДМИСЧО 4-2. С.256, 273–275, 279, 292, 298, 318–319, 353–354.

⁶¹ Там же. С.256–257, 273; РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.32. Л.3–5, 18, 34.

⁶² РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.32. Л.30.

Болгария

В Болгарии, где также, как известно, были сильны русофильские настроения и где было достаточно велико влияние коммунистов, авторитет которых вырос к концу войны⁶³, советских солдат, вступивших 8 сентября 1944 г. на территорию страны, встречали цветами, хлебом и солью, встречали как освободителей. Хотя, как говорилось выше, освобождать Болгарию от иноземных поработителей было не надо: немецких войск на ее территории тогда уже практически не было. Поэтому и расценивают подчас некоторые болгарские политики и исследователи факт присутствия советских войск в Болгарии как «советскую оккупацию». Но это – уже после свержения режима Т.Живкова, а в конце войны настроения большинства болгар были в корне противоположными. Сразу же после перехода румыно-болгарской границы советскими войсками в штаб 3-го Украинского фронта начали поступать сообщения о восторженной их встрече населением Болгарии. На дорогах стояли группы людей с хлебом-солью, цветами, фруктами, вином и транспарантами со словами: «Добро пожаловать», «Добре дошли, наши другари!». Болгарские войска получили приказ не «открывать огонь по русским». В свою очередь, И.В.Сталин отдал распоряжение, запрещающее разоружать болгарскую армию, части которой, слившись с партизанскими отрядами, приняли участие в боевых действиях на стороне государств антигитлеровской коалиции⁶⁴. Военные корреспонденты «Правды» В.Кожевников и М.Сиволобов, находившиеся в середине сентября в Софии, описывали восторженный прием частей Красной Армии населением, искренне братское отношение к ее солдатам и офицерам. Вместе с тем они сообщали о фактах мародерства и насилия, усматривая причину в том, что «политический аппарат Красной Армии недостаточно подготовил части Красной Армии к той обстановке, которая существует в Болгарии», а также в том, что еще «недостаточно высока дисциплина, особенно тыловых частей нашей армии, склонных заниматься барохольством». Они отмечали и недостаточно высокий культурный и политический уровень советских комендантов в болгарских городах и селах, которые нередко

---

⁶³ Движение Сопротивления... С.443–461; Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С.262–301.

⁶⁴ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн.3. Освобождение. М., 1999. С.105–106.

«дают указания по политическим вопросам, командуют офицерами болгарской армии и компрометируют офицеров, невзирая на звания и положение, занимаемое ими». Все это, по словам корреспондентов, «кое-где вызывает разочарование и недовольство в среде болгарского народа и является благоприятной почвой для фашистских элементов, уже сейчас поднимающих голову в стране»⁶⁵.

Весьма широкое распространение в Болгарии симпатий к России вовсе не означало полного исчезновения сторонников прозападной ориентации страны, опасавшихся, особенно в связи с ростом влияния коммунистов, быстрой ее советизации и подчинения Москве. Затаились, снизив свою активность до нулевого уровня, и те, кто поддерживал прогерманскую политику в прошлом, но по каким-либо причинам не бежал из страны. В целом же можно, видимо, сказать, что прозападные и остаточные германофильские настроения находились на периферии всего спектра настроений болгарского общества. Главным же было удовлетворение фактом освобождения от германского диктата, новым сближением с Россией, ожидание резко радикализовавшимися народными массами социальных перемен, которые связывались с деятельностью левого правительства Отечественного фронта и его руководящей силы Болгарской рабочей партии, поддержанных Москвой.

Ликование на улицах освобожденной Софии
(Окончание следует)

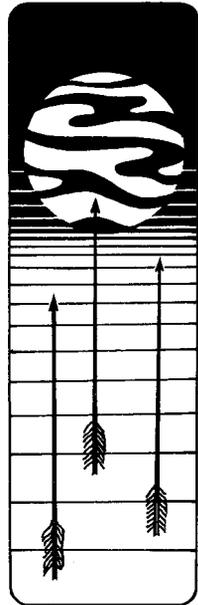
⁶⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.247. Л.72–79.

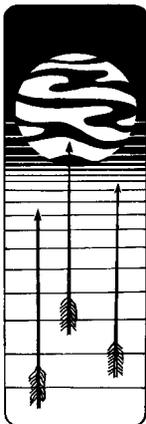
**Христианская любовь направлена –
или во всяком случае
была изначально направлена –
на духовное ядро человека,
на его индивидуальную личность.**

Макс Шелер

**Всякая действительная жизнь
есть встреча.**

Мартин Бубер

Михаил Реутин

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ ИОАННА ЭКХАРТА. ТЕОРИЯ ЭКСТАЗА

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
215

This article on the essential teaching of great German mystic Meister Eckhart (c.1260–1328) is the result of many years of personal study. The article introduces to his anthropology and his scholastic theory of ecstasy and is divided into three chapters. The first chapter is an overview of heretical studies of man (“Le Mirouer des simples ames” of M.Porete, anonymous “Schwester Katrei” etc.) from the 13–14 centuries which had an influence on Eckhart’s theology. The second and third chapters are a description of Eckhart’s study of ecstasy, that have in the author’s view a lot of common traits with the theological teaching of Byzantine theologian Gr.Palamas. The reseach is aimed to find a common approach to the comparison between German and Byzantine theology and mysticism of the late Middle Age.

Ключевые слова: христианский неоплатонизм; эманационизм; теория экстаза; «духовные совершенства»; критерии мистического опыта.

Keywords: Christian neoplatonism; emanationism; the theory of ecstasy; “spiritual perfections”; criteria of mystical experience.

E-mail: mreutin@mail.ru

В исследованиях культуры, в том числе в исследованиях религии, мистики, этики, самым захватывающим и действительно интересным оказывается начало, та точка отсчета, от которой проистекают все остальные идеи, ментальные структуры, интерпретации, концепты. Фиксация этого первичного состояния духа – одна из задач историка культуры. Ведь есть основания, дальше которых религия и философия не идут, но все из этих оснований производят.

Статья М.Ю.Реутина привлекла нас именно редким сочетанием масштабного взгляда на историю европейской мистики и европейского религиозного мировидения, с одной стороны, и академической основательностью, с другой. Лишь поверхностный взгляд не уловит в этом далеком от современности материале очень созвучных нашему времени интонаций. Мистика, средневековое сектантство, теоретическое обоснование народного вольнодумства, схоластика – все эти далекие от современности материи, действительно, могут быть по-настоящему поняты историком идей, культурологом, философом, религиоведом. Но какое отношение это имеет к современному человеку? Ведь речь идет об ушедшей цивилизации. Мир Средневековья неповторим, и в него нельзя войти дважды, как и в Гераклитову реку.

Тем не менее статья М.Ю.Реутина злободневна. Историко-культурный смысл анализируемого материала вполне очевиден. В мистике Экхарта не только оформились новое самосознание западного христианства, протестантский харизматический протест и оригинальная этическая доктрина, но и предпосылки того состояния культуры и общественных институтов, которые мы сейчас называем *модерном*. Предпосылки модерна, осуществившего переворот в области духа, были вполне религиозными, глубоко спиритуалистическими. Однако пантеизм народных ересей и свободомыслие схоластов, преподавателей средневековых университетов породили новое состояние сознания – на первом месте здесь были индивидуальная ответственность, глубокое переживание личной сопричастности Божеству, свободный выбор, не детерминированный внешними путями. Как трудно отрицать связь между протестантизмом и модерном, так и трудно не видеть, что в мистике Экхарта зародилось новое учение о человеке.

От редакции

1. Предварительные замечания

13 апреля 1517 года М.Лютер прибывает к дверям одной из церквей Виттенберга список, составленный из «Ста пятидесяти одного тезиса о природе, законе и благодати». Но событие это, которым, как известно, началась Реформация, завершило собой двухвековую историю под-

спудных, порой едва заметных изменений. В определенный момент в результате своего накопления они перешли из закрытой фазы в открытую. В чем же состояли такие изменения? Прежде всего, в зарождении образа мира, в центре которого стоит *харизматик*, человек, принявший на себя роль посредника между горним и дольным, трансцендентным и имманентным и тем самым упразднивший значение Церкви и ее таинств. Процесс этот набрал обороты в мистике рейнских мастеров: И.Экхарта (ок. 1260–1328), Г.Сузо (ок. 1295–1366), И.Таулера (ок. 1300–1361). М.Лютер знал и был в значительной мере ориентирован на мистику XIV века. (За образец для своих гомилетических сочинений он брал проповеди Таулера, которые читал в изданиях 1498 и 1508 годов; в 1516 году фрагментарно, а в 1518 году полностью издал текст «Немецкой теологии».) Однако дело не в этом, но в том, что изменения, о которых следует речь, имели повсеместный характер и были отражены в разных текстах предреформационной эпохи, в частности в хрониках женских доминиканских монастырей и в видениях монахинь (Адельхайд Лангманн, Агнессы Бланнбекин, Екатерины и Маргариты Эбнер, Элсбет фон Ойе) XIV–XV веков... «Замер» мировоззренческих изменений и деформаций, приведших через полтора столетия к Реформации, можно было бы сделать повсюду. Но лучше – в трудах Иоанна Экхарта, поскольку, вследствие его схоластической выучки, указанные деформации, изменения получили в них адекватное, очень подробное, теоретически продуманное закрепление. Кроме того, в силу своей совершенно исключительной одаренности, Экхарт был *типичной*, не среднестатистической, но прекрасной в своем роде, фигурой. Общие тенденции, развивавшиеся в его среде в его время, были отражены в его метафизических и этических сочинениях с наибольшей силой.

2. Совершенный человек в сектантской культуре рубежа XIII–XIV вв.

Экхартовский образ человека уходит своими корнями в культуру пантеистических сект позднего Средневековья. На рубеже XIII–XIV веков в рамках еретической культуры разрабатывался *экспериментальный концепт праведника*. Созданный, по всей вероятности, в воспитательных целях, этот концепт совмещал в себе детально продуманную поведенческую модель и метафизическое обоснование такой модели. Кроме того, концепт праведника задавал принципы отношений к внешней реальности, католической Церкви и

общественным институтам. Как же в основных чертах выглядел этот концепт?

Человек есть Бог, – звучит семьдесят седьмой из девяноста семи тезисов, составленных Альбертом Великим по итогам инквизиционного расследования ереси «Свободного духа», получившей распространение в 1270–1273 годах в швабском селении Риз, – либо может стать Богом (14). Душа, объединившись с Богом, обожествляется (25), становится божественной и совечной Богу (95), сам же человек – равным Отцу (27), родителем Бога, равным Христу (98) и высшим Христа (58), так что Бог через него делает все (56). Впрочем, и сам человек все сотворил, и сотворил больше, чем Бог... Душа происходит (96), взята (7) из сущности Божьей, ведь и всякая тварь является Богом (76), исполнена им (103). Имея благодать, хотя и не имея ее¹, благой человек (2) не будет благим, если, углубляясь в себя, от внешнего к внутреннему (78), не покинет Бога ради Бога (19)... Такой человек не может грешить (21, 24), пусть даже он не почитает Бога (74) и делает все, что захочет (72). Для него грех не во грех (55, 100). Его свободу нельзя ограничить ни предписаниями книжников (17, 116), ни церковным уставом: молитвой, постом, храмовой службой и почитанием святых (4, 44, 50, 32, 39).

Многие положения экхартовской теологии: «Высшее и самое главное, что человек может оставить, это когда он Бога покидает ради Бога»², «Мой мизинец создал все»³, «Смиренному человеку высокого рода недостаточно быть единокровным Сыном, Которого Отец родил в вечности. Он хочет быть и Отцом и родить Того, Кем я предвечно рожден»⁴ и т.д. – многие из положений теологии Экхарта весьма напоминают приведенные выше тезисы. Однако на сегодняшний день сложно сказать, являются ли такие переключки результатом знакомства с записями (т.н.

¹ «...bonus homo dicere vere potest gratiam se habere et non habere contra primum principium omnis veritatis, quod de quolibet vel negationem vel affirmationem esse veram et de nullo simul» (Preger W. *Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter*: in 3 Bd. Leipzig, 1874. Bd.1. S.461).

² Meister Eckhart. *Predigt 12 // Meister Eckhart. Die deutschen Werke*: in 5 Bd. Stuttgart: W.Kohlhammer Verl., 1936–1997 (Далее – DW; после страницы через запятую указан номер строки). Bd.1. S.196, 6–7. – Изучением богословия Экхарта на фоне современных ему еретических движений занимался историк Х.Грундман (См.: Grundmann H. *Ausgewählte Aufsätze*: in 3 Bd. Stuttgart, 1976. Bd.1.

³ *Acten zum Prozesse Meister Eckeharts // Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters / Hrsg. von P.H.Denifle und Fr.Ehrle. Berlin, 1886. Bd.2. S.631.*

⁴ Meister Eckhart. *Predigt 14 // DW. Bd.1. S.239, 4–7.*

«Определениями») Альберта или же они представляют собой результат непосредственного общения с простонародной средой, голос которой дошел до нас в актах инквизиционного разбирательства середины 1270-х годов.

Был знаком Экхарт и с «*Зерцалом простых душ*» (*Miroir des simples âmes*) француженки *Маргариты Порете*, сожженной 31 мая 1310 года на Гревской площади в Париже. В суде над ней принимал активное участие Вильем Парижский, настоятель конвента св. Жака, в котором год спустя проживал Экхарт, преподавая в Сорбонне. Трактат французской бегинки сосредоточен на динамике внутреннего богочеловеческого процесса, целью которого является статус совершенства, описанный по его внешним чертам Альбертом Великим. Согласно Маргарите, существует своего рода обратная пропорция между интенсивностью самообнаружений Бога в душе, с одной стороны, и интенсивностью ее произвольного самоуничтожения, – с другой. (Ср. Экхарт: «Вещи надо наружу, если Богу нужно вовнутрь»⁵, «Выйди полностью из себя самого ради Бога, и тогда Бог из Себя Самого полностью выйдет ради тебя»⁶ и т.д.) Человеку следует себя внутренне уничтожить (*Je suis nient*). Его душа должна стать мертвой для всего изнутри и снаружи, и тогда в ней явится Бог: «Я буду действовать в ней без нее, ибо... вера в Меня превратила ее в ничто»⁷. Душа – забытая и нагая; ее уничтожение – это встреча с далеко-близким (*Loingprés*) Возлюбленным. И такая встреча, подобно молнии, ярка и мгновенна. Уничтоженная душа свободна (*franc*); она освобождена (*enfranchi*) ее Женихом (ср. Экхарт: «Отрешенность соприкасается столь тесно с ничто, что между совершенной отрешенностью и ничто не может быть ничего»⁸). Лишь такая душа вышла из состояния рабства (*servage*) своим добродетелям и особенно разуму. Она выучилась у своих господ, чему те могли ее обучить, и теперь господствует над ними. (Из инквизиционного протокола: «Уничтоженная душа прощается с добродетелями и более не находится в рабстве у них, но сами совершенства служат ей по кивку»⁹.) Поэтому душа и зовется Маргаритой «Госпожой добродетелей» (*maistresse, dame des*

---

⁵ Meister Eckhart. Predigt 11 // DW. Bd.I. S.178, 11–179, 1.

⁶ Meister Eckhart. Predigt 5 b // DW. Bd.I. S.93, 6–7.

⁷ Porete M. *Le Miroir des simples âmes*. Turnholt, 1986. P.178.

⁸ Meister Eckhart. *Von abegescheidenheit* // DW. Bd.V. S.405, 3–5.

⁹ Cum. no: Heid U. *Studien zu Marguerite Porete und ihrem Miroir des simples âmes // Religiöse Frauenbewegung und mystische Frömmigkeit im Mittelalter*. Köln; Wien, 1988. S.200.

vertuz). Главное ничего не желать, даже исполнения божественной воли ради нее же самой (ср. Эххарт: «Покуда имеете волю исполнять волю Божью и стремление к вечности, к Богу, до тех пор вы не нищи, ибо нищ тот человек, кто ничего не хочет и ничего не желает»¹⁰). На высших ступенях совершенства душа с любовью едина и тождественна ей. В таком состоянии она не нуждается ни в бедности, ни в борьбе с грехом, ни в мессе, ни в проповеди, ни в посте, ни в молитве. Ей вообще не нужна «малая Церковь» (*Sainte Eglise la Petite*); она принадлежит к «Церкви великой» (*Sainte Eglise la Grande*).

Когда после второго парижского магистериума (1311–1313) И.Эххарт перебрался в Страсбург, где на него (до 1321/1322) была возложена обязанность курировать местные бегинажи, подконтрольные доминиканцам швейцарские и южнонемецкие женские монастыри, он вновь, как и раньше, в бытность викарием Тюрингии или провинциалом Тевтонии, столкнулся с протонародной пантеистической религиозностью. В 1317–1320 годах на юге Германии подверглись открытому преследованию оседлые, находящиеся под покровительством доминиканцев женские общины, а также *секта безгардов* (*secta Beghardorum*, официальное название упомянутой выше секты «"Свободного Духа" и принявших добровольную бедность чад, братьев и сестер»). Массовые казни начались в связи с публикацией *грамоты* Страсбургского епископа Иоанна I (август 1317 г.), к которой прилагался подробный список заблуждений местных сектантов. Тут также имеется ряд положений, близко напоминающих тезисы эххартской теологии и основанных на посылке: «Бог так пребывает во всем, что все является Богом, что же не является Богом, то есть ничто»; посему совершенные «реально и воистину» являются самим Богом, они и он – «то же самое и одно бытие, каковое есть Бог, без всякого различия»¹¹. Если в тезисах еретиков селения Риз в основном описывался внешний образ жизни праведного человека, а в трактате Маргариты Порете индивидуальная динамика богочеловеческих отношений, то в списке Иоанна I рассматриваются общие (метафизические) предпосылки, при которых подобные отношения только и могут возникнуть, развиваться. Главной из таких предпосылок является онтологическое тождество Бога и объединенного с ним чело-

¹⁰ Meister Eckhart. Predigt 52 // DW. Bd.II. S.491, 9–492, 2.

¹¹ Patschovsky A. Straßburger Beginnenverfolgungen im 14. Jahrhundert // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters namens der Monumenta Germaniae Historica. Köln; Wien, 1974. Bd.30/1. S.146.

века (ср. Экхарт: «Сей человек... становится тем, чем Сам по Себе является Бог»¹²). Оказывается, в этом последнем совершенства обретаются тем именно способом, каким они обретаются в Боге. Живя в этом мире, такой человек уже обретается в вечности; он сотворил все то же, что Бог, и даже больше, чем Бог. Своими заслугами он превосходит Христа, деву Марию и любого святого (ср. Экхарт: «Во всем том, что Отец некогда сообщил Своему Сыну Иисусу Христу в человеческом естестве, Он призрел на меня раньше и возлюбил меня больше Него и дал мне сие прежде Него»¹³). И, вообще, такой человек уже не нуждается ни в Боге, ни в Божестве, он может им помыкать (ср. Экхарт: «Смиренному человеку не нужно Бога просить, он Ему может приказывать... Смиренный человек так же властен над Богом, как властен и над собою самим»¹⁴). Он вечен и свободен, как Св. Дух. После смерти совершенного человека не останется ни души, ни его тела (ведь они – акциденции), но останется то, что у него было от века... Так-то они отрицают воскресение в том смысле, в каком его исповедуют верные чада Церкви, – приходит к выводу составитель рассматриваемого документа.

Что касается страсбургских преследований, то они распространялись, прежде всего, на радикальное крыло женского мистического движения начала XIV века – бродячих, нищенствующих бегинок, не окормляемых ни одним из монашеских орденов и стоящих одной ногой в ереси. Яркой представительницей таких бегинок была духовная дочь И.Экхарта сестра Катрай (ее образ выведен М.В.Сабашниковой в предисловии к экхартовским проповедям). Именем сестры Катрай назван трактат *«Daz ist Swester Katrei Meister Ekehartes tochter von Strâzburg»*, написанный в ближайшем окружении Экхарта. Как мистическая, так и этическая его доктрина зиждется опять-таки на откровенно пантеистическом положении: «Свое бытие люди имеют от Бога», «Они – в Боге, а Бог – в них», «они стоят в сущности Божьей»¹⁵.

---

¹² Meister Eckhart. Predigt 12 // DW. Bd.I. S.194, 7–8.

¹³ Meister Eckhart. Predigt 5 a // DW. Bd.I. S.77, 11–13

¹⁴ Meister Eckhart. Predigt 15 // DW. Bd.I. S.246, 10–14

¹⁵ *Deutsche Mystiker des 14. Jahrhunderts: in 2 Bd. / Hrsg. von F.Pfeiffer. Lpz.: Göschensche Verlagshandlung, 1857. Bd.2 (Dalee – Pf.). S.471–472; Schweitzer F.-J. Der Freiheitsbegriff der deutschen Mystik. Seine Beziehung zur Ketzerei der «Brüder und Schwestern vom Freien Geist», mit besonderer Rücksicht auf den pseudoeckhartischen Traktat «Schwester Katrei» (Edition). Frankfurt (am M.); Bern, 1981.*

Итак, эххартовский образ «праведника» (*der gerechte, iustus*), или иначе «человека высокого рода» (*ein edel mensche*), укоренен в концепте совершенной личности, разработанном в пределах еретической культуры позднего Средневековья. Этот концепт был представлен в частных своих вариантах: «благого человека» (*bonus homo*) секты селения Риз, «уничтоженной души» (*ame anientie*) Маргариты Порете, «совершенно-го» (*perfectus*) из перечня, составленного страсбургским епископом Иоанном I, наконец, «друзей Божьих» (*diu friunde gotes*) анонимного трактата «Сестра Катрай».

3. «Праведник» в эххартовском «Толковании на Евангелие от Иоанна»

Коль скоро речь заходит о собственно эххартовских представлениях о человеке, то следует иметь в виду, что рейнский мистик вообще был мастером промежуточных решений. Так, например, все его учение о тварном мире было выстроено на основе *теории аналогии*. При этом И.Эххарт противопоставлял аналогию не только соименной символизации (*univoca*), отражавшей, в порядке гипотетического предположения, сущностное тождество Бога и сотворенного мира и таким образом теоретически обосновывавшей еретический пантеизм. Но противопоставлял аналогию и символизации одноименной (*aequivoca*), условно гипотетически описывавшей сущностное различие между Богом и созданным им миром и в этом качестве подводящей логическое основание под еретический дуализм. В одностороннем самоутверждении ни та, ни другая символизация не в состоянии, согласно Эххарту, отразить главную апорию мистического опыта – переживание некоторого присутствия Бога в мире, при том, что сам по себе и как таковой Бог в мире отсутствует: «Бог – во всех вещах: чем больше Он в вещах, тем больше Он вне вещей; чем больше внутри, тем больше вне, и чем больше вне, тем больше внутри»¹⁶. Такое переживание успешно формулируется в терминах учения об аналогии (*analogia*) – учения о не сущностном тождестве сущностно не тождественного... Окормляя бегинажи и женские монастыри, И.Эххарт не ставил перед собою задачи утвердить либо отвергнуть стихийно-пантеистический опыт своих подопечных (этот опыт *de facto* был связан с архаической, родовой и сельскохозяйственной, магией). Эххарт ставил перед собою гораздо более сложную задачу *герменевтического, педаго-*

---

¹⁶ Meister Eckhart. Predigt 30 // DW. Bd.II. S.94, 6–7.

гического характера: воцерковить указанный опыт, истолковав его в корректных схоластических понятиях своего времени (естественно, отчасти видоизменяя такие понятия) и распространив свое толкование в среде простонародных мистов, экстатиков обоих полов. В результате такого толкования возник оригинальный экхартовский образ человека, а его каркас был построен с помощью общефилософских понятий аналогии, соименной и одноименной символизации.

Общее введение в учение о человеке И.Экхарта содержится в гл.1 его «Книги божественного утешения»:

«Поначалу надобно знать, что мудрец и мудрость, правдолюбец и истина, праведник и праведность, блаженный и благостыня друг на друга взирают и так друг к другу относятся: благостыня не сотворена, не создана, не рождена, хотя она и рождающая и порождает блаженного. А блаженный, коль он вправду блажен, – не созданный и не сотворенный, но рожденный ребенок и сын благостыни. Сама себя и все, что она есть, благостыня порождает в блаженном. Сущность, знание, любовь и деяние вливает она с избытком в блаженного. Блаженный же берет все свое существо, знание, любовь и деяние из сердца и сокровенных недр благостыни и лишь из нее. Блаженный и благостыня суть не что иное, как единое благо, все во всем, кроме порождения и рождения-становления. И все же порождение, присущее благостыне, и рождение-становление в блаженном суть единая сущность, единая жизнь. Все, что имеет блаженный, он получает от благостыни и в благостыне. Тут он есть, существует и жительствоует. Здесь осознает он себя самого и все, что он сознает, и любит все, что он любит, и творит с благостыней [и] в благостыне, а благостыня с ним и в нем, все их дела сообразно тому, как написано и как Сын говорит: "Отец, во Мне пребывающий и живущий, совершает дела"..."¹⁷.

В схоластических трактатах экхартовского «Трехчастного труда» истина, праведность, мудрость, благостыня, прибавленная к ним святость называются «духовными совершенствами» (*perfectiones spirituales*). Духовные совершенства – не что иное, как Бог, «взятый», однако, не сам по себе, как Божество («Бог есть Разум, живущий в осознании только себя самого»¹⁸), но в своей обращенности к творению («Бог наслаждается во всех вещах Собою Самим»¹⁹). Представляя собой эманации

---

¹⁷ Meister Eckhart. *Daz buoch der götlichen tröstunge. Cap.1 // DW. Bd.V. S.9, 4–20.*

¹⁸ Meister Eckhart. *Predigt 9 // DW. Bd.I. S.150, 5.*

¹⁹ Meister Eckhart. *Predigt 56 // Pf. S.180, 19.*

Божьи – из чего следует вывод об экхартовском неоплатонизме, хотя бы и в его христианской модификации, – «духовные совершенства» являются средним звеном между Божеством и тварным человеком. Таким образом, существуют два узла отношений, именно: между Божеством и «духовными совершенствами», между «духовными совершенствами» и человеком. Первый из этих узлов мы рассмотрели в других наших статьях²⁰; второй узел непосредственно связан с экхартовской антропологией. Он тщательно исследован самим Экхартом в п.14–22 «Толкования на Евангелие от Иоанна», на примере отношений праведности и праведника²¹.

Здесь доминиканский теолог выделяет *четыре позиции*: 1) Божество, 2) праведность не рожденную, 3) рожденную праведность и 4) праведника. При этом два центральных звена: не рожденная (*ingenita iustitia*) и рожденная праведность (*genita iustitia*), наряду с истиной, мудростью, святостью, благодатью, представляют собой единое духовное совершенство. Оно берется в двух разных ракурсах: применительно к Богу и применительно к человеку, и является, если прибегнуть к терминам экхартовской теории образа, Божеством «в Своем ином» (*in se altero*), находящемся в мире тварных вещей «иным способом» (*sub alio modo*) своего бытия²².

Переходя к праведнику, надо заметить, что он попеременно характеризуется Экхартом как праведник «как таковой» (*iustus ut sic*) и как праведник «в себе» (*iustus in se ipso*). Если первый «обретается в самой праведности» (*est in ipsa iustitia*), то второй «темен, не светит» (*tenebrosus, non lucet*). Определить точнее различие между ними помогает один из отрывков гл.2 «Книги божественного утешения»:

«Все, что праведнику принадлежит, исключая то, что образует его праведность, в силу чего он становится праведен, – это есть чадо,

²⁰ Реутин М.Ю. Иоанн Экхарт – Григорий Палама: Бог, эманация, тварь // Вопросы философии. М., 2010. №6. С.153–162; Его же. Толкование Иоанна Экхарта на библейскую книгу «Исход». Предисловие к переводу // Там же. №7. С. 117–127.

²¹ Meister Eckhart. *Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem*. P.14–22 // Meister Eckhart. *Die lateinischen Werke*: in 5 Bd. Stuttgart: W.Kohlhammer Verl., 1936–1988 (Далее – LW). Bd.III. S.13, 4–19, 2.

²² Meister Eckhart. *Sermo 49/2*. P.510 // LW. Bd.IV. S.425, 5–8; *Sermo 50*. P.513 // LW. Bd.IV. S.430, 1–4. *Позаимствовано из: Liber de causis*. §14 (Die pseudo-aristotelische Schrift «Über das reine Gute», bekannt unter dem Namen Liber de causis / Hrsg. von O.Bardenhewer. Freiburg (im Br.), 1961. S.177.)

имеющее отца на земле, и творение. [Оно] тварно и создано, ведь и его отец является тварью, созданной и сотворенной. Но праведное само по себе, – ибо оно имеет Отца не созданного и нетварного, и Бог и праведность суть одно, и лишь праведность есть его Отец, – посему скорбь и горе могут войти в него так же мало, как в Бога»²³.

Согласно И.Экхарту, праведный человек одновременно существует в двух планах: поскольку он причастный самой праведности праведник и поскольку он человек. Соответственно он в одно и то же время имеет два ряда определений: вечный и временный, нетварный и тварный, безгрешный и грешный и пр. Находясь в одном человеке, праведник «как таковой» и праведник «в себе» онтологически разнородны. Праведник «как таковой» есть не что иное, как рожденная праведность, Бог. Три первых члена всей четверицы: Божество, праведность не рожденная, рожденная праведность (= праведник «как таковой») – однородные, соименные сущности (*univoca*), связанные, на первый взгляд, озадачивающим отношением «порождения» (*generatio*). Однако о пантеизме здесь говорить не приходится, ведь последний член упомянутой триады, рожденная праведность (= праведник «как таковой»), связан с праведником «самим в себе» аналогическим образом (*analogia*), по смежности. Они – разнородные сущности, связанные друг с другом несущностным тождеством... Так-то, комбинируя сущностное и несущностное тождество (и соответствующие им методы символизации), Экхарт преодолевает непреодолимую пропасть дуализма, пролегуя между разнородными по существу Богом и миром, по отношению к которым любые одинаково звучащие высказывания по необходимости одноименны (*aequivoca*), омонимичны: мудрость Бога – мудрость человека и пр. Вся динамика, можно сказать, вся драма христианской жизни заключается, по Экхарту, в том, чтобы пробиться от себя «самого в себе» – темного, преходящего, тварного, к иноприродному себе – к себе же «как таковому», светлому, вечному, несотворенному, к рожденной в нем праведности, к Богу.

На то же понятие праведника «как такового» Экхарт выходит и другим путем в п.23–27 «Толкования на Евангелие от Иоанна». В этом отрывке, а он непосредственно следует за отрывком о праведнике и праведности и подытоживает его, в общих чертах сформулировано уче-

---

²³ Meister Eckhart. *Daz buoch der götlichen træstunge. Cap.1 // DW. Bd.V. S.12, 10–15.*

ние об образе (*imago*)²⁴. Там, где другие различали две, Экхарт различал *четыре позиции*, по паре для означаемого и для означающего. Для означаемого: 1) «*exemplar*», вещь сама по себе, замкнутая в своем предметном существовании; и 2) вещь «*exemplar in quantum exemplar est*», наличествующая для иного – не в полноте своего предметного существования или состава, какова она есть сама по себе, но в меру ее явленности иному в качестве его прообраза. Для означающего: 1) «*imago*», вещь как таковая, существующая в своем предметном составе; и 2) вещь «*imago in quantum imago est*», наличествующая в таком качестве по отношению к своему прообразу – за его счет и в меру его обнаружения в ней. С помощью таких позиций Экхарт надеется описать отношения означаемого и означающего. Как пара вещей (ибо кто станет спорить, что прообраз и образ суть вещи?), они не имеют отношения друг к другу. Но «образ в качестве образа», а не как вещь, в которой закреплен образ, получает свое бытие от «прообраза в качестве прообраза», а не от предметного носителя, в котором закрепляется прообраз. Между «прообразом в качестве прообраза» и «образом в качестве образа» существуют отношения порождения: «*Est idem in natura, differens in modo essendi: hinc genita, illinc gignens*»²⁵.

Очевидно, что результаты анализов, осуществленных Экхартом в п.14–22 и в п.23–27 «Толкования на Евангелие от Иоанна», в точности совпадают и без труда накладываются друг на друга. Божеству соответствует прообраз как вещь, «праведности не рожденной» – «прообраз в качестве прообраза», «рожденной праведности» – «образ в качестве образа» и праведнику «в себе» – образ как вещь... Как нам неоднократно приходилось доказывать, в четырех позициях учений о праведности и праведнике и о знаке нашли отражение *первые гипотезы* платоновского «Парменида» (370–360 гг. до н.э.), с которым Экхарт мог ознакомиться как непосредственно, так и через толкования Прокла (2-я половина V в.). Большая часть «Парменида» и прокловских толкований была переведена на латынь (до 1286 г.) другом Фомы Вильемом де Мёрбеке²⁶.

²⁴ Meister Eckhart. *Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem. P.23–27 // LW. Bd.III, S.19, 3–21, 13.*

²⁵ «Одно и то же по природе, разное по способу бытия: с одной стороны, порожденный, с другой, порождающий» (Meister Eckhart. *Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem. P.367 // LW. Bd.III. S.312, 3–4.*)

²⁶ См.: Реутин М.Ю. *Поэтика гипотезы. Традиция платоновского «Парменида» в творчестве Майстера Экхарта // Arbor mundi. М., 2010. Вып.16. С.28–48. – Передаточным*

В первых гипотезах «Парменида» единое и многое / иное (у Экхарта: Бог и мир) рассматриваются то безотносительно, то относительно друг друга. Принимая во внимание, что, кроме этих членов соотношения, других членов не имеется и, следовательно, каждый из них может описываться лишь друг относительно друга, полагание единого и многого / иного безотносительно друг друга вполне логично требует их номинации «Ничто» и «ничто», полагание же относительное ведет к номинациям «Нечто» и «нечто» (арабские цифры указывают на стандартную, общепринятую разметку платоновских текстов, которая обычно дается как сама собой разумеющаяся без всяких оговорок, римские цифры указывают на № гипотезы): гипотеза I, 137 с–142 b: единое как ничто; гипотеза II, 142 b–155 e: единое как нечто; гипотеза IV, 157 b–159 b: иное как нечто; гипотеза V, 159 b–160 b: иное как ничто. Открытие И.Экхарта: праведник «как таковой», «образ в качестве образа» – следует возводить к гипотезе IV платоновского «Парменида».

Возвращаясь к мысли Экхарта об «образе в качестве образа», разумно задаться вопросом: как же рейнский мистик рассчитывает описать своей зачастую полуграмотной пастве его тончайшую и лишённую материального субстрата реальность? – Как обычно: пользуясь парадоксами, беря примеры из повседневного быта, балансируя на острой грани безумия и глубочайшего смысла:

«Когда кто-нибудь на стене нарисует картину, то стена станет носителем этой картины (*ain enthalt des bildes*). Кто на стене полюбит картину, тот вместе с нею полюбит и стену, а кто уберет стену, тот уберет и картину. Но ты убери стену так, чтобы картина осталась. И картина станет носителем себя самоё (*sein selbs enthalt*). Тогда тот, кто любит картину, будет любить только картину. Посему любите все то, что достойно любви, а не то, в чем оно предстает достойным любви. И тогда ты будешь любить только Бога»²⁷.

Такую-то «картину» Бога, начертанную на субстрате души, Экхарт назвал в страсбургский период своего творчества «искоркой». Он воспользовался образом (*vüncelîn, ein klein geneisterlein*) из мифопоэтического ряда монахинь и бегинок, чтобы обозначить им заранее созданную позицию, которую раньше, в латинском «Трехчастном труде», обо-

---

звеньями между платоновским «Парменидом» и творчеством Экхарта были также поздние «Первоосновы теологии» Прокла и их конспект 2-й половины XII века «Книга о причинах».

²⁷ Meister Eckhart. Predigt 63 // DW. Bd.III. S.78, 6–11.

значал таинственным, с неясной этимологией словом «синтересис» (*synderesis*). – Размышляя над «искоркой» и отталкиваясь от своей четырехпозиционной теории образа, доминиканский теолог приступает к описанию богочеловеческого взаимодействия в недрах души. Дело в том, что Бог, в отличие от вещей, не из чего не сделан, у него нет никакого субстрата, который, будучи прообразом в качестве вещи (см. выше), не вошел бы в свой образ в душе. «Когда лицо окажется перед зеркалом, то оно должно в нем отразиться, естество же не вообразится в образ на зеркале; а рот, нос и глаза и все очертания лица – все это в зеркале отразится. Ведь Бог сохранил лишь для Себя: в чем бы ни отражаться, в то, вполне и произвольно, воображать Свое естество и все, что Он есть и способен подать»²⁸. Отсюда становится понятен основной мотив экхартовской мистики: рождение Слова в душе. Слово, по крайней мере, звучащее слово, тождественно для Экхарта своему значению. В нем нет ничего, что не могло бы быть усвоено разумом, верховной частью души человека.

Завершая очерк экхартовской метафизики «человека высокого рода», следует заметить, что Экхарт идентифицирует праведника «как такового» не только с «рожденной праведностью». Скользя снизу вверх по вертикали: «рожденная праведность» – «праведность не рожденная» – Божество, он время от времени идентифицирует праведника «как такового» также с *двумя последними членами*. И в этом, разумеется, нет никакого противоречия, поскольку вся вертикаль характеризуется онтологическим тождеством. Так, идентифицируя праведника «как такового» с «праведностью не рожденной», мистик утверждает в проп. 6: «Они (праведники. – *М.Р.*) живут вечно "у Бога", ровно при Боге, ни ниже, ни выше Него. Они творят все их дела при Боге, Бог же – при них... Праведная душа должна быть ровно при Боге и прямо у Бога, именно равной, ни под, ни над Ним»²⁹. А вот чему учит Экхарт в проп. 52 в порядке отождествления праведника «как такового» с до-троичным Божеством, или, иначе, предвечной идеи о праведнике с Тем, в Ком она обретается:

«И вот, умоляю я Бога: да сделает Он меня свободным от "Бога", ибо мое сущностное бытие выше Бога, поскольку мы берем Бога как начало творений. Ведь в той самой сущности Божьей, где Бог – над бытием и выше различий, там был я собою, там я хотел себя самого и сознавал сам себя как Творца себя, *этого* человека. Посему я – причина себя по

²⁸ Meister Eckhart. Predigt 16 b // DW. Bd.I. S.266, 2–7.

²⁹ Meister Eckhart. Predigt 6 // DW. Bd.I. S.106, 4–7.

моему бытию, которое вечно, а не по моему становлению, которое временно. И поэтому же я не рожден, и, по образу моей нерожденности, никогда не смогу умереть. По образу моей нерожденности, я был вечно, есмь ныне и вечно пребуду. Чем же являюсь я по рождению, тому надлежит умереть и обратиться в ничто, ибо это подвержено смерти, потому со временем это и гибнет. При моем рождении появились все вещи, и я был причиною себя самого и всех вещей. И если бы я пожелал, то не было бы ни меня, ни вещей. А не будь меня, не было бы и "Бога". Что Бог является "Богом", тому причиною я. Не будь меня, Бог не был бы "Богом"»³⁰.

Известная переводчица немецких сочинений Экхарта Н.О.Гучинская некогда писала о его «безбожии», «неимении» Бога³¹. Действительно, безбожие является обратной стороной экхартовского благочестия. Оно задано не на эмоциональном уровне, но подготавливается всем строением его богословской доктрины, а именно: *интериоризацией* Бога – ведь Бог у него отождествляется с человеком – и, как следствие, переходом от теоцентричной картины мира к картине мира антропоцентричной, в центре которой стоит праведник «как таковой» – мера и судия для всего, в том числе и для Бога. В этом плане Экхарт является типичным ренессансным мыслителем.

4. Критерии мистического опыта

Теперь, не меняя предмета анализа, каковым остается все тот же образ человека в творчестве Экхарта, нам предстоит изменить перспективу исследования и перейти от общепhilosophического обоснования образа к признакам индивидуального мистического опыта, этим образом закрепляемого. Поскольку выведенный Экхартом образ имеет программный, императивный характер и представляет собою в большей мере экспериментальный концепт, нежели типическое обобщение наличной реальности, постольку признаки закрепляемого им опыта необходимо одновременно рассматривать как оценочные принципы и критерии для всякого вообще, с точки зрения Экхарта, подлинного опыта богообщения.

---

³⁰ Meister Eckhart. Predigt 52 // DW. Bd.II. S.502, 6–504, 3.

³¹ Мастер Экхарт. Избранные проповеди и трактаты / Пер., вступит. ст. и коммент. Н.О.Гучинской. СПб., 2001. С.35.

Важнейшими из этих признаков (и одновременно критериев) являются «холизм», «персонализм», «энергичность», обычно обнаруживаемые в мистической и аскетической практике современного Эххарту афонского исихазма. *Холизм* (от гр. *ὅλος* – целый) есть не что иное, как способность к участию в экстазе всего человека, во всем его психосоматическом составе. *Персонализм* (от лат. *persona* – роль, личность, характер) обозначает возможность сохранения в экстазе человеческой индивидуальности, хотя бы в обновленном и преображенном виде. Что касается *энергичности* (от гр. *ἐνέργεια* – действие), то под ней понимается сотрудничество в том же экстазе божественной и человеческой воли, имеющее место исключительно в совместном действии, при глубоком различии их онтологических статусов. Напрямую следуя из рассмотренных выше теоретических построений, перечисленные признаки и критерии мистического опыта нашли отражение в одном из фрагментов эххартовского трактата «О человеке высокого рода»:

«Когда человек, душа, дух взирает на Бога, то он понимает и мыслит себя познающим, то есть он сознает, что видит и созерцает Бога. И иным людям сдается, и это может показаться похожим на правду, что цвет и ядро блаженства заключается в осознании, – когда дух сознает, что он постигает Бога. Ведь если бы я испытал все блаженство и об этом не ведал, то какой же прок был бы мне от того и что это было бы за блаженство? Однако я уверенно говорю: это не верно. Если и верно сие, – что душа без этого все-таки не была бы блаженна, – то блаженство сокрыто все же не в этом; ибо первое, в чем блаженство сокрыто, это то, что душа в чистоте взирает на Бога. Здесь берет она всю свою суть и свою жизнь и творит все, что она есть, из основания Бога и не ведает о знании, о любви и ни о чем вообще. Она обретает покой только и единственно в сущности Бога. Она не осознает, что здесь сущность и Бог. Но если бы она знала и понимала, что она Бога видит, созерцает и любит, то это в соответствии с естественным порядком вещей было бы удалением, а [затем] возвращением в исходное»³².

Очевидно, что динамика изображенного здесь богочеловеческого общения строится на взаимодействии двух равноправных агентов. А именно: «человека, души, духа» и «Бога», за которыми стоят знакомые нам праведник «в себе» и праведник «как таковой», разнородные сущности, объединенные в образе «человека высокого рода». Праведник «в себе» не испытывает никакого поглощения со стороны праведника «как

---

³² Meister Eckhart. *Von dem edeln menschen* // DW. Bd.V. S.116, 21–117, 4.

такового». Более того, он способен к сторонней рефлексии, к «удалению», в котором, как бы оно ни было ничтожно в сравнении с блаженством божоединства, зачинается, согласно проп. 50, свидетельствующая о Боге «мистическая речь» (*sermo mysticus*)... Сам Экхарт закрепляет свои представления о сотрудничестве Бога и человека терминами «сотрудничество» (*mitwirken*) и «соротник» (*mitewürker*, ср. с *συνεργία* и *συνεργός* Дионисия и Гр.Паламы) и иллюстрирует их следующим образом: «Когда ясное солнце Божества просветило его (Павла. – М.Р.) душу, из светлой розы его духа излился поток любовного Божественного созерцания»³³.

Как указано выше, между праведником «как таковым» и праведником «в себе» Экхарт устанавливает аналогические отношения; и это является главным аргументом в пользу отсутствия у него пантеизма. Будучи по существу отличен от тварного праведника «в себе», нетварный праведник «как таковой» оповещает его о себе (*informare*), тем самым преобразуя его (*reformare*) и уподобляя себе (*conformare*). Говоря иначе, он видоизменяет его в соответствии со своими принципами организации, но оставляет его вполне инородным себе. Такой процесс преобразования обычно описывается посредством иллюминативных мотивов и образов света:

«От переизбытка свет, обретающийся в основании души, изливается в тело, и оно полностью просветляется»³⁴. «[Благодать] изливается даже в самое тело, притом в таком избытии, что оно в качестве тела подчиняется душе, как воздух свету, без того, чтобы при этом возникло какое-то сопротивление, что и открывается в дарах, каковые суть прозрачность, бесстрашие, утонченность, подвижность. И тогда жизнь становится совершенной, а подчинение материала окончательным»³⁵.

Учитывая сказанное, становятся понятны колебания Экхарта при попытках установить собственно субъект богопознания: познает ли Бога сам человек (праведник «в себе») в его обновленном статусе, или чело-

³³ Meister Eckhart. Predigt 23 // DW. Bd.I. S.407, 5–7.

³⁴ Meister Eckhart. Predigt 2 // Pf. S.12, 1–3.

³⁵ Meister Eckhart. Sermo 12/2. P.145 // LW. Bd.IV. S.136, 4–7. – Преобразование тела и телесных способностей обычно описывается в экхартловских проповедях посредством глагола «überbilden» (синоним лат. «reformare»). Ср. Predigt 3: «Познание шествует впереди. Оно – княгиня. Оно ищет владычества в высшем и наиболее чистом и передает его душе, душа – далее естеству, естество же – всем телесным чувствам» (DW I. S.52, 12–53, 1).

век познает Бога чрез Бога (рожденной в нем праведности), или же Бог познает сам себя при посредничестве человека? «Некий языческий учитель говорит, что природа на сверхприродное не способна. Посему Бог не может быть познан никакою природой, но если Он может быть познан, то это должно случиться в сверхъестественном свете»³⁶. По видимому, Экхарт склоняется все же к последнему варианту: «Бог познается Богом в душе», «Душа не действует, не познает и не любит, в ней действует и познает Сам Себя Бог»³⁷. Утверждая это, он стал продолжателем учения о «вечном круге», в свое время развитого Дионисием и его комментатором Максимом Исповедником³⁸.

Важнейшим и до сих пор едва ли учтенным мировую наукой признаком (и критерием) подлинного мистического опыта, как он понимался, культивировался рейнскими мастерами с Экхартом во главе, является *активность*, порой доходящая до благочестивой экспансии по отношению к Богу и озадачивающая тем более, что она неизменно позиционируется как податливость, готовность к претерпеванию и предельная пассивность. В приведенном отрывке из трактата «О человеке высокого рода» есть такие слова: «...душа в чистоте взирает на Бога. Здесь берет она всю свою суть и свою жизнь и творит все, что она есть...». (Ср. проп. 10: «Когда Бог взирает на тварь, Он сообщает ей ее бытие, а когда тварь взирает на Бога, она стяжает свое бытие. Душа имеет разумное познающее бытие; посему, где Бог, там и душа, где душа, там и Бог»³⁹.) Здесь существует своего рода пропорция «поскольку / постольку» (*inquantum / intantum, als / als*). Ведь поскольку взирает, постольку и получает, а если не взирает, то ничего не получит. Инициатором выступает сам человек, верней, если прибегнуть к терминологии «Толкования на Евангелие от Иоанна», тварный праведник «в себе» по отношению к нетварному праведнику «как таковому». По мнению признанных знатоков схоластики позднего Средневековья К.Флаша и Б.Мойзиша, экхартовскую концепцию активной пассивности следует возводить к теории активного интеллекта доминиканца Дитриха Фрайбергского (серед. XIII в. – 1318/1320). Последний утверждал в труде «О блаженном созерцании», что разум в той мере исходит из сущности Божьей, в какой

³⁶ Meister Eckhart. Predigt 57 // Pf. S.182, 37–40.

³⁷ Meister Eckhart. Predigt 1 // DW. Bd.I. S.18, 8; Predigt 76/1 // Pf. S.243, 4–6.

³⁸ Dionysius Areopagita. De divinis nominibus. IV, §14 (PG 3, 712 C; комментарий Максима: PG 4, 268 B).

³⁹ Meister Eckhart. Predigt 10 // DW. Bd.I. S.173, 6–9.

ее созерцает, «проистекая из нее и стяжая свою сущность тем, что постигает сию высшую сущность»⁴⁰. Если учение об экстазе основывалось на аристотелевских посылках («Действие воспринимаемого чувством и действие чувства тождественны, но бытие их не одинаково»⁴¹), то заострение этих посылок привело к антиаристотелевским выводам (действие разума, обосновывает его сущность⁴²)... В пределах аристотелевско-томистской онтологии это не имело ровно никакого смысла, ведь действие, принадлежа к числу акциденций, разряду случайно приложенного, не может определять чьей-либо сущности. Но вот у Дитриха, как и Экхарта, разум в своем созерцании Бога уподобляется Богу и сам становится светом в силу того, что созерцает божественный свет. – В этом вопросе рейнская мистика уже явно выступала за узкие границы теории познания в сферу конструирования мировоззрения, моделирования поведения. Она утверждала волевое и трудовое отношение к судьбе и к жизни, указывая на исходную человеческую инициативу (никак, впрочем, не мотивированную, но принятую в качестве аксиомы), которая заложена в основе сложной техники экстаза.

Отнюдь не случайным выглядит тот факт, что, в пику монахиням и бегинкам, а равно и вопреки современному мнению, рейнский Мастер рассматривал экстаз вовсе не как самоценное состояние и вершину духовного совершенства, но как школу и подготовку к общественному служению человека. Об этом он говорил в частности в проповедях 2, 86, толкуя Лук. 10, 38–42: «Пришел Иисус в одно селение». В первой из них Экхарт ставит имя «жена» выше имени «дева», ибо, в отличие от девы, жена способна не только к восприятию Бога, но и принесению плода. Сочетая два имени, проповедник создал образ чистой и плодovитой девы-жены. То, чему он учил, находится в вопиющем противоречии с мнением Л.П.Карсавина: «Мистику всякая деятельность психологически чужда, он живет от экстаза к экстазу... Он невольно смотрит на нее как на подготовительную ступень к экстазу или как на средство для его

---

⁴⁰ Von Freiberg D. *De visione beatifica*. 1, 2, 1, 1, 7, 2 // Von Freiberg D. *Opera omnia: in 4 Bd.* / Hrsg. unter Leitung von K.Flasch. Hamburg, 1977. Bd.1. S.43, 17–18.

⁴¹ Аристотель. *О душе*. Книга III. Гл.2. С.426 (425 b 25) // Аристотель. *Сочинения: в 4 т.* М., 1975. Т.1).

⁴² Einleitung F.K.: «В рамках фомистской онтологии этот тезис бессмыслен, потому что в соответствии с нею действие твари, неизменно относящееся к категории акциденции, не способно обосновывать субстанциальную сущность, которой оно принадлежит» (Von Freiberg D. *Opera omnia*. B.1. S.XX–XXI).

достижения»⁴³. Но действительное положение дел совершенно иное. В основе экстаза лежит деятельное обращение. Сам экстаз протекает в деятельном претерпевании. Последствия экстаза состоят в деятельном изведении обретенной внутренней формы вовне в область социума. Такое изведение называется самим Экхартом «*хабитус*» (*habitus*). Хабитус представляет собой совокупность всех добродетелей, не данных человеку в виде заповедей и внешних императивов, но выявляющихся в спонтанном обнаружении. После этой инверсии праведник становится похожим на камень, непреднамеренно стремящийся долу, или огонь, греющийся, произвольно устремленный горе. В спонтанном обнаружении добродетелей прославляется Бог.

Как видим, Экхарт радикально переосмыслил озадачивающие и наиболее одиозные тезисы современных ему еретиков. Человек имеет и не имеет благодать – разве не относится это к совмещенным в его образе праведнику «как таковому» и праведнику «в себе», соответственно? Разве не надлежит человеку углубляться в себя, в свои недра, где обретаются «духовные совершенства», причем обретаются так же, как в Боге? Разве не тождественны в человеке, как учит бегинка Маргарита Порете, душа и любовь, субстрат и его состояние, коль скоро, вопреки Аристотелю, качество этого субстрата напрямую зависит от действия и является его производным? И, наконец, разве «хабитус», как учит она же, не представляет собою совокупности тех добродетелей, которые, перейдя из несовершенного состояния в совершенное, служат преображенной душе, своей «Госпоже»? – Ясно: сколь бы ни были эти тезисы сами по себе еретичны (а они, повторим, в большой мере образовывали духовный мир И.Экхарта), их толкование в формальном (*formaliter, förmelich*), а не в природно-вещественном (*naturaliter, weselich*) ключе – с применением 4-частных структур учений об образе и праведнике – могло во всех случаях глубоко изменить их содержание, сделав их, хотя бы и с некоторыми оговорками, приемлемыми для Церкви.

5. Заключение

Имеет смысл задаться вопросом о том, какую социальную реальность, конкретной, какой тип человека отразил и метафизически обосновал праведник (*iustus*) Майстера Экхарта? Его имя нам уже известно по трактату «Сестра Катрай» – «друг Божий». Так назывался каждый из

---

⁴³ Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб, 1997. С.256.

членов неформальной конгрегации, возглавляемой тремя рейнскими мистиками: Экхартом, Сузо и Таулером. Состоя из их духовных чад, учеников и друзей, так или иначе знавших друг друга, эта конгрегация образовывала на рубеже XIII–XIV веков в немецкоязычных регионах южной Германии, Австрии, восточной Франции и Швейцарии своего рода внутреннюю церковь *харизматиков* в общих пределах западной Церкви. Повседневная жизнь этой церкви, имевшей покровителей, в частности, в лице Агнессы Венгерской и графинь фон Грайсбах, подробно описана в первом немецком собрании писем (1332–1350, всего 56), адресованных священником Генрихом Нёрдлингенским доминиканке Маргарите Эбнер из Медингена⁴⁴.

Если теоретическое обоснование образа праведника (друга Божьего, человека высокого рода) дано в п.14–22 «Толкования на Евангелие от Иоанна», то закрепленная им этическая доктрина разработана в ранних экхартовских «Речах наставления» (1294–1298), портрет же описан в посмертной апологии Экхарта «Книжица Истины» констанцкого доминиканца Г.Сузо (ок. 1329)⁴⁵... В своей книге с экхартовским названием «Иметь или быть» Э.Фромм правильно угадал главную мысль «Речей наставления»: «Людям следовало бы поразмыслить не столько над тем, как они поступают, сколько им стоит задуматься над тем, что они суть»⁴⁶. (О ее революционном потенциале он, вероятно, тоже догадывался, выбрав выразившую ее фразу в качестве эпитафии и разместив эту фразу между сентенциями Лао-Цзы и Маркса.) Метод «Речей наставления» определяется как *деконструкция*⁴⁷. «Иметь», по Экхарту, – вовсе не обладать внешним богатством, но располагать внешними, социально обусловленными репрезентациями и социальными ролями (будь то пост, молитва, милостыня, умиление), в которых человек явлен не только обществу, но и себе: чужим себе и от себя отчужденным. Мистик распознавал и осуждал разного рода восхищения, «теплоту чувств», лжеэкстатические, истерические мороки. Знал он и наработан-

⁴⁴ Ebner M., von Nördlingen H. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Mystik / Hrsg. von Ph.Strauch. Freiburg (in Br.), 1882.

⁴⁵ Оба текста переведены (См.: Майстер Экхарт. Об отрешенности / Пер., вступит. ст. и коммент. М.Ю.Реутина. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С.13–52, 321–343).

⁴⁶ Meister Eckhart. Die rede der unterscheidung. Kap.4 // DW. Bd.V. S.197, 6–7.

⁴⁷ Largier N. Représentation und Negativität. Meister Eckharts Kritik als Dekonstruktion // *Contemplata aliis tradere. Studien zum Verhältnis von Literatur und Spiritualität*. Bern; Berlin; Frankfurt (am M.); N.Y.; Paris; Wien, 1995. S.371–390.

ный, холодный экстаз, когда в экстатические переживания самим человеком закладываются расхожие представления и обращенные к нему общественные ожидания. Исследуя – главу за главой – такие репрезентации, Экхарт воспитывал у новоначальных монахов сам навык, формировал метод их разрушения. Однако, как это ни странно, к подобным репрезентациям он причислял также церковные таинства, в частности исповедь и евхаристию: «Оное потребление и блаженное вкушение тела нашего Господа состоит не только в причащении внешнем, оно заключается и в причащении духовном. Это человек может совершать по тысячу раз на дню и даже чаще, будь он там, где живет, болен или здоров». К чему церковные таинства, если благодать можно стяжать напрямую от Бога, становясь ею «богаче, чем всякий другой человек на земле»?⁴⁸ В «Речах наставления» уже ошутима жажда личного общения с Богом, тот глубочайший, иррациональный позыв, вокруг которого рейнский Мастер со временем выстроит новую этику и метафизику. В его метафизике не останется места для ангельской иерархии, некогда учрежденной в «Corpus Dionysiacum» и узаконенной Церковью⁴⁹.

Как же выглядит эххартковский «праведник» («человек высокого рода», «друг Божий»), этот эпохальный, содержательно богатый, по своему существу революционный образ, возвестивший о приближении Реформы М.Лютера? Подчеркнуто скромно: «У него не много жестов и слов, они просты и прямы. Его образ жизни умерен, так что вещи через него протекают помимо него, и он спокоен в своих помыслах»⁵⁰. И такая скромность подчеркивает величие образа.

---

⁴⁸ Meister Eckhart. Die rede der underscheidung. Kap.20 // DW. Bd.V. S.273, 8.

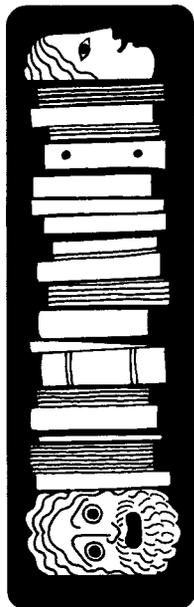
⁴⁹ Flasch K. Einleitung // Von Freiberg D. Opera omnia. Bd.1. S.XX. – То же утверждается и о Гр.Паламе (Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997. С.258–259).

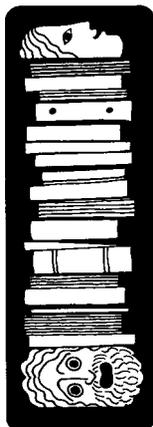
⁵⁰ Seuse H. Das Buch der Wahrheit / Hrsg. von L.Sturlese, R. Blumrich. Hamburg, 1993. S.70, 68–70.

Наше знание о другом опосредованно,
мы выводим его из поведения
и различных проявлений наших близких,
исходя из нашего опыта,
относящегося
к нам самим и к обществу,
в котором
мы живем.
Но это еще не вся истина...

Мы знаем a priori, что у людей есть цели, однако мы не можем догадаться, какие именно. Зная их цели, можно встать на их место, понять, что они хотели сделать...

Поль Вен

Виктор Мальков

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

P.S.
**К ИСТОРИИ ЖИЗНИ
ПРЕЗИДЕНТА США
ФРАНКЛИНА
Д.РУЗВЕЛЬТА**

УДК
929

From his entrance into public life before World War I through the years of Truman administration and up until his last days Felix Frankfurter, a prominent American lawyer and university professor with a profound concern to the whole sphere of human rights and social reform was always at the vital center of American politics. He reached a key position in American intellectual elite during the Great Depression in the 1930's and thanks to President Roosevelt's promotion became an influential member of the US Supreme Court. He was known as a leading adviser to the New Deal administration. Moreover he was closely associated with "the Roosevelt's family circle" and frequently took part in conversations with the president behind the closed doors of the White House. Frankfurter's previously unpublished letter to a friend from April 24, 1945 describing the first reaction on Roosevelt's death and analyzing the future of American politics gives a vivid reflection of the transitional time the American nation was to live through in the immediate postwar situation.

Ключевые слова: Рузвельт; последние дни; Ялта; образ политика; память поколений; пограничная ситуация; мировой порядок.

Key words: Roosevelt; last days; Yalta; an image of the politician; memory of generations; a boundary situation; a world order.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

12 апреля 1945 года, находясь на отдыхе в своем небольшом поместье в Уорм Спринс, штат Джорджия, скончался Франклин Делано Рузвельт. Никакие внешние факторы как будто не предвещали этот внезапный уход из жизни шестидесятитрехлетнего президента США. Утро выдалось солнечным, президент и его друзья готовились к вечернему барбекю, сам Рузвельт шутил, смеялся, подписывая бумаги и позируя заканчивающей его портрет художнице Элизабет Шуматовой. Знакомство с утренней прессой внушало надежды на скорую капитуляцию Германии, политическая обстановка в стране после ноябрьских выборов 1944 года оставалась спокойной. Кровоизлияние в мозг в миг парализовало президента, остановив течение одной эпохи и обозначив начало другой. Это случилось примерно в 13.15 дня.

Страна, да и весь остальной мир были повергнуты в шок. Ушел из жизни великий политик – один из создателей и гарантов прочности антигитлеровской коалиции, обладавший мощной положительной энергетикой, дальновидностью и бесстрашием перед переменами. Он сумел не только предложить «выполнимую» программу преодоления Великой депрессии, но и последовательно, шаг за шагом приближал этот момент. Огромны заслуги Рузвельта в выстраивании правильных союзнических отношений. Его идеи нового мирового порядка, социальной ответственности государства и особое внимание к нуждам «забытого человека» воистину овладели массами и имели международный резонанс. Этим объясняется особая настороженность очень многих людей в вопросе о преемственности в деятельности правительства США, сформированного после выборов 1944 года самим Рузвельтом, но которому предстояло отныне без него заниматься мировыми и внутренними делами (включая и создание нового, атомного оружия) под руководством оказавшегося в «команде» Белого дома еще вчера малоизвестного политика вице-президента Гарри Трумэна.

В доверительном письме Феликса Франкфуртера, видного американского юриста, представителя академической науки и правозащитника, эта историческая ситуация отражена была и прямо и косвенно. Написанное старому другу 24 апреля 1945 года в откровенной манере и по свежим следам кризисных событий, оно хорошо передает драматическое напряжение момента, ощущение его переломного характера. Было ожидание, что личные симпатии и антипатии нового президента к старым членам кабинета могут повлиять на смену приоритетов в политике. В письме чувствуется тревога в связи с трудными проблемами будущего, которыми всегда оборачивался конец войны. Откуда было взяться

оптимизму? Именно в этом контексте следует понимать резкие возражения Франкфуртера против критического прогноза У.Липпмана в отношении дипломатического курса преемника Рузвельта. Он напоминает журналисту его скептические оценки интеллектуальных возможностей Рузвельта в ранний период его президентства. Но весной 1945 г. чутье и информированность Липпмана его не подвели, а опровержения Франкфуртера отражали только происходивший раскол внутри американской интеллектуальной элиты, случившийся сразу же после смерти Рузвельта.

Первый день встречи Большой Тройки в Ялте, февраль 1945 г.

Следует два слова сказать об авторе письма, которое публикуется ниже. Феликс Франкфуртер был во многих отношениях неординарной личностью. Сын эмигрантов из Вены, он сумел получить превосходное образование в гарвардской школе права, а приобретенная известность позволила ему вскоре не только занять высокое положение в государственных учреждениях, но и сблизиться с видными политиками и учеными. Среди них были Генри Стимсон и Франклин Рузвельт. Активная гражданская позиция и леволиберальные убеждения поставили Франкфуртера в ряд с теми, кто вошел в круг ближайших советников Рузвельта после победы последнего в борьбе за президентское кресло в 1932 г.

«Феликс, – заметил как-то Рузвельт, – способен извлекать из себя больше идей в минуту, чем любой другой человек в моем окружении. Он обладает блестящим умом, который излучает энергию такой силы, что вызывает у меня головокружение. Я нахожу его потрясающе интересным человеком, стимулирующим к действию»¹.

Эпистолярное наследие Франкфуртера велико. Отдельным изданием в свое время вышла его переписка с Рузвельтом. Однако письмо Бурлингхему осталось неизвестным, хотя в нем содержится немало тонких наблюдений и, как полагает автор публикации, отражены важные черты политической обстановки в стране.

* * *

24 апреля 1945²

Дорогой Чарльз:

1. Пополудни в четверг 12 апреля лорд Галифакс³ и я отправились на продолжительную прогулку по Рок Крик парку. Посол (Галифакс. – *В.М.*) должен был вернуться в посольство в 4.30, и его машина осталась ждать нас возле Старой мельницы (Вы, возможно, помните это место) с тем, чтобы затем взять нас обратно домой. Уже в конце нашей беседы по пути к машине Галифакс, внезапно обращаясь ко мне, сказал: «Что Вы думаете о здоровье президента?» Я ответил: «Честно говоря, я боюсь худшего». На что Галифакс сразу же отреагировал: «Я полностью разделяю Ваши опасения. Когда я разговаривал с ним в присутствии Оливера Митлтона и Льювелмена перед тем, как он отправился в Уорм Спрингс, я был просто поражен теми изменениями, которые произошли за время после нашей последней встречи, как раз перед тем, как президент отправился в Ялту». Я тогда сказал Галифаксу, что после того как моя жена Мэрион увидела Рузвельта в день инаугурации, она сказала мне: «Он выглядит как обреченный человек. Он выглядит как человек, который по большому счету уже не с нами». Это было 20 января, и Вы, конечно, помните замечание Черчилля, сделанное им как-то, что в Ялте

---

¹ *Schlesinger A.M.Jr. The Crisis of the Old Order 1919–1933. L., 1957. P. 433.*

² *Library of Congress. Felix Frankfurter Papers. Box 35. Frankfurter to Charles C.Burlingham. April 24, 1945.*

³ *Галифакс Эдуард Фредерик Вуд, лорд. Посол Великобритании в США, в 1938–1940 годах министр иностранных дел Англии.*

президент имел отсутствующий взгляд. Я продолжал, обращаясь к Галифаксу: «Я последний раз видел президента на похоронах "па" Уотсона⁴ примерно два месяца тому назад, и тогда же я сказал Мэрион, что он выглядит очень плохо». Галифакс после этого заметил, что, в сущности, мы оба думали о том, что президент может умереть в любой момент.

2. Где-то в начале 1944 г. что-то случилось с его (Рузвельта. – *В.М.*) физическим состоянием, хотя я не знаю что. Я помню, как он сказал мне как раз перед тем, как отправиться на юг (я полагаю, чуть более года тому назад), что он почти каждый день «испытывает боль из-за этой проклятой простуды, которую подхватил в начале года». Я тогда же сказал об этом Мэрион, будучи глубоко взволнован этим откровением, а, как Вы знаете, президент никогда не жаловался.

3. Когда менее чем через два часа после того, как мы расстались с Галифаксом, я услышал ошеломляющую новость, она, несмотря на мою внутреннюю готовность знать о том, что произошло, показалась мне невероятной. Мы все не могли представить себе, что не стало такой замечательной витальной силы. Когда я пришел в себя, моей первой мыслью – я экстраверт – была огромная благодарность за то, что судьба была столь благосклонна к нему, что забрала его быстро и безболезненно. Я ничего не мог поделаться с собой, чтобы не думать о том, что случилось с Вильсоном⁵ и как-то ясно представить себе, что ФДР⁶ жил всего лишь вполовину своих физических возможностей под тяжестью фатальной болезни, нести бремя которой продолжительное время было невыносимо трудно. Более того, было бы ужасно для страны и всего мира, если бы повторилась история с Вильсоном, с хаосом в управлении государством или, в сущности, с отсутствием всякого управления во время серьезного нарушения дееспособности президента. И это могло привести неизбежно к повторению ситуации с Вильсоном, хотя миссис Р. (Элеонора Рузвельт. – *В.М.*), конечно же, полярным образом отличается от миссис Вильсон⁷. При этом Ф.Р. очевидно сделал все необходимые распоряжения, которые предупреждали от повторения случившегося с Виль-

---

⁴ Уотсон Эдвин, генерал (кличка «па»), помощник Рузвельта, скоропостижно скончался на борту крейсера «Квинс» во время возвращения с Ялтинской конференции.

⁵ Вильсон Вудро, президент США в 1913–1921 годах.

⁶ ФДР, ФР – Франкфуртер в письме чаще всего пользуется ставшими для всех давно знакомыми инициалами президента.

⁷ Вильсон Эдит Голт, супруга президента В.Вильсона, фактически выполнявшая обязанности президента во время его болезни.

соном перед тем, как он, Рузвельт, направился в Ялту. Фрэнсис Перкинс⁸ рассказала мне, когда я обратился к ней с теми же утешительными соображениями, какие я выше высказал Вам, что на последнем заседании кабинета накануне отъезда в Ялту Ф.Р. сказал, что с ним может что-то случиться, что "Атлантика все еще кишит подводными лодками" и что если он умрет, то это не станет катастрофой, поскольку Конституция предусмотрела такой оборот событий, однако, если он не умрет, а всего-навсего окажется недееспособным, продолжал он, "я хотел бы, чтобы Вы (указывая на Эдуарда Стеттиниуса⁹) созвали заседание кабинета и приняли необходимые решения, и (смеясь) если и Вы в этот момент окажетесь поп сомпрос (невменяемым. – В.М.), тогда Вы, Генри¹⁰, как следующий по рангу старейший член кабинета, соберете кабинет на заседание и т.д."

4. Я хотел бы видеть Вас в Гайд Парке, когда мы прощались с Рузвельтом. Это был отличный день и безупречно проведенная церемония. Небо оставалось ясным, Господь улыбался Рузвельту в последний раз, а в воздухе повис какой-то странный звук, который только усиливал общую боль. Прощальная церемония отличалась необычной торжественностью и остротой по причине почти неземной повелительной силы и удивительно мощного голоса физически хрупкого старенького пастора, который вел церемонию. Вы были бы рады узнать, хотя это Вас и не удивило бы, что Ангус Дан¹¹ свою часть церемонии провел в Белом доме так же великолепно.

5. Увы, ложен общий постулат о том, что высокие должности рождают великих людей. Существует также гидравлическое давление в пользу мнения, что высокие посты наделяют человека качествами, о которых он сам или другие люди и не подозревали, а окружение людей на высоких постах каким-то образом усиливает свойства, делающие их обладателей значительнее, чем они сами о себе думали. Так, похоже, случится и с

---

⁸ Перкинс Фрэнсис, бессменный министр труда в администрации Ф.Рузвельта.

⁹ Стеттиниус Эдуард, с ноября 1944 по июнь 1945 года государственный секретарь США. Возглавлял делегацию США на конференциях в Думбартон-Оксе (1944) и Сан-Франциско (1945). После ухода с поста государственного секретаря в 1945 г. был назначен постоянным представителем США в Совете безопасности ООН. Но в 1946 г. Стеттиниус ушел с этого поста.

¹⁰ Речь, скорее всего, идет о Генри Стимсоне, военном министре США, занимавшем с 1911 года высокие должности в правительствах США.

¹¹ Дан Ангус – епископ протестантской епархии в Вашингтоне.

Трумэном, однако ни страна, ни он сам не выиграют от воскуривания ему фимиама. Так, газета РМ уже пришла к глупым выводам, результатом чего скоро станет признание, что они поступили несправедливо по отношению к Трумэну, высказав несбыточные ожидания, которые он сам лично и не разделяет. Но он без сомнения является человеком лучших побуждений, который посвятит себя полностью и сознательно выполнению задач, которые близки каждому из нас. Он может быть решительным, иногда даже более решительным, чем следовало бы быть, потому что он не вполне адекватно воспринимает все сопутствующие сложности, связанные с его решениями, и, конечно, он свободен от поэтического чувства, которое питает воображение. Но, как я сказал как-то Генри Стимсону¹², он может оказать на Трумэна большее влияние, чем на Рузвельта, потому что Ф.Р. был в высокой степени самодостаточен. Я мог бы суммировать в двух простых сентенциях мои впечатления о Трумэне, как они вырисовываются сейчас: он обучаемый человек, но все зависит от того, кто будет проводить это обучение.

6. Принимая во внимание состояние президента в тот момент, о котором идет речь, и то, в котором он бы находился, если бы остался жив, я полагаю, что сила его влияния в качестве символа была бы значительно большей благодаря идеям, выраженным им и разделяемым нами всеми, чем воздействие его личности. Справедливости ради, следует сказать, что Ф.Д.Р., от решений которого зависела судьба людей во всем мире, не был тем Ф.Д.Р., который существовал в их сознании. Вы знаете, что произошло с Вильсоном. Из-за того, что его личный престиж снизился после Парижа¹³, ровно то же произошло и с его идеями. Напротив, Ф.Р. ушел из жизни на пике своей популярности, поэтому его идеи остались нескомпрометированными, а их влияние даже усилилось.

7. Вашингтон, разумеется, переполнен слухами и разговорами всех сортов об изменениях в правительстве. Я ничего на этот счет не знаю. Но мне трудно поверить, что такой осторожный человек, как Трумэн, мог бы совершить такие моментальные и решительные изменения вроде увольнения Эда Стеттиниуса. Статья Уолтера Липпмана¹⁴ в одинаковой

---

¹² *Стимсон Генри – в 1940–1945 годах военный министр в администрациях Ф.Рузвельта и Трумэна.*

¹³ *Речь идет о личной трагедии президента В.Вильсона, ставшего свидетелем краха своих идей и усилий добиться их осуществления после Парижской мирной конференции 1919 года.*

¹⁴ *Липпман Уолтер – видный и влиятельный американский журналист, публицист и*

мере глупа и вредна. Только такой недалекий человек, как Уолтер – а я не знаю другого ему подобного, который бы высказал больше чудовищных нелепостей в последние пятнадцать лет, чем это сделал Уолтер, – способен накануне конференции в Сан-Франциско заявить на весь мир, что глава американской делегации и по сути председательствующий на конференции выполняет свои функции, не будучи официально уполномочен это делать.

На этом я должен закончить.

Всегда Ваш

С.С.Бурлингхему, эсквайру

Перевод В.Л.Малькова

Президент Рузвельт докладывает Конгрессу об итогах Ялтинской Конференции. 1 марта 1945 года

аналитик, чьи прогнозы, как считал Франкфуртер, порой не оправдывались. Мнение последнего оказалось в данном конкретном случае ошибочным. Липпман, сторонник рузвельтовской линии в отношениях с СССР, оказался осведомленным о подводных течениях в дипломатических кругах Вашингтона лучше Франкфуртера. Кризис между странами наступил уже в конце апреля 1945 года. Ф.Франкфуртера и У.Липпмана связывала «двадцатилетняя дружба», но их взгляды на окружающий мир часто расходились (См.: Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994).

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук,
политолог, Президент Международного общественного
фонда «Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Максимычев Игорь Федорович

посланник в отставке, доктор политических наук,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Лапицкий Марк Исаакович

доктор исторических наук,
профессор Российской академии внешней торговли

Марьина Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Реутин Михаил Юрьевич

доцент, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
института высших гуманитарных исследований
при Российском государственном гуманитарном университете
(ИВГИ РГГУ)

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра
историко-теоретических исследований
Института всеобщей истории РАН

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center»
editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor of Chair History of Russian Literature,
philological faculty of Moscow State University

Maksimychev Igor' Phedorovich

D. Sci. in political sciences, the Chief researcher
of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Lapitsky Mark Isaakovich

D. Sci, historian, Professor of Russian Academy of Foreign Trade

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor,
the Chief researcher of the Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Reutin Mikhail Yur' evich

Ph.D., philologist, assistant Professor,
senior scientific employe
of the Institute for Higher Humanitarian Researches
at the Russian State Humanitarian University

Mal'kov Victor Leonidovich

D. Sci., historian, Professor,
Merited Science Worker of Russia,
Head of Scientific Centre of theoretical research
of the Institute of world history,
Russian Academy of Sciences

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ в Москве

«Гелея», Нахимовский просп., д.51/21;

«Наталис», Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»:

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;

киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;

киоски I и II гуманитарных корпусов МГУ, Воробьевы горы;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1;

киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 1-ый читательский подъезд;

книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109–110

в Санкт-Петербурге

салон филологического ф-та СПбГУ «Книжный окоп»,
Университетская наб., д.11

в интернет-магазине «Политкнига.ru» www.politkniga.ru

в интернет-магазине «Агентство научных изданий»
www.ani-books.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»

Альтернативная подписка:
ООО «ИнтерПочта-2003»
тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64
ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00
ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru

Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru

**новая книга
Сергея Кургиняна
«Актуальный архив».**

**В книге собраны основные ранние
работы известного политолога
Сергея Кургиняна.**

**Написанные в период перестройки,
они и сегодня сохраняют
шокирующую политическую
актуальность.**

**Книга позволяет составить
целостное представление
о событиях конца 80-х – начала 90-х
годов, когда ломалась вся матрица
советского государства.**

**История грозит вновь повторится
в виде «перестройки-2» ...**

**Справки по телефону
691-74-79**

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.

Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI» 2010.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 17.06.2010. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11.5 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

3. 2010 may-june

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Counteroffensive of the Modern:
Options and Alternatives _____ **6**

The Faces of Catastrophe

Andrey Ranchin

“The Vilest Might”: on the End of the University
Epoch and Reform of the Russian
Higher Education _____ **26**

Geopolitics and International Policy Issues

Igor' Maksimychev

The Post is Surrendered. The DDR's Last Year.
Extracts from Diaries of the Advisor-envoy
of the USSR Embassy in Berlin _____ **58**

Pages of History

Mark Lapitsky

Russia — USA:
Two Countries, Two Worlds _____ **82**

Russia in the World

Valentina Mar'ina

1944-1945: The Red Army
in East Europe _____ 120

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Mikhail Reutin

The Image of Man in the Work
of Johann Eckhart. The Theory
of Ecstasy _____ 146

Topical Archive

Victor Mal'kov

P.S. Details of Life
of Franklin D. Roosevelt,
the USA President _____ 170

РОССИЯ XXI